Нармина Мамедзаде

ТАРОКИ

РОМАН

Москва
Издательство «Фрегат»
2014

Нармина Мамедзаде «Тароки» – Москва: Издательство «Фрегат», 2014. – 224 стр.

Новый роман Члена Союза писателей Нармины Мамедзаде рассказывает о судьбах наших современников и касается широкого спектра философских, нравственных и психологических проблем цивилизации. Книга адресована широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-88931-002-8

Исключительные авторские права на роман «Тароки» принадлежат его автору. Воспроизведение всего текста, а равно его фрагментов возможно только с письменного согласия правообладателя.

© Нармина Мамедзаде, текст, 2014
© Нармина Мамедзаде, рисунок обложки, 2014
© Алина Тарасенко, дизайн, 2014

Из «бездонной коллекции всевозможных историй под названием «жизнь»

Земная цивилизация осваивает океан, проникает в глубины земли, посылает аппараты для исследования планет Солнечной системы. И в то же время многие люди должны честно признаться: они живут, не познав самих себя. Рефлексии по этому поводу чрезвычайно сложны, загадочны и многослойны. Вместе с тем психология мотивации до сих пор является одной из малоизученных и противоречивых областей знаний с обилием эмпирических исследований и нехваткой общетеоретических идей.

Неудивительно, что углублённое исследование внутреннего мира человека, начатое древними греками, развитое в эпоху Возрождения и возведённое в культ Ф.М Достоевским, по-прежнему привлекает литераторов. К ним относится и член Союза писателей Азербайджана Нармина Мамедзаде, новый роман которой «Тароки» я с удовольствием хочу представить читателю.

Замечу, автор верен себе и своему творческому методу углубленного психоанализа, который был характерен для повестей и рассказов первого сборника повестей и рассказов «Воспоминания по Цельсию», изданного в 2012 году. Но в «бездонной коллекции всевозможных историй под названием «жизнь» есть и новые, не менее захватывающие истории, и Нармина подходит к изложению их с необычной стороны.

Современная русскоязычная литература насыщена не столько аллюзиями, сколько попытками повторить чей-то стиль. Поэтому пойти в ней своим путём достаточно сложно. Однако автору романа это удалось, и сюжет, разворачивающийся на фоне игры в карты Таро, составляет «изюминку» книги. Те, кто знакомы с этой игрой, подтвердят: первый уровень, с которого начинается познание Таро – это психологический уровень знакомства с самим собой. Игроки знают: постичь суть игры и добиться успеха можно только в движении: шаг за шагом, переходя от одной ступени познания к другой, более сложной.

Так же точно автор начинает знакомить нас с действующими лицами своего романа. Герои книги рассказывают о себе. А ты время от времени задаёшь себе вопрос: они уже открыли всем дверь в свой внутренний мир, или ещё продолжают смотреться каждый в своё зеркало в гордом одиночестве, не раскрывая никому сути своей натуры?

Следующий уровень игры в Таро – психологический, но это уже познание других. И автор подводит читателя к мысли: только до конца понимая себя, можно понять другого человека. Здесь начинает работать предсказательный уровень, ведь исторически карты Таро изначально применялись для духовного развития личности, способствуя раскрытию внутреннего потенциала. Только гораздо позже они стали использоваться в гадательной практике.

Приходилось слышать: быстро понять суть Таро нельзя – это многослойное и многоуровневое явление, которое открывается каждому в соответствии с его уровнем развития. Согласитесь: нельзя поступить в университет, не окончив начальную, а затем среднюю школу? В познании этой игры и в совершенствовании в ней нет лёгких путей, зато есть опасность поверхностного видения и искажения сути. Точно также и в изучении личности – автор осторожно раскрывает суть характеров героев и ведёт сюжет к обострению, обогащая действие новыми персонажами.

Кто же герои автора? Как и в первой книге Нармины Мамедзаде, они – наши современники. И так же, как в «Воспоминаниях по Цельсию», они разные, но далеко не идеальные: совершают ошибки и переживают, влюбляются и ненавидят, доверяются сердцу или уму, прощают и помнят. И как в картах Таро, для них действует правило: если человек не разобрался со своими проблемами, существует опасность наложения их на интерпретацию сущности других людей. Так и в любом раскладе карт Таро: можно обнаружить карты различного характера по предсказанию. Точно так же существует многовариантность и в действиях, и поступках.

«Неважно, являются ли карты тайным инструментом волшебника или обычной отвёрткой опытного взломщика, сумевшего открыть механизм замка потайной дверцы. Самое главное, что за ней кроется. Может, ящик Пандоры, который

нельзя было открывать», – говорит один из героев романа. И тогда мы понимаем: должен когда-то наступить не окончательный, но промежуточный момент истины. Так и происходит. Более того: мы узнаём наших героев совершенно с другой стороны, понимая, насколько непредсказуем человек и как часто непонятны его поступки. И особенно, если это касается такой сложной области человеческих взаимоотношений, как Любовь.

Роман Нармины Мамедзаде не содержит готовых рецептов. Это не поваренная книга и не бульварный роман для того, чтобы скоротать время в метро. Добавлю, роман «Тароки» не является лёгким чтением – он для людей вдумчивых и любящих поразмышлять. И когда я вновь пробегал страницы книги, вспомнил слова философа и литературоведа Льва Шестова, который заметил: «Может быть, большинство читателей не хочет этого знать, но сочинения Достоевского и Ницше заключают в себе не ответ, а вопрос».

Вопрос, способный привести к новым открытиям. Думаю, именно такую цель ставит перед собой автор, и я уверен: читатель найдёт в новом романе Нармины Мамедзаде пищу для размышлений.

Александр Кожейкин, член Союза российских писателей

САНА

Город потихоньку просыпался, решительно сбрасывая с наступлением рассвета тёмное покрывало ночи. Апельсиновое солнце, медленно потягиваясь, поднималось над городом, озаряя крыши домов ярким светом. Город встречал ещё один день, приветствуя новую жизнь.

Где-то под утро мне приснился сон. Будто я стою на перекрестке нескольких длинных дорог, не в силах выбрать, по какой из них продолжить свой путь. Каждое из направлений предлагало разный маршрут. Что-то подсказывало мне: в конечном итоге дороги всё равно должны сомкнуться в одной точке.

Но какой путь предпочесть? Я стояла, надеясь, что мне удастся последовать за кем-то из близких мне людей. Я была уверена: они подскажут верное направление. Но, к своему ужасу, не могла двинуться с места. Я была не способна даже пошевелить рукой. А они, мои близкие, вдруг возникнув, в молчании проходили мимо; эти люди звали взглядом, полным тоски. Однако я ничего не могла сказать им в ответ.

Вскоре все эти люди исчезли. Но вдалеке маленькой фигурой был виден незнакомый странник. Он стоял неподвижно, как будто поджидая меня. Как ни странно, но именно дорога по направлению к незнакомцу манила к себе, призывая идти именно по ней. Но, с каждым шагом приближаясь к неизвестному мне человеку, я чувствовала необъяснимый ужас. Во всём облике таинственного незнакомца было нечто странное. И вдруг при приближении я обнаружила, что именно: у него не было лица.

Сон был ужасен. Он усугублялся тем, что случился после тяжёлого дня и моего дня рождения, которое отмечали

шумно и весело – всей честной компанией в маленьком, но дорогом нам всем кафе. Мне и так еле удалось уснуть, а тут, будто бы в качестве возмездия за безудержное веселье, вновь приснился тот же сон, который снится мне несколько лет подряд. Промелькнула мысль: я схожу с ума. Так отправляются в никуда, ожидая на неизвестной остановке или покидая последний поезд электрички.

Отчаявшись вторично уснуть после внезапного пробуждения, я решила более не мучаться. Поднявшись с уютной и тёплой постели и прислушиваясь к звуку собственных шагов, я направилась к холсту, который примостился у окна. Он был ещё немного влажный и слегка прилипал к кончикам пальцев, касающихся его поверхности. Этот холст утром принёс мой друг-художник, сказав, что уже две недели готовил мне сюрприз.

На тёмном фоне холста едва угадывалась обнажённая фигура женщины в шляпе, скрытая за корзиной ярко-красных яблок. Но, тем не менее, я видела эту незнакомку, подсознательно ощущая её присутствие в своей спальне.

Ощущение влажности воздуха в сочетании с ароматом масляных красок создавали особую атмосферу комнаты. Захотелось протянуть ладонь и взять одно из яблок, а затем с хрустом надкусить, словно запретный плод. Мои ладони и пальцы перепачкались чувствами цвета индиго. Почему-то захотелось любви. Той, о которой мечтаешь, но не надеешься обрести. Той, о которой пишут в книгах и которую показывают в кинофильмах. Но не той, которая плохо заканчивается или заканчивается совсем.

Впрочем, если честно признаться, то большинство людей – неисправимые оптимисты. И каждый такой человек в глубине души надеется: именно у него любовь будет самая

счастливая, а жизнь сложится только хорошо. И это замечательно.

Наспех протерев ладони влажными салфетками, продолжая нарушать первозданную ночную тишину, я побрела спать. На мгновение мне показалось, что в моей постели лежит Зак, повернувшись лицом к стене. Я провела ладонью по кровати, и она показалась мне тёплой, всё еще хранящей частичку моей несбывшейся мечты. Не в силах лечь на кровать, полную воспоминаний, я опустилась на шёлковый ковер и свернулась клубочком. В комнате было прохладно, но мне хотелось остудить свой пыл, свою страсть, может быть, как-то притупить чувство вины...

А ведь именно это чувство редко покидало меня в последнее время, хотя я старалась следовать по давно проторенной дорожке и просто не замечать его, обходя стороной. Поздняя весна заставляла кровь барабанить по голубым венам, а страсть бить в голову – наверное, как первый бокал шампанского в шестнадцать лет.

Невольно я стала прокручивать в голове все события за последнее время. Некто неизвестный подбросил мне утром небольшой конверт – прямо на старый половичок перед дверью. Я нашла его слегка помятым. Это было неудивительно – ведь с половика неохотно слез соседский кот, видимо, навещающий мою кошку, которая, к моему счастью, была заперта в доме. Помятый, испачканный конверт с надписью «Сане» терпеливо ждал своего часа.

Ситуация показалась мне весьма странной: тем более, в белом конверте не чувствовалось письма. Я зашла в дом и погладила подошедшую кошку, которая от радости замурлыкала и прижалась к моему колену. Соскучилась! Пройдя на свою просторную кухню, я занялась чаем. Захотелось с

удовольствием выпить такой горячий, свежий и ароматный напиток, с привкусом родного дома! Мне подумалось: у всех, кто любит чай, он имеет особый привкус, а качество напитка зависит от умения и свойств чайника, в котором его заваривают. Наверное, поэтому одни и те же листья чая у настоящих ценителей приобретают свой собственный аромат.

В общем, вспомнила я про конверт только поздно вечером, когда промывала чайник перед сном, после чаепития в кругу близких друзей, зашедших на огонёк после празднования. Белый, маленький прямоугольник терпеливо дожидался меня на кухонном столе. Наконец, я распечатала конверт... и не обнаружила ничего внутри. Пустышка!

Долго разглядывая пустой конверт, я не могла понять, кто, а, главное, для чего, мог это послать? Адресовано точно мне. Изучив конверт ещё раз, осмотрев внимательно его внутренние поверхности, я всё равно ничего в нём не обнаружила. Ошибка? Но ведь в округе именно меня зовут Саной. Непонятно.

Изрядно устав от довольно долгой и тяжёлой недели, я решила оставить размышления на потом. Как говорится, до лучших времен. При выходе из кухни я забросила надорванный конверт в ящичек для визиток. Пусть подождёт своей очереди.

Прошлая ночь показалась длинной. Возможно, оттого, что именно Зак не пришёл на мой день рождения. Сей факт означал то, что спать я легла в грустном одиночестве. Зак не звонил весь этот день, хотя я заранее такое его поведение предугадала, проснувшись накануне утром от аромата белых лилий на тумбочке, возле кровати. Конечно, он решил таким образом извиниться за своё предстоящее отсутствие. Мы ведь только и делаем, что заглаживаем это паршивое чувство вины.

Цветы я перенесла на подоконник в кухне – иначе их аромат грозил усилить мою головную и душевную боль. Кошка Мегги знала: единственная комната, куда ей был запрещён вход – моя спальня, поэтому даже не порывалась зайти. Свернувшись уютным калачиком, она уснула на кухонном диване.

Отчаявшись обрести покой, я присела на крохотный стульчик возле трюмо, чтобы нанести крем на лицо и уставилась в зеркало. С детства привлекавшее меня королевство зеркал, как обычно, манило в свои пределы. Мне захотелось окунуться в волны собственной души, чтобы проплыть до самого конца этого огромного моря и там тихонечко утонуть. Клонило в сон. Я растворялась в собственном взгляде, медленно превращаясь в маленькую точку. Еще чуть-чуть – и я могла исчезнуть, но вдруг лёгкое дуновение ветра заставило меня очнуться и даже вздрогнуть.

Я готова была поклясться – подуло из зеркала! Дабы не нагонять ещё больше страха, я поспешила лечь в постель и набрать номер Зака. Абонент был недоступен. Впрочем, я ожидала именно этого...

Мне удалось всё-таки уснуть. Потому что вскоре, открыв глаза в кромешной темноте, оказалась на своей кровати, в комнате с задёрнутыми шторами, которые почти всегда оставались закрытыми в спальне. Причина была проста: утром не хватало времени их открыть, вечером это не имело никакого смысла. Шторы моей жизни, обретающие значение поначалу, имели свойство терять его под конец...

Где-то на полу мигал огонек мобильника, информирующий о поступлении сообщения. Оно было от Зака. Подумалось: до чего же странные у нас отношения! Пару лет назад я принесла домой полуразбитый кувшин, который забрала у

художника, живущего по соседству. Разрисованный со всех сторон причудливыми узорами, в которых можно было уловить очертания человеческих силуэтов, он был надломан с одного края и где-то потерял своё дно. Почему-то он напомнил мне наши отношения – они давно дали трещину, но не было никакого выхода – лишь, сплошной лабиринт разочарований и любовных утех.

Я принесла кувшин домой со словами: «Пусть стоит у нас. Мы будем собирать в него капельки нашей вины. А когда жидкость перельётся через надтреснутый край, значит, нам конец».

Зак только покачал головой: «Опять твои причуды! Жизнь и так сложна. Но, если разобраться, всё у нас не так уж и плохо!»

«Действительно, – подумала я в тот момент, и вторая мысль подстегнула первую, – а может, так и есть, и его не так сильно мучает создавшееся положение, как меня?»

Я протянула руку и решительно выключила мигающий мобильный телефон. На сегодня капель в кувшин достаточно. Пусть останется что-то и на последующие дни.

АЛЕКС

Я наблюдал, как рушатся стены домов на расстоянии нескольких кварталов от моего небоскрёба. Зрелище завораживало. Бульдозеры крушили ветхие стены старых домов, ставя точку на их длинной истории и превращая в пыль чьи-то воспоминания. Я задумался: разрушая чьи-то жизни, люди зачастую получают труднообъяснимое удовлетворение от

осознания своей силы, ощущения собственного могущества и чувства подавляющего превосходства над чужими судьбами.

Я не мог сказать этого о себе. Но задумался: а что чувствовал я, когда на моих глазах порой ломались чьи-то судьбы, более того, обрывались жизни людей? Хотя надо посмотреть правде в глаза. Разве я на самом деле обладал какой-то могучей силой для того, чтобы разрушить чью-то жизнь? Если вдуматься, моё влияние на людей касалось лишь области деловых отношений, в которых я строго придерживался понятий чести и совести.

Так меня учил тот, кто волей судьбы стал мне единственным близким человеком. У меня не было друзей, но я зачастую пристально наблюдал за жизнью тех, с кем сводила судьба. Если в какой-то момент нашего общего пути они пытались обвинить меня в своих бедах, мне было смешно допустить эту мысль. Я понимал важное правило: обнажать души людей без их разрешения недопустимо. Я был неспособен морально раздеть донага своих попутчиков по судьбе, чтобы выставить напоказ – на строгий суд. Если разобраться, строгими судьями являлись они сами, при этом не страшились своего же приговора, поначалу осторожно, а впоследствии с огромным рвением делясь самым сокровенным – своей бессмертной душой.

Карты, разбросанные на письменном столе, искрились золотистыми узорами, а сладковатый дым от сигарет всячески пытался приглушить их свет. Стоя перед огромными окнами, разглядывая мир сверху, я держал в ладони пустой конверт и улыбался. Может, мир и не должен так быстро разрушиться, может, ещё не поздно что-то изменить? Даже пустой конверт может содержать важную информацию, если попадёт в руки того, кто способен читать между строк и может чувствовать наш мир подсознанием.

Коснувшись конверта кончиком языка, я увлажнил край, хотя в этом не было особой необходимости. Мне хотелось, чтобы таким образом её изящные пальцы коснулись моего дыхания, придав посланию свой собственный аромат.

Мне было важно вложить в конверт все свои мысли, которые витали надо мной стаей разгневанных чаек, громко выкрикивающих ключевые фразы. Мне хотелось вложить в этот маленький конверт свои желания, которые заставляли мои руки обвивать её стан, словно маленькие, серебристые змейки, нашептывающие самое сокровенное с шипящим свистом. Я испытывал сильное желание и неистово стремился к тому, чтобы она увидела мою опустошенную душу в этом простом конверте, наполнив его своим пониманием и нежностью. Меня преследовало навязчивое стремление – добиться того, чтобы она, наконец, согрела мою замёрзшую душу.

Очередная долгая затяжка, и в окне появилось знакомое отражение – мои сузившиеся глаза через сигаретную дымку. Такая картинка почти всегда привлекала женщин. Но, возможно, их волновал мой оценивающий, достаточно наглый взгляд. А я всегда пристально искал и втайне надеялся обнаружить в них то, чего на самом деле в этих созданиях не было. Наверное, самые желанные черты, которые давно отчаялся найти во многих женщинах. Красоту, страсть, силу – все качества в одной богине! Повидав на своем пути не одну представительницу прекрасного пола, я должен был признать: редко, кто обладал всеми этими качествами вместе. Все, кроме неё.

Первый раз я увидел её в книжном кафе. В соответствии со спецификой заведения, она читала книгу, при этом пила чай с миндальным пирожным. Крошки пирожного падали ей на ладонь, и она весьма непринуждённо собирала их нежным, маленьким ртом. Я поймал себя на странном желании: в этот

момент мне хотелось впиться в её нежные губы, причинив боль, но подчинив себе. Мысль не успела пробежать у меня в сознании, как она подняла голову и, усмехнувшись глазами, слегка приподняла левую бровь. В этом мимолётном взгляде я увидел её женскую силу, способную перевернуть мир.

Затем она вернулась к чтению, но вскоре это занятие прервал официант, смущенно попросив автограф. Это был абсолютно другой взгляд, полный неподдельного внимания. Она открыла книгу и, на секунду задумавшись, написала несколько строк, с нежностью во взгляде передав книгу смущённому парнишке.

– Мне безумно приятно, что вы меня читаете, – тихо произнесла она при этом.

Эта фраза прозвучала негромко. Однако я услышал придыхание и необычные оттенки интонаций в её томном голосе. И ощутил, насколько она красива. И одновременно осознал, насколько может быть желанна.

Спустя минут десять она попросила принести счёт и собралась уже уходить. Проходя мимо, подняла глаза и бросила на меня обжигающий кричащий взгляд. Я замер, не успев ответить тем же. То была страсть – без слов, без фраз. Просто безмолвная щепотка страсти, подаренная случайному незнакомцу, вероятно, за его чрезмерное любопытство.

Но окончательно я был поражён после того, как выведал у официанта всю информацию, которая имелась у него об этой особе. Её книгу я приобрел там же. Решение ввести её в игру, тем самым познакомив со своими старыми тароками, которые ещё остались со мной, пришло сразу после прочтения книги. Почему-то мне казалось: эта игра может быть последней, и на этот раз всё должно пойти по-другому. Игра, способная поменять жизнь любого, способна изменить и её жизнь. Да и мою судьбу, в принципе, тоже...

САНА

Сообщение от Зака я прочла только утром, лениво взглянув на телефон. Сильно хотелось спать.

«Санни, солнце, прости, что не согреваю тебя этой длинной ночью. Очень хочу тебя видеть. Нежно целую».

Зак давно перестал объяснять сложившиеся обстоятельства. Мне и без того было ясно: вести двойную жизнь без риска кого-то случайно обидеть нереально. В какой-то момент я перестала гнаться за несбыточными желаниями и попыталась их отпустить. В какой-то мере у меня это даже начало получаться – я перестала устраивать привычные истерики с растёкшейся тушью и прикосновением его нежных губ к моим солёным щекам. Время скорби должно когда-то закончиться.

Вдруг кто-то настойчиво позвонил в дверь. Я ощутила желание зарыться в подушку и сделать вид, что меня нет. Но после очередного сильного удара в дверь, стойко переживающую атаку, решила всё-таки спуститься вниз.

– Кто? – отстранённо прозвучал мой сонный, слегка охрипший голос.

– Я, – послышался за дверью слегка взволнованный ответ моей подруги.

– Нани! Боже мой, в такую рань! Какого?.. Ты же знаешь, сон для меня – всё!

– А для меня всем был этот сукин сын Кямиль! Ненавижу, – взвизгнула Нани.

Кажется, она боролась с желанием зарыдать.

Я открыла дверь и тихо направилась в сторону плиты поставить чайник. Поспать, в любом случае, мне уже не светило.

«Если вы так рано встали, то у вас сегодня Нани» – сложила я про себя двустишие, улыбнулась самой себе и зевнула.

– Не зевай, – плюхнулась на диван подруга. – Мне так плохо, Сана, совсем хреново.

– Что, опять? Не надоело?

– Он мне изменил. Ты представляешь? Кямиль изменил мне с моей же коллегой! Он едва её знал – лишь несколько раз видел на корпоративных вечеринках, куда, между прочим, сопровождал меня. Сана, меня тошнит: от него, от неё, от всей этой ситуации! Господи, как мне плохо!

Голос Нани дрогнул, а из её больших, зелёных глаз закапали крупные слезы. Я прекрасно понимала её душевное состояние. Кому, как не мне точно знать, что это такое – делить с соперницей любимого мужчину! Мои отношения с Закиром, или Заком, как мы его все называли, были ситуативно похожи – как два подобных треугольника. И они давно уже находились в самом тёмном тупике затерянного квартала моей жизни.

– Нани, милая, ты же чувствовала – этим может закончиться?

– Не знала, Сана. Я верила: он меня любит. Надеялась: у наших отношений есть корни. Ведь правду говорят: если они есть, росток любви ещё можно спасти.

Она горестно вздохнула:

– А как же его слова, как же стихи, которые он мне посвящал? Ты сама говорила: мужчина пишет стихи только в состоянии глубокой влюбленности. Помнишь строки: «Нет музыки в моей жизни, если я не слышу твоего голоса; нет жизни, если ты не дашь мне надежду, как глоток воздуха. Хотя и одной надежды мне слишком мало».

– Помню, – ответила я. – И слова о поэзии в памяти и его строки, не слишком искусные. Но подумай: если растение всё-таки погибает, значит, корни его гниют, либо высыхают. Ваши корни, увы, прогнили.

Я откровенно поделилась своими мыслями и вдруг подумала: «А как же у нас с Заком? Наверное, наши с ним отношения сохнут от недостатка любви?»

Нани спрашивала и говорила, всхлипывала и ревела, а я тем временем думала о своём, наболевшем. Казалось, мои мысли, подобно моросящему дождику за окном, летали далеко на улице, стучали по крышам, капали на припаркованные машины и всячески пытались помешать выслушать близкую подругу.

Я вспомнила, как мы познакомились с Заком, когда возникшие чувства с первыми лучами весеннего солнца только коснулись наших по-детски наивных сердец. Мне хотелось думать, что Зак чувствовал то же, что и я. Во всяком случае, тогда – в период рассвета нашей юношеской любви.

– Боже, как же мне хреново! – прозвучал голос стонущей Нани, и этот возглас вывел меня из раздумий.

Дождик продолжал моросить за окном, и я вернулась к мыслям о Заке. Годы летели, не балуя подарками судьбы и нисколько не жалея меня с моим бесшабашным и взбалмошным характером. Я всё еще не теряла бессмысленной надежды изменить нашу с ним жизнь, преодолеть сложившиеся обстоятельства, не списывая все сложности отношений на превратности судьбы – будто бы именно она была виновата в моей глупости. В какой-то особенно тяжёлый момент наших отношений я перестала что-либо менять – а просто поплыла по течению – но не по широкой и красивой реке, а, наверное, по грязным, водосточным канавам.

– Как, ну как он мог изменить мне, Сана? Я до сих пор не могу понять, чего ему не хватало, – Нани возмущалась уже более- менее спокойным голосом.

Я не ответила подруге. Лицо Зака, спокойное и чуть виноватое, предстало перед моими глазами. Таким я видела его довольно часто. В последний раз пару лет назад, когда выяснилось одно обстоятельство: он некоторое время скрывал от меня рождение своего второго ребёнка. Я тогда вспылила, хлопнула дверью машины, забежала в дом, отключила мобильник. И вдруг ощутила нарастающее безразличие. Неожиданно посетила такая мысль: меня больше не волновал Зак и его жизнь, текущая параллельно моей.

Наверное, в тот день я перестала сильно любить его, оставив в душе лишь тёплые воспоминания об этом мужчине. Именно они позволили Заку остаться с моей жизни в роли старого друга, который всячески пытался вернуться в построенный нами замок, не осознавая, что он давно разрушен.

Мои воспоминания прервал голос подруги:

– Ты будешь меня развлекать или нет?

Лицо Зака в памяти сменилось раскрасневшимся лицом Нани наяву. Следуя внезапному порыву души, я обхватила её красные щёчки ладонями и поцеловала в крошечный носик:

– Да! Мы идём гулять!

Наскоро переодевшись, я предложила устроить вкусный и весёлый завтрак на берегу любимого моря. Наши девичьи сердца шёпотом могла успокоить только водная стихия прибрежных волн и давно полюбившимся лёгким ароматом «чёрного золота».

АЛЕКС

Моя жизнь казалась мне ворохом событий, не похожих друг на друга, но напоминающих грустные, осенние листья, которые сохнут в трагическом одиночестве, либо превращаются в труху под безжалостной поступью прохожих. Мне представлялось: я не смогу отыскать хотя бы один целый, золотистый лист, чтобы укрыть его от чужих людей, например, спрятать между страниц любимых книг.

Порой мне виделась такая картина: моё прошлое – это всего лишь жестокий фильм, посмотренный украдкой от родителей и оставивший глубокий и тяжёлый осадок в навязчивых и сильных воспоминаниях. Мои надежды рассыпались пеплом сигарет, лишь только я заглянул по ту сторону зеркала, разглядев за морщинами – боль, за шрамами – жестокость, за нагловатой ухмылкой – страх.

На письменном столе под лучами яркого, бакинского солнца искрились небрежно брошенные карты. Я вспомнил день, когда в первый раз взял их в руки. Конечно, это была не та самая колода – расходный материал для игры приходилось периодически обновлять. Но это были те самые карты, которые изменили мою жизнь. Унылую жизнь вчерашнего заурядного мальчишки, потерявшего связь с собственной страной и не имевшего своей семьи, не считая матери; человека, по сути, потерянного для общества.

Мать с отцом развелись, когда мне исполнилось четыре года. Вскоре, после скитаний по знакомым и подачек от неизвестных мне людей, мы переехали в другую страну – в новый дом, большой и красивый. Мать объяснила: это последнее наше пристанище – больше мы никуда переезжать

не будем. Я был не против этого. А вот двое детей постарше меня, которые с момента их рождения проживали в роскошных, по меркам тех времён, хоромах, никак не поддерживали моего радужного настроя на наконец-то устоявшееся бытие.

Я повзрослел, следовательно, вырвался из привлекательной на первый взгляд, но старомодной и устаревшей на самом деле обители моих детских лет, познав роскошь с другой её стороны. Эта роскошь с определенного времени сама находила меня, где бы я ни находился. Видимо, я чем-то приглянулся Госпоже Удаче, за что она частенько проявляла ко мне благосклонность.

Люди в моей жизни легко сменяли друг друга. Они приходили и уходили, не оставляя за собой особых воспоминаний и являясь фоном серой жизни. Хотя мои знакомые на короткое время окрашивали её в свои собственные цвета. Мне сложно было назвать кого-либо из них своим другом. По сути, я ни с кем крепко не дружил, а просто проживал совместные отрезки линии судьбы, в надежде на любой исход. Какой – никому из нас не было известно. По-видимому, это обстоятельство не всегда меня особенно волновало.

Однако встреча с Илмасом была для меня судьбоносной – во всех смыслах. Другом его назвать было сложно, да и отца, как мне поначалу казалось, он заменить не смог. Но покровителем стал – в одночасье и на всю жизнь. Карты были его слабостью. Заядлый игрок в покер, он не хотел останавливаться на всех тех вариантах, которые успел перепробовать за долгую жизнь. Часто путешествовавший, а также наводящий различного рода связи за рубежом, он однажды оказался в весьма интересной компании, которая и открыла для него новую и совершенно иную игру. Тароки – так именовались игроки, которые были вовлечены в это волнующее занятие.

Надо сказать, для меня карты всегда были символом оккультных наук. К ним в прошлом прибегала мать, стремящаяся выяснить, что же находится там, за синей полоской горизонта? Странно, что она, страстно желая разглядеть будущее, так и не увидела его на картах, не поняв даже истинное положение вещей.

Карты Таро, появившиеся из неизвестности, судя по историческим документам, оказались в Европе, но не сразу попали в руки ведунов и прорицателей. В Италии и во Франции такие карты какое-то время использовали в качестве средства игры самые обыкновенные картёжники. Испокон веков люди любили проводить время за картами, но колода со столь колоритным графическим изображением вскоре стала отличным инструментом в руках гадалок, так как лучше всех остальных колод помогала создавать образы будущего в волнующих попытках предсказать его.

Илмас пристрастился к новой игре, позволяющей не только играть, но и вести довольно откровенные разговоры с каждым из игроков. Говорить о себе вне игрального стола не было обязательным правилом, но являлось неотъемлемой частью игры, её солью. Будучи ярым тароком, Илмас испробовал несколько вариантов игры в Таро, так как искал замену покеру и был заядлым любителем поиграть на деньги. Я же не испытывал особого интереса к денежному варианту и предпочитал ему более интеллектуальный, хотя не менее рискованный. Правда, играть в компании Илмаса приходилось по-разному, благо к тому времени мне уже было что тратить, а особой сложности расставание с материальными благами не представляло.

Вернувшись в Баку по воле судьбы после долгих лет проживания в Стамбуле, я завёл новые знакомства, а впоследствии

примкнул к рядам тароков, естественно, по собственной воле. Впрочем, чаще всего, они сами меня находили, так как, оказавшись в той или иной ситуации, я встречал людей, которым был нужен и которые отчасти были нужны мне.

Эта взаимность меня устраивала. Но удивляла интересная тенденция: люди, однажды повстречавшись на моем пути, с течением времени вновь оказывались на моей дороге. И хотя не все становились заложниками карт, попадались люди, имеющие достаточно пороков, чтобы рассказывать о них вслух не только за игрой в карты, но и за обычной беседой, особенно, если на откровенность их вынуждала жизнь.

В ряду последней категории людей находился один паренёк, который выполнял мои указания и, можно сказать, служил весьма добросовестно, за что и соответственно получал. И это лишь подстёгивало его желание помочь.

Я встретил Шаина, этакого религиозного фанатика, не верящего в Бога, но признающего его существование в том случае, если он всё-таки существует. Человек с немалыми амбициями, которые нашептали ему видимое поклонение Богу, дабы привить окружающим свою непомерную власть. Несмотря на покладистый вид, он внушал мнимое доверие и благоговейный страх у людей безликих и неимущих. Я познакомился с ним, когда Шаин был ещё подростком, и он с огромной радостью выполнял все мои поручения, естественно, за определенное вознаграждение, что частенько списывалось на помощь свыше. Впрочем, вполне возможно, таковой она и являлась.

А вот знакомство с одной красивой женщиной случилось спонтанно, но весьма скоро привело нас к любимой игре. Познакомившись с Самирой, я нашел для себя женщину, с которой можно общаться без планов на будущее, так как я

в них по любому варианту не входил. Это меня весьма устраивало и придавало нашему тандему особый привкус. Самира была довольно сильной, влиятельной личностью в нашем мире. О ней говорили: женщина с большими связями, что не мешало ей быть матерью троих детей, женой, возможно, даже любовницей, когда душа и тело требовали особого праздника жизни.

Самира не внушала доверия ни при первом, ни при последующем рассмотрении, но определённо вызывала у окружающих трепет и подчинение. Я часто отправлял Самире сообщения через Шаина, а он благоговел перед её могуществом и деньгами. Второе обычно превалировало.

Ещё одним любителем квадратных картонных кусочков оказался тот, чьё появление само по себе являлось чем-то диковинным в создавшихся обстоятельствах. Одинокого англичанина Дэвида я встретил в глухом селении и был сильно удивлён подобному знакомству. Это был безумный гений – человек, бросивший судьбе белую перчатку. Весьма необычная личность, хотя поначалу напрашивалось сказать: неприглядная. При первом взгляде он мог вызвать лёгкое удивление, но не более того. Я привязался к Дэвиду и даже нуждался в его сильном желании объять весь мир. Мне не хватало таких его качеств, как искренняя простота и вера в светлое будущее. Наше общение было в радость нам обоим, что часто становится основательным фундаментом крепкой дружбы, либо долгого сотрудничества.

И, наконец, несколько слов о лучике света, вернее, о ярком солнце моей тёмной жизни. Мне встретилась Сана – женщина- загадка, яркая вспышка в жизни любого, кто повстречался на её пути, но она же – тёмная сторона солнца, способная уничтожить силой мысли. Её изнеженная сущ-

ность с первого взгляда внушала предельное доверие и желание погреться в лучах обаяния. Но кто знает, что скрывается по ту сторону солнца, способного сжечь вселенную!..

Таким образом, я сжимал в кулаке пятёрку одиноких душ, повстречавшихся мне по возвращению в родной город. Я – тот, кто видит с закрытыми глазами и знает то, что пытаются от него скрыть. Я способен слышать мысли, которые боятся произнести вслух.

Серый пепел моих потухших надежд бесшумно рассыпался по бежевой поверхности мягкого ковра под ногами. Я нагнулся, чтобы собрать то, что ещё оставалось на волокнах, но сероватая нежная субстанция раскрошилась при моем лёгком прикосновении, лишний раз доказав, как призрачны порой наши надежды.

Жизнь довольно часто сталкивала меня с людьми, которых я не уважал с первого взгляда. Однако при более тесном знакомстве с ними испытывал смешанные чувства – что-то среднее между удивлением и одобрением. Одним из таких людей был Шаин. Маленького роста, худощавый, со смуглым оттенком кожи, он был довольно привлекателен. Во всяком случае, этот молодой человек не испытывал недостатка женского внимания, а пожилые люди даже испытывали к нему чисто отеческое чувство, наивно полагая, что простодушный юноша, к коим он себя причислял, нуждается в двойной опеке.

Первый раз я встретил его во дворе своего дома, где он околачивался в поисках любого заработка. Я подозвал его и попросил купить пару пачек сигарет и хлеб. Наспех назвав этаж и номер квартиры, я поднялся наверх. Мне было нетрудно самому прогуляться до магазина, но что-то заставило меня попросить именно этого паренька о небольшой услуге.

Шаин вернулся спустя пять минут, застенчиво улыбаясь, и я пригласил его войти в дом. Мы выкурили, беседуя, целую пачку сигарет, поели, после чего этот сытый, довольный бродяга, развалившись на моей кухне, приступил к откровенному повествованию о своих приключениях. Я молча слушал, размышляя, что мне с ним делать дальше. Продолжая окутывать меня дымом сигарет и своих небылиц, Шаин запнулся на том месте, где он, окончив школу, должен был поступать в институт.

– Итак, почему ты не стал студентом?

– Ну, как бы это сказать, я оказался не в той компании...

– Не в той? А какая та? – улыбнулся я, заставив Шаина расслабиться и продолжить рассказ.

– Ну, это была большая компания местных наркоманов и бездельников, мы тогда жили не в самом благополучном районе. Вот с ними я и связался.

Шаин задумался, а я почувствовал его страх вперемешку со скорбью за потерянную молодость.

– А сам ты не подсел на это?

– Сам? Нет, так, изредка... курил анашу, но никогда не кололся, клянусь Богом!

– Не клянись Богом, безбожник, – усмехнулся я.

– Я не вру. Вены чистые, смотри, – и он, закатав рукава потертого свитера, протянул свои худые руки.

– Ладно, верю, но неужели только лёгкая травка усыпила твои мозги?

– Нет, не только травка, проблемы были и серьёзные, – произнес он после долгой затяжки. Может, просто хотел оттянуть момент откровения.

– Какие? Прости, что спрашиваю, мне интересно понять. Да и вообще, ты мне нравишься. Вроде парень ты надёжный.

– Очень надёжный, – начал уверять меня Шаин, пронзая мои глаза своими расширенными зрачками. – Клянусь!

– Ладно, прекрати клятвы. Лучше ответь, какие проблемы были у подростка Шаина, круто поменявшие его жизнь, а?

– Брат, я скажу, только это останется между нами. Ладно?

Шаин заглянул в мои глаза, пытаясь найти ответ на волнующий его вопрос: можно ли мне доверять? Но столкнувшись с непроницаемыми стёклами моих утопающих в сигаретном дыме зрачков, так и не нашёл того, что искал.

Я хранил молчание, потому что не собирался крепить знакомство с пареньком-бродягой парой громких обещаний или фраз. Моя позиция насторожила его, тем не менее, вынудив на откровенность:

– Понимаешь, брат, я им деньги задолжал, вот они меня и доводили. Домой заявлялись, даже к матери моей попытались в квартиру залезть.

Шаин сжал губы, и его лицо покрылось темно-красными пятнами.

«Это краска стыда, – подумал я тогда, – такое обычно не смывается, даже временем».

– В общем, взял я как-то ремень и пошёл на балкон... – продолжил Шаин, но вдруг замолчал.

Я выжидал, молча затягиваясь сигаретой и рассматривая его отрешенное лицо и маленькие злые глаза. А он взял себя в руки и выпалил:

– Повеситься я решил, брат. До того тошно было... Не успел. Мать неожиданно пришла. Запричитала, заплакала...

Я молчал, курил, а Шаин завершил свой рассказ:

– Оттуда мы потом переехали, сейчас неподалёку живем, а сюда я к ребятам прихожу, если вдруг работёнка какая-нибудь подвернётся.

При очередной нашей встрече он заметил:

– Деньги опять нужны.

Жадно сглотнув слюну, посмотрел мне в глаза. А я в тот момент понял: неудавшаяся попытка самоубийства добавила ему не столько смирения, сколько хитрости.

Я частенько помогал Шаину деньгами, используя его в своих мелких делах. Это устраивало нас обоих; до тех пор, пока я не вернулся в Стамбул для расширения своего бизнеса, который к тому времени уже был налажен. Напоследок я оставил Шаину немного денег и дал один хороший совет.

Несколько лет спустя, когда я повстречал его в совершенно другом месте, я понял: он использовал мой совет по-своему усмотрению.

САНА

Дни шли своим холодным чередом. Конец зимы я встретила с новым цветом волос, одна и во власти яркого и манящего Востока. Растрепав короткие, светлые волосы, я устроилась поудобнее на красном диване маленького кафе в огромном торговом центре. Мне нравилось наблюдать за проходящими мимо красивыми людьми.

Они улыбались. Мне, прохожим, жизни. Я подумала: в родном городе я давно не вижу улыбок, разве что от лиц противоположного пола. Но если улыбки моих соотечественников ассоциируются с желанием обладать моим вниманием, то улыбки проходящих мимо женщин и мужчин свидетельствуют о желании радоваться жизни.

Официантка принесла необыкновенно вкусный cappuchino. Улыбнувшись ей, я открыла только что купленную тетрадку, записав следующие строки:

«Я пью её, маленькими глотками вбирая в себя все находящееся в ней удовольствие. Я вдыхаю её аромат: всегда такой разный, но необыкновенно манящий и желанный. Я вдыхаю полной грудью и улыбаюсь. Видимо, такой бывает любовь. Трепетной, чувственной, родной...

А ещё я играю на её струнах. Каждый раз получается своеобразная мелодия, не похожая на предыдущую. Я забываю определённый мотив, но храню в памяти их прелесть, их аромат... Да, у моих мелодий есть свой аромат. Он льётся по нотам, как роса по нежнейшим лепесткам цветов. Я пью её каждую секунду. Я дышу ароматом её красок и улыбаюсь её сюрпризам. Она всегда разная – приходит в различных одеяниях и зовёт за собой. А я покорно иду за ней, лишь изредка, шёпотом моля: будь рядом... Имя ей – Жизнь».

Муза не оставляла меня даже далеко от дома. Я уехала внезапно, ничего не сказав друзьям, не сообщив Заку и лишь послав sms-ку Нани: «Уехала далеко, в поисках счастья. Не скучай. Люблю, твоя Санни».

Я представляла: меня точно ждут недовольные взгляды близких друзей, но ощущение именно такой внезапной свободы мне было сейчас насущно необходимо.

Любовь к Заку, длившаяся почти всю мою сознательную жизнь, сбилась с маршрута, сменив не один вид транспорта. Последний поезд уехал, так и не дождавшись двух беглецов. Теперь каждый из нас искал свой путь на карте, тщетно плутая между улиц, давно сменивших названия.

Мы были потеряны друг для друга. Продолжая существовать, перестали жить. Мимолетные вспышки лишь изредка ослепляли наши глаза и освещали лица тусклым светом поблекших надежд. Я не знала, как долго это будет продолжаться, но в одном была твёрдо уверена: этому должен придти конец.

Я знала: если Зак далеко от меня, ему намного легче. Он не имел информации, где я, терялся в догадках, сходил с ума от ревности, тем не менее, Зак морально отдыхал от моих упреков и чувства собственной вины. Второе посещало его гораздо реже первого, в чём лично я была точно уверена. Мне же просто хотелось побыть одной, наслаждаясь легкостью чужих жизней, так как они обходили меня стороной, лишь изредка улыбаясь через прозрачное стекло маленького кафе.

Хотелось жить, не заглядывая в прошлое, словно под одеялом, в надежде укрыться от ночных кошмаров. Я давно боялась себе признаться в том, что моя любовь к Заку испарялась в очередной холодной зиме, таяла вместе с мокрым и грязным снегом под ногами прохожих и увядала, простаивая в вазах с подаренными им цветами.

«Любовь живёт три года», – говорил всему миру Бегбедер, а что бы сказала миру я? Сколько прожила наша любовь, построенная на вспышках страсти у Зака, моём голом энтузиазме и желании, чтобы «обязательно сработало, всем врагам назло»? А что теперь делать после того, как я устала, когда мне больше всего хочется окунуться в новое море? В Каспии достаточно соли, так зачем добавлять щепотку лишней?..

Будто почувствовав, что меня нет в городе, я получила sms-ку от Зака с единственным вопросом: «Где ты?»

Я не знаю, вернее, знаю, но не хочу вспоминать, как бы ответила раньше, но сейчас в душе не было страха потери. Не было и чувства необоснованной вины. Не было ничего, заставляющего ответить иначе, потому я просто написала: «Там, где тебя нет», и отключила телефон, решив купить местную карту на время пребывания вне стен родного города.

Смуглый и весьма симпатичный официант принес мне счёт и, улыбнувшись, позволил себе сделать мне комплимент. Что-то по поводу моих обстриженных волос. Я вспомнила реакцию Зака на мою новую причёску. Он почему-то сказал: ты себя изуродовала, а у меня мелькнула мысль: я избавилась от ещё одного звена в нашей ржавой цепочке. Расплатившись, я решила продолжить прогулку по магазинам, которые способны пусть на время, но залечить душевные раны.

Прогулка по торговым залам, действительно, отвлекла меня от сероватых мыслей. Она позволила насладиться яркостью весенней обуви на кричащих шпильках, переливающимися блестками струящихся платьев и нежной кожей маленьких сумочек на длинных цепочках. Я подобрала подарок для любимой подруги. Нани так искренне радовалась привезённым для неё вещам, что покупать для неё что-либо было одним удовольствием.

Я знала Нани с самого детства, когда мне пришлось вырвать её из рук разъяренных подруг, устроивших ей своего рода взбучку. Школьники часто проявляют жестокость по отношению к более слабым ровесникам. Нани всегда была очень мягкой, ранимой, но было в ней ещё нечто бунтарское, проявляющееся довольно редко, но с особой яростью. Она не терпела несправедливость, даже прячась под маской страха, а часто заявляла о своём мнении в довольно жёсткой форме.

Мы учились в разных школах, но старались проводить много времени вместе. Чаще всего у Нани дома, так как её редко выпускали на улицу после школы. Мама Нани была грузинкой, в свое время вышедшей замуж и переехавшей в Азербайджан. Я очень любила тётю Тамару; мне был по душе её ласковый изумрудный взгляд, нравилась нежная улыбка и безумно вкусные блюда.

Детство, проведённое с любимой подругой, было одним из самых приятных воспоминаний. Я, рыженькая Нани и трое моих одноклассников весело проводили время, порой прогуливая надоедливые уроки. Далеко мы не убегали. Часто путь приводил нас ко мне домой, учитывая, что мои родители были самыми либеральными во многих отношениях, и мне не приходилось объяснять присутствие одноклассников у меня в комнате в школьное время.

Мама Нани тоже звала нас в гости. Только там нам приходилось вести себя довольно смирно, внимательно слушая рассказы тёти Тамары – а она была мастером рассказывать разные сказки. В их числе были и страшные, которые мы очень любили в детстве, поэтому было совершенно не сложно внимательно слушать и переглядываться с улыбкой на заинтересованных лицах.

Мы с упоением вслушивались в её бархатный голос, который лично меня уносил далеко-далеко в будущее. Туда, где я планировала стать знаменитой; туда, где от моих собственных рассказов будут сжиматься сердца и щемить души. Ведь мы находимся там, где живут наши желания, ожидая свой выход на сцену жизни.

Как-то раз тётя Тамара рассказала нам с Нани волнующую историю, которая почему-то оставила неприятный осадок у меня в душе, причем, на долгие годы. Это была вроде бы обычная история – одна из многих, которые мы слышим от родных, друзей или случайных знакомых. Но она запала в душу, и она почему-то не покидала меня даже, если я забивала душу тысячами других подобных историй!

Так вот, эта история была про маленькую девочку, которая каждую ночь садилась перед зеркалом и молилась какому-то волшебнику вроде Оле-Лукойе. Он на самом деле

напоминал маленького ворчливого, но дружелюбного старичка. Она ему молилась и молилась, а молитвы все были разные. Ведь каждый день что-то в жизни происходит, поэтому приходилось молиться маленькому старичку, чтобы он исполнил то одно, то другое её желание. И он исправно воплощал в жизнь каждое из желаний маленькой девочки.

А потом он, видимо, от старости, стал исполнять желания через одно. После – ещё реже, пока не перестал слышать её совсем. В тот день, когда ни одна из её молитв не была услышана, маленькая девочка села перед зеркалом и внимательно в него посмотрела.

Внезапный крик оглушил девочку. Она зажмурила глаза и долго не открывала, будучи все ещё под впечатлением от собственного страха. Спустя некоторое время девочка открыла глаза и заставила себя посмотреть в зеркало. И поняла: волшебник на самом деле больше её не слышит, так как она – уже не маленький ребёнок: за это время девочка выросла.

Мы слушали тётю Тамару, а она говорила и подкладывала нам рис, или мясо, или курицу, я уже и не помню. Кажется, я так и не смогла тогда доесть содержимое тарелки, хотя и любила приготовленные ею блюда. Мне было непросто понять, что именно хотела передать этим рассказом тётя Тамара, но казалось, что она хотела сказать, насколько важно знать, что ты именно хочешь. И как необходимо определиться до того момента, когда зеркало выдаст тебе билет в будущее без возврата.

Я никогда не говорила об этом с Нани. Мои впечатления о пережитом казались мне сугубо личным делом, а тот рассказ весьма откровенным. Видимо, я не хотела признаваться, что видела ту самую девочку в своём зеркале много лет назад.

АЛЕКС

Время игры приближалось. Эта мания уже давно поглотила меня, являясь инструментом моих пороков. Я узнал об этой игре довольно давно, но придал значение только, когда сам оказался её участником. Мой покровитель и учитель ещё в юности приоткрыл для меня тонкую завесу между прошлым и будущим, позволив окунуться в электрические волны настоящего.

Тарок – это игра для тех, кто пытался разглядеть в своем настоящем хоть толику света, исходящего от его будущего. Вроде бы простое занятие становилось безумной затеей, лишая участников возможности осознавать, кем они на самом деле являются: людьми, вступившими только что в игру, либо теми, кого олицетворяли на картах, – тароками. Когда-то став тароком, я уже не представлял себе другой жизни, других правил.

Вот уже много лет я набираю своих собственных тароков, тщательно наблюдая за их жизнью, которая переплеталась с моей собственной. Впрочем, никто из них не был против, ведь простая на вид игра олицетворяла их путь, помогая либо победить, либо сдаться на милость собственным порокам.

Я давно не общался с Самирой. Обычно она появлялась сама, так как старалась сохранять своё личное пространство и редко пользовалась телефоном в личных целях, предпочитая личные встречи. Маленькое послание в красном конверте я отправил курьером в закрытый салон красоты, который посещали богатые дамы, дабы убить время за болтовней и поддержанием ускользающей от них молодости. Я был уверен: она обязательно его получит.

Самире было около сорока пяти лет – возраст женщины, находящейся на пике, либо славы, либо чего-то другого. Если в тридцать пять ещё веришь в запоздалые сказки, то в сорок пять лет жизнь нужно проживать – либо за счет короля рядом, либо за свой собственный счёт. Самира находилась на пике славы, будучи замужем за «королём» и благодаря собственному статусу успешной и богатой дамы, занимающей далеко не последнее место в театре нескольких актёров, играющих главные роли. Трое детей, успешный бизнес, муж на ответственной должности и в приложение ко всему, вполне возможно – молодой любовник, заставляющий изображать из себя молоденькую девочку, которая прячет от посторонних глаз жестокую суть роковой женщины.

Сын и две дочери были прекрасно устроены. К тому же Самиру уже окружали внуки, называющие её по имени, поскольку роль бабушки ей не совсем нравилась и вовсе не подходила. Но, как и у всех подобных журнально-глянцевых историй, у нашей героини были свои секреты, которые зачастую омрачали её красивое лицо без единой морщины, прокладывая еле заметную бороздку между бровей.

Дело в том, что старший и самый любимый сын Ильгар не был родным сыном того самого влиятельного человека, с которым она делила ложе более двадцати пяти лет. Но об этой тайне никто не знал, кроме самой Самиры и её старой матери. Когда-то эти две женщины искусно скрыли позор, грозившей их семье, и поклялись хранить тайну прошлого. До сих пор этому никто не мог помешать. Обе дочери были замужем и встречались с матерью сугубо для поддержания отношений, которые по правилам приличий обязаны существовать между ними. Особой любви к ним Самира не испытывала, видимо, истратив все чувства на любимого сына.

Да и дочери больше симпатии испытывали к отцу, нежели к холодной и расчётливой матери, которая, тем не менее, успешно выдала обеих замуж в довольно раннем возрасте. Это был не единственный секрет гранд-дамы.

Должен признать, что подобные тайны мне весьма занятно раскрывать одну за другой – они были подобны маленьким долькам сочного апельсина, при надкусывании которого можно было ощутить ароматный сок былых страстей.

С Самирой я познакомился почти случайно, несмотря на то, что был убеждён: случайностей в жизни вообще не бывает. Лет пять назад, на похоронах, я оказался на кладбище. Но не в роли скорбящего, а с другой целью – там мне было нужно найти Шаина, который в тот самый момент играл роль моллы на поминках свекра Самиры.

Там и встретились. Я молча ждал Шаина, а она наблюдала за мной сквозь дорогие, солнцезащитные очки. Заговорили не в тот же день, намного позже, а встречу устроил Шаин, там же, на кладбище. Самиру я заинтересовал в качестве любовника. Это выяснилось позже. Но, после нашего общения, она пришла к мнению, что со мной лучше строить совсем другие отношения.

– Больше будет толку, – улыбнулась она, обнажив кристально белые зубы хищницы.

От неё я и узнал все подробности бурной жизни этой неординарной женщины. Перелом в жизни принцессы начался в возрасте пятнадцати лет, когда она закрутила роман с троюродным братом. Родители обоих, узнав о случившемся, поспешили скрыть от общих родственников следы правды. Самиру временно заперли на даче, а мальчика отправили учиться в Москву.

Несколько месяцев Самира пробыла на даче с матерью отца, которая была приставлена к непослушной внучке, дабы утихомирить её взбалмошный характер и в тоже время замести следы случившегося. Самира немного посидела в закрытой спальне, в затем предпочла провести время с конкретной целью, нежели просто скорбеть по тому, что уже безвозвратно для неё пропало. Подругами для неё стали местные замужние девушки, которых она посвящала в тайные подробности своей прошлой интрижки. При таком общении Самира узнала также немало нового и для себя.

Деревенским девушкам милая, ухоженная Самира пришлась по вкусу, и они с лёгкостью делились с ней самым сокровенным. Вскоре она стала известной личностью в округе, что весьма радовало её и даже бабушку, которая, в свою очередь, считала, что внучка наконец-то взялась за ум.

В деревне жила старая гадалка, к которой по поводу или без повода тянулись, как женщины, так и мужчины. Всех без разбору интересовало собственное будущее, но тогда как женщины ходили в открытую, мужчины старались скрывать свои походы, что, в принципе, никогда не удавалось. Самира тоже клюнула на общую удочку и пошла к ведунье. Было интересно, что такого может сказать старуха про её счастливое будущее, в котором она сама ни капельки не сомневалась.

Выходила от старой гадалки не в слезах, не с радостью на лице, а с целью всё изменить, самой построить свою жизнь, определив собственную судьбу. Только вот у судьбы на каждого свои особые планы, порой идущие вразрез с нашими ожиданиями.

Сын от любовника, нелюбимый муж, власть, деньги и большая потеря. Картина не слишком радужная, но Самира в неё верить не хотела. Пятнадцатилетней девушке слова

гадалки казались немного странными, может, даже пугали, но она твёрдо решила: ни в коем случае не уступать разложенным кусочкам бумаги на старенькой скатерти.

– Смотри на карты внимательно, куколка, – сказала старуха и приветливо улыбнулась, – против судьбы не пойдёшь.

Коснувшись изящной ладонью шероховатой, потрепанной поверхности карт и улыбнувшись в ответ, Самира протянула ей деньги.

– Не возьму с тебя, ещё увидимся, тогда и одаришь, – уже по-другому – пристально – посмотрела на неё старуха.

– Я сюда больше не вернусь, – скорее самой себе сказала Самира. Подхватив сандалии, что оставила у входа, она вышла из дома гадалки, будто из старой шкуры, которую давно стоило сменить.

САНА

Жаркое солнце восточного города покрывало мою некогда белую кожу бронзовым загаром, ещё больше оттеняя новый цвет волос. Я купалась в солнечных лучах, изредка остужая накопившийся пыл в прохладной воде круглого бассейна.

В такие моменты я старалась меньше думать о Заке и не вспоминать о проблемах, ждущих меня дома, погружаясь в самую глубину своей души, где можно было спрятаться от всего мира, свернувшись клубочком подобно кошке Мегги. Мне было хорошо, и я пыталась по возможности продлить эти мгновения. Мне хотелось объять этот солнечный край, запастись недостающим резервом на какой-то период жизни.

Хотя надолго сохранить ощущение невесомости было нереально. Подобные эмоции имели тенденцию испаряться, едва достигнув причала реальной жизни.

Телефон сообщил о прибытии нового письма. Фейсбук был одним из любимых мест многих моих знакомых. Когда-то и я любила эту социальную сеть, но вскоре другие, более реальные вещи сменили виртуальный мир, где так легко потеряться в несуществующих сетях паука, не жалящего, а жалеющего одинокие сердца.

То был мой старый друг. Человек, для которого не существовало временных ограничений, для него не имело значение, утро или вечер. У него не было привязанностей или определённого рода занятия. Тем не менее, у него были друзья, одним из которых волей судьбы была я.

«Привет, солнечная девушка. Как ты там жаришься под лучами родственной души? Когда обратно? Скучаю»

Получить подобное послание от Тимы было большой редкостью, так как в основном он изъяснялся парой слов, да и то среди огромного количества шуток было сложно разглядеть реальность их содержания. Впрочем, он давно стал пациентом социальных сетей и чатов, которые крепко связали его своеобразной смирительной рубашкой.

Может, между мной и Тимой были какие-то вспышки, грозящие перейти во что-то иное, но у судьбы были другие планы, причину которых я поняла намного позже. Тима так и остался моим хорошим знакомым. Не сразу, но постепенно мы научились понимать друг друга, я перестала обижаться, а он научился держать язык за зубами, когда дело касалось щепетильных для меня тем. В общем, теперь мы вроде как друзья, которые изредка видятся в маленьких кафе города, чтобы почувствовать, насколько реален мир.

Улыбаясь, смотрю на тёмную фотографию Тимы. Он сидит за столом в местном ночном клубе и курит сигарету. Я так и не смогла приспособиться к его образу жизни, например, к его пробуждению, которое начиналось не раньше двух часов дня. Быть может, и Тима не слишком пытался уговорить меня настроиться на его волну по режиму дня сумасбродного подростка. Он всё-таки был намного старше и в силу возраста понимал: подобная жизнь со временем угнетает ещё больше, а я в силу своей загруженности делами, а также ввиду наличия чувства ответственности не смогу вынести такие изменения.

Восток несколько лет подряд был и моим пристанищем, и местом моего уединения. Я наслаждалась тем, что среди огромного потока туристов и местных жителей меня никто не знал. И тешила себя мыслью: никто даже не догадывался о том, какие мысли скрывали мои непослушные волосы, и какое зеркало души таили тёмные, солнцезащитные очки.

«Легче позволять себя любить, чем любить самому», – вспомнила я слова Джона Форсайта из «Саги о Форсайтах». Может быть, но не так-то легко решиться на этот вариант. История с Заком оказалась воплощением прочитанного в детстве романа, и порой мне казалось, что подобно Алисе в Стране Чудес я отворила волшебную дверь, проникла через пожелтевшие страницы и, очутившись по ту сторону, прожила жизнь одного из героев.

События, воплощённые в четыре тома, пронеслись за несколько лет, и я никак не могла закрыть последний том. Что-то неведомое удерживало и не отпускало. В какой-то момент мне показалось, что нужно выбрать другую книгу, ибо мир героев саги ни за что не оставит меня одну. Этот мир был верен своей читательнице.

«Весна в городе», – поспешила сообщить Нани почти под утро. Это означало, что пора возвращаться к родным и друзьям, к бизнесу и недописанной книге.

Я будто бы летела на крыльях самолета, принимая окрылённость за магический знак. Нет, мне ещё рановато было взлететь к небесам, но, определенно, это был знак. Знак перемен. Знак чего-то нового. На обратном пути мне не слишком посчастливилось сидеть совершенно одной но, уткнувшись в очередной бестселлер, я старалась полностью занять себя судьбой героев. Прочитав о мужчине, который как будто ощутил за спиной воображаемые крылья, я поймала себя на мысли, что моё кресло находится как раз возле крыла самолета. Самым удивительным было то, что и по пути на отдых «Боинг» предоставил мне возможность любоваться его правым крылом.

В последнее время мне всё чаще хотелось сбежать от реальности. Хотя мои приключения не всегда заканчивались благополучно, пресная жизнь была мне явно не по вкусу. Как же иначе наслаждаться всеми сюрпризами судьбы? Я всё ещё не теряю надежды с ней договориться – по-дружески, по-девичьи.

Рядом сидел мужчина и периодически покашливал. Может, он был чем-то болен. Я обратила внимание на его руки. Они походили на руки прокажённого. Я старалась не размышлять на эту тему и не смотреть в сторону моего соседа, молясь, чтобы он не оказался заразен.

Подумала так, а потом усмехнулась собственной мысли: «Какие же мы, люди, эгоистичные существа. Я – наглядное этому доказательство. Отвернувшись к окну и бросив взгляд на «своё» левое крыло, я прикрыла глаза. Самолет с лёгким

шумом шасси приземлился. «Я дома, – промелькнуло в голове, – я дома...»

Баку встретил меня радужно, впрочем, как всегда, ведь у меня была особенная связь с городом. У нас были родственные души, если такое бывает. С годами любовь становится более осознанным чувством. Я теперь понимала, почему юношеская любовь так сильно отличается от зрелого чувства. Полюбив в шестнадцать, ты не видишь ничего, кроме самой любви. Полюбив после тридцати, ты видишь всё, в том числе и любовь. Но относишься к ней гораздо бережнее, осознавая, как краток её век. Моя любовь к городу тоже пришла в зрелом возрасте. Я видела все его достоинства и недостатки, принимая его таким, каким он был.

Созвонившись с Нани и договорившись о скорой встрече, я прямиком поехала в Арт-Т – наше детище с Птицей. Птица – мой старый и очень близкий друг, с которым судьба свела в совершенно нелепых обстоятельствах. Он – художник, и этим вроде бы всё сказано. Не простой, не заурядный, а сумасшедший художник – с бредовыми идеями, маленькой бородкой и вечно перепачканными ладонями. Он – моё второе я. Мы с ним вроде сиамских близнецов. Думаем одинаково, смеёмся над глупостями друг друга, доверяем на все «сто» и обожаем читать одни и те же книги. Мне повезло с ним, а ему со мной. Во всяком случае, так я всегда говорю, а он кивает головой в подтверждение.

Друзей не выбирают, они сами появляются из тёмного переулка и протягивают ладонь в обмен на твою. Маленькую или большую. Просто так. Это редкость, но такое бывает. Иногда, когда повезёт. Причин для дружбы много, самых разных и невероятных. Почти все мои друзья появились

в ходе развития самых необыкновенных историй. Птица был одним из тех, кто за короткий срок смог стать очень дорогим и близким человеком.

Познакомились мы совершенно случайно, вечером, в уличном кафе туманного Лондона. Я пила горячий чай после занятий, а он стоял, пытаясь удержать в руках одновременно пластиковый стакан с кофе, старую сумку и складной мольберт. Понаблюдав за его неловкими движениями, я жестом указала на свой столик.

Он остановился, а затем поставил стаканчик на мой стол. Тогда я предложила ему сесть. Кучка ребят за соседним столом с удивлением наблюдали за создавшейся сценой, но мне было всё равно. Он мне действительно понравился, но привлёк, скорее, своей неуклюжестью и скромным взглядом. Мы разговорились, и я не сразу поняла, с каким акцентом отвечает мне мой собеседник. Но спустя короткое время мы оба поняли: кроме английского, нас также объединяет язык Пушкина и Толстого.

Уже в тот момент, когда он присаживался за мой столик, я услышала свой внутренний голос, который говорил о том, что эта встреча далеко не последняя. Так и получилось: спустя пару лет Птица переехал в Баку, вначале получив временный контракт с компанией по дизайну, где создавал эскизы и рисунки, а потом там же и полставки – part time, как говорят англоговорящие граждане, тем самым освободив время для нашего общего бизнеса. Надо добавить, на родине Птица не был довольно давно. Ещё в раннем возрасте покинув родные пенаты, он отправился гулять по миру.

Ласково он называл меня «Маруся» и любил пачкать красками. Вся моя небольшая квартирка была украшена

произведениями друга-художника, что частенько служило поводом для зависти моих частых гостей. Впрочем, из нас двоих вышел один хороший бизнесмен, так как мы умели делиться недостающими качествами.

Небольшое кафе, которое мы вместе открыли, было пристанищем всех наших друзей и друзей наших друзей, только всё это происходило в реальной жизни, даже для Тимы.

Стоит уделить время описанию нашего детища. Это было небольшое место в центре города, вход в которое начинался с необычной, овальной двери. Дверь делали на заказ, долго старались исполнить её в форме полненького яйца с витражными стеклами, эскиз для которых рисовал сам Птица. Наша таинственная дверь отворялась в большой и почти круглый зал. Помню, как мы сидели до поздней ночи и ломали голову над дизайном кафе. Нани и Тима тоже участвовали в этом процессе. О серьёзности их увлечения говорило нахождение девушки вне отчего дома в такое позднее время и решительно отложенный далеко в сторону телефон Тимы. Оба этих факта говорили сами за себя.

Время, проведенное с Птицей, не шло, а пролетало над городом, кружилось над крышами домов и стремительно падало вниз, когда мы расставались. Это был настоящий друг. Один из тех, кого не выбирают, а когда находят, то благодарят Бога за такой дар. Я доверяла Птице даже то, чего не всегда могла доверить Нани, и не потому, что она не могла держать свой маленький язычок за острыми зубками, как раз наоборот – Нани в секретах была партизаном на допросе. Просто доверять Птице было особым ритуалом, который следует описать в деталях. Я звонила, и мы договаривались о встрече. Чаще всего это происходило у меня дома, за чашкой

горячего чая, приготовленного по моему особому рецепту, которому я научила Птицу.

Я смешивала несколько сортов чая, создавая свой собственный микс. Аромат карамели, легкий привкус шоколада и острота имбиря делали красноватый напиток непередаваемым ни по аромату, ни по оттенкам цвета. Впрочем, вкусы у всех разные, но мало кто отказывался отведать моего чая. Я забиралась на диван, укутывалась зелёным пледом и начинала рассказывать. Птица тем временем крепко зажимал в больших ладонях оранжевую кружку и обращал ко мне серьёзный взгляд покорного слушателя. Он не перебивал, не торопил, не кивал головой, но слышал каждое произнесённое мной слово, ощущая каждый мой вздох, сопереживая каждому всхлипу и мрачнея от каждой проронённой слезинки.

В этот самый момент он был мной, а я рассказывала о накопившемся в душе своему отражению. Наш монолог длился ровно до того момента, когда наконец звучал вопрос: «И что мне теперь делать?». В этот момент Птица оставлял чашку на столике, обнимал меня за плечи и, покачиваясь из стороны в сторону, вполголоса говорил мне, что именно теперь нам надо предпринять.

Конечно, я не всегда следовала его мудрым советам – ведь я привыкла жить своим умом и получать от жизни оплеухи и шишки. Однако я тотчас успокаивалась, слушая голос друга, покачиваясь на его сильных крыльях, ощущая внутри себя могучую силу, способную легко перевернуть мир...

АЛЕКС

Частые звонки отвлекали меня от мыслей. Порой это было мне на руку, так как посещавшие меня сомнения не всегда благотворно влияли на настроение. Мой бизнес дошёл до того момента, когда моё физическое присутствие уже не являлось обязательным. Ежедневных переговоров с партнёрами из Стамбула и периодических поездок туда было вполне достаточно для успешного развития собственного бизнеса, и уже можно было пожинать плоды нескольких лет труда. Небольшой завод и сеть магазинов позволяли мне жить, не задумываясь о завтрашнем дне. Со стороны могло показаться, что для меня, парня из довольно обычной семьи, такая ситуация – щедрый подарок судьбы. Но я знал, сколько за него на самом деле мне пришлось заплатить.

Договорившись об очередной выгодной сделке, я набрал номер Дэвида. Сколько не пытались называть его по местному, Давуд, но так и ничего не вышло.

– Салам алейкум!

– Алейкумассалам, – последовало с другого конца линии.

– Как поживаешь, Дэвид?

– Неплохо, совсем неплохо. Как ты, Ал? Давненько тебя не видел в наших краях.

– Был немного занят. Как насчет встречи?

– С удовольствием, достум*.

Дэвид любил вставлять азербайджанские слова в разговор, а может, это стало привычкой, ведь он неплохо изъяснялся на моём родном языке. Друзья отмечали некоторое сходство между мной и горемыкой Дэвидом. Оба – одиночки, оба прошли по жизни весьма нелёгкий путь. Единственным

отличием была сила воли. Я во что бы то ни стало стремился добиться своего, тогда как Дэвиду не хватало сил признаться в собственной слабости, тем самым поощряя мнимый перфекционизм.

Приехавший в новую богатую страну, обольщённый скорым карьерным ростом на нефтяном поприще, тогда ещё молодой Дэвид ушёл с головой в замысловатые чертежи, разглядывая в них своё безоблачное будущее, которое не заставило себя долго ждать – но уже не в местах нефтедобычи, а далеко за её пределами.

Вроде бы небольшой инцидент на одной из нефтяных платформ стоил ему всей лёгкой и беззаботной жизни. Словно кадры немого кино: вспышка яркого света, топот ног бегущих людей, срочная эвакуация на берег, никчёмные врачи, долго ставящие диагноз.

Перелом в судьбе угнетал самолюбивого Дэвида, а затянувшаяся пауза на пути к достижению заветной цели была невыносимой и изрядно раздражала. Он лежал в одной из клиник, которые обслуживали иностранных граждан, вспыхивая по каждому поводу, срываясь на медсестер и врачей, чем заслужил прозвище одиночки-отшельника, наверное, из-за навязчивого стремления к уединению и проявленного жгучего желания остаться в палате одному. Достаточно сказать, что второго пациента, которого поместили к нему в палату, пришлось уже через день отселить, так как обстановка стала невыносимой.

Вердикт врачей, включающий в себя строгий запрет работать на море, был сильнейшим ударом, ведь офисной крысой работяга Дэвид становиться не хотел. Да и руководству компании на данный момент предложить было для попавшего в передрягу сотрудника абсолютно нечего. Спустя

пару дней после оглашения решения врачебного консилиума в больницу к Дэвиду направили понурого сотрудника отдела кадров, поручив тому провести пренеприятный разговор.

Этот человек даже не мог представить, во что обернётся задание руководства! Молодой сотрудник ещё долго потом взволнованно рассказывал в офисе, как в него, словно ваза с цветами при скандале экспансивных супругов, полетело судно с мочой, которое не успели выбросить медсестры. Единственной на тот момент действующей рукой Дэвид отшвырнул это судно в сторону убегающего сотрудника кадров – теперь ему было наплевать на стандарты компании, в которой он когда-то чувствовал себя яркой звездой.

Родных Дэвида так и не нашли, кроме бывшей супруги, которая после долгих попыток до неё дозвониться, лаконично и весьма вежливо объяснила нежелание иметь что-либо общее с бывшим мужем, даже если он попал в беду. «У меня достаточно своих проблем, чтобы брать на себя чужие», – жёстко произнесла она по телефону, и, извинившись, попрощалась.

После того, как Дэвид провалялся в больнице около месяца, его начальство всё же направило к нему послание с врачом, предлагая дилемму: незаурядную должность в офисе, либо билет в обратную сторону и солидную денежную компенсацию. Выписываясь, Дэвид понимал: в его некогда звёздной жизни наступила безоблачная ночь, и хотя кому-то это может показаться весьма привлекательным, для него отсутствие звёзд казалось началом конца. Вещи были аккуратно доставлены в отель и упакованы в ту же синюю сумку, с которой он приехал покорять мир. Всё было готово для того, чтобы вернуться на родину, где можно было предаться долгим размышлениям о разрушенном будущем.

Но что-то произошло ранним утром, перед самым отъездом в аэропорт. Карты легли совсем не так, как планировали работодатели Дэвида. Машина, которую должны были послать с офиса, почему-то не приехала. И тогда он взял первое проезжающее мимо такси, тем самым определив свой дальнейший путь...

... Позвонив Дэвиду и договорившись о скорой встрече, я вспомнил о том, как познакомился с ним много лет назад в одном из районов отчизны. Язык, доселе казавшийся ему трелью диковинной, маленькой птички, постепенно становился для него понятным. Вскоре после его поселения в Гусарском районе, находящегося на северо-востоке Азербайджана он научился распознавать определенные слова и даже пытался озвучить наиболее лёгкие словосочетания в ответ. Местные ребятишки зачастую подшучивали над ним, но не со зла, а так, для забавы. Для них, маленьких неотесанных мальчишек, он был каким-то невиданным героем из заморской сказки, которую на ломаном русском читала их учительница, жена моллы из близлежащей мечети.

Будучи человеком целеустремленным, учитывая, как немало мне пришлось повидать на своем веку, я в совершенстве владел несколькими языками, в том числе и тем, который был наиболее близок Дэвиду. Хотя, наблюдая, с какой быстротой Дэвид учился новой речи, мы часто использовали в разговоре фразы на азербайджанском. Если для меня это был язык, своими буквами текущий по венам и проникший в клетки тела, то для Дэвида – язык новой жизни, надежду на которую он почти потерял.

Мы познакомились случайно – я был проездом в Гусарском районе, естественно, по делам бизнеса, когда услышал в разговоре с местным главарём о новом госте, что живет в доме у Насира, таксиста.

– Хороший парень, но пока плохо понимает по-нашему. Думаю, из него может что-то получиться, – уверил меня Керим.

– Кто такой? – поинтересовался я, отвлекшись от игры в нарды – занятия, весьма популярного и сопровождающая досуг значительной части мужского населения нашей страны.

– Дэвид его зовут, он не местный.

– Армянин? – подпрыгнул на месте Шаин, которого я частенько брал с собой для помощи и для проверки, на что годиться, в чём можно использовать.

– Нет, ала*, англичанин, что тут армяне потеряли? – сердито ответил Керим, сплюнув в сторону, где примерно сидел Шаин, тем самым дав понять, что его вопрос не уместен, и продолжения разговора не будет.

Вечером того же дня мне представили диковинного гостя Насира. Он сразу же привлек мое внимание, было в нём нечто такое, что заставило мой вечно движущийся мозг зашевелиться пуще прежнего, мол, вот он, сам случай бросил его тебе в руки. Дэвид идеально подходил для игры. Это был прирожденный тарок – ворох сожжённого прошлого и пыльные камни, из которых он думал построить будущее. Впрочем, камни я ему всё-таки помог сменить на кирпичи.

Остаток вечера мы проговорили на его родном английском, что повергло Керима в угрюмое настроение, общаться же с Шаином он так и не пожелал, чем совсем того не обидел, напротив, Шаин мило беседовал о религии с местным моллой и проявлял неподдельное внимание.

– Итак, что привело тебя в эти края, Дэвид?

– Ах, моя глупость, моя сломанная жизнь, разрушенная карьера и чёртова судьба, если подобная вещь существует.

– Если судьба существует, ты скоро об этом узнаешь. Как долго планируешь здесь пробыть? Что хочешь делать?

– Ты имеешь в виду: в стране? Боюсь, у меня нет выбора.

– Выбор есть всегда. Но думаю, ты свой уже сделал. Присмотрись. Я вернусь через несколько месяцев, и мы поговорим.

– Несомненно, дружище. У меня достаточно средств, чтобы провести тут некоторое время. Не беспокойся.

Я сделал почти так, как обещал – вернулся спустя полгода. И был приятно удивлён переменой в диковинном госте маленькой деревушки. Насир уговорил Дэвида основать небольшой отель для горожан, предпочитающих по выходным тихое журчание речки и шелест листьев шумному городу. Туристов было немного, но такая ситуация была обычной. Видимо на бонус, оставшийся от «чёрного золота», Дэвид закупил материалы и нанял рабочих, во всем полагаясь на юркого Насира. Керим поглядывал со стороны, вскоре непринужденно предложив себя в роли «крыши», без которой никак не обойтись.

Дэвид встретил меня довольно воодушевленно, предложил самую лучшую комнату в отеле и даже попытался послать ко мне метрессу местного пошиба, на что сразу получил отказ.

– Тебе не нравятся женщины, дружище?

– Женщины? Они мне нравятся, но я сам предпочитаю их выбирать, Дэйв.

– Вот эта неплохая, поверь моему опыту, – Дэвид расхохотался, и стены затряслись от его могучего голоса.

Я высоко ценил вкус этого англичанина, но предпочёл не удостоверяться в его правоте. А также постарался предупредить его, что может повлечь за собой подобная услужливость. Но кто я, чтобы тягаться с судьбой, если у неё на кого-то имеются свои собственные планы!

Вскоре после моего послания Самире, она со мной связалась. Звонила со скрытого номера. Не потому, что боялась обнаружить свой номер, я его и так знал. Просто предпочитала сохранять дистанцию во всём, да и не хотела светиться в чужом телефоне. Мало ли кто рядом со мной, это вполне мог бы быть её законный супруг, учитывая мои связи и круг знакомств.

– Алекс, это я.

– Ждал твоего звонка.

– Знаю, как дела? Я тут с зятем разбираюсь, обнаглел, видите ли, квартира ему мала. Нужно на место посадить, только дочь нерадивая, вся в отца, боится лишнее слово сказать.

– Может, не хочет его терять?

– Большая потеря! Мы его человеком сделали, на работу в такую организацию устроили. Многого бы он добился со своим купленным дипломом!

– Расслабься, Самира, Бог с ним.

– Расслабиться мне как раз и не дают, Алекс. Сын связался с проституткой. Никак не избавлюсь от неё. И машину ему поменяла, и на курорт билеты купила! И что ты думаешь? Он эту дрянь взял с собой, а мне сказал: едет с другом.

– Твоя семья – просто кладезь любовных приключений!

– Это оттого, что к моей семье, как на горшочек с мёдом, липнут мухи в надежде поживиться.

– Жадность тебя погубит.

– Лучше жадность, чем это отребье.

– Не зарекайся, о словах потом часто жалеешь.

– Да ладно тебе. Когда встретимся?

– Думаю, в это воскресенье. Место встречи – как обычно, если ты не против.

– Встретимся, как всегда. Ciao.

После разговора с Самирой я вспомнил про Шаина, которому должен был кое-что поручить. Однако телефон новоиспеченного муллы не отвечал, и я предположил, что он, вероятно, находится на молитве. Как ни странно, но после нескольких разговоров Шаина с муллой из Гусаров, я увидел разительные перемены в его поведении. Он стал чаще упоминать Бога, проводил время в мечети и даже стал более степенным и рассудительным. Во всяком случае, это улавливалось в его новой манере себя вести.

Одна мысль не давала мне покоя: я слишком давно и достаточно хорошо знал Шаина, чтобы поверить в искренность его намерений. Конечно, в жизни случается невозможное, но в данном случае меня насторожил тот факт, что Шаин не упускал возможность поживиться тут и там, используя не вполне религиозный подход к добыче денег. Мне хотелось ошибиться, но годы берут своё, с годами опыт и знания накапливаются, и делать неверные выводы мне в последнее время не приходилось.

Шаин перезвонил спустя двадцать минут, подтвердив мою догадку о дневной молитве:

– Намаз совершал, брат.

– Шаин, надо съездить к Насиру: проверить как там дела с отелем, а заодно забрать у Дэвида кое-какие документы.

– Брат, для тебя – на тот свет слетаю и обратно вернусь!

– Ну, так далеко не надо, достаточно в Гусары наведаться. Но сначала загляни ко мне. Дам денег на дорогу.

– Воистину, Аллах могуч! Я как раз подумал, что деньги кончаются, а он их послал.

– Да, посредством меня. Так что давай, не тяни, приезжай к тому, через кого тебе посылают деньги.

Прервав связь, я задумался над словами Шаина. Деньги возымели над нами непомерную власть, и я ничем в принципе от него не отличался. Разве что ко мне монеты текли полноводной и быстрой рекой, а к Шаину мелким ручейком. Впрочем, мы оба зарабатывали, используя приобретённые знания в сложной сфере предпринимательства, просто мой бизнес был лучше налажен и пользовался большим спросом.

САНА

Жизнь прекрасна! Я искренне в это верю и повторяю каждое утро, ведь оно могло и не наступить. Нет, правда! Можно взять для примера вечер, когда мы с Заком поссорились и чуть не врезались в придорожную стену. Или тот день, когда я вверила своё нежное тело опытным хирургам несколько лет назад, или... В общем, случаев много, а суть одна: жизнь прекрасна теми самыми мгновениями, когда её не проживаешь, а ценишь. Ведь поначалу можно не в полной мере ощутить истинный трепет происходящего и лишь впоследствии, вспоминая о пережитом, осознать всю полноту восприятия, когда ласковые волны счастья ласкают душу.

Наше миленькое кафе процветало, будто нежный букетик невесты. На вопрос Птицы, почему невесты, я ответила так. Наше маленькое заведение никак не может напоминать яркие и пышные букеты, подобные тем, которые дарят на помпезные юбилеи или бурные дни рождения.

Я сидела за отдаленным столиком и наслаждалась наступившей весной. Единственное, что заставляло мой лоб хмуриться, это всё ещё незаконченный роман. Что-то не

клеилось, мысли-пазлы отказывались складываться в единую картинку.

Экран телефона высветил до боли знакомое имя. Клара! Нет, не та, что украла у Карла кораллы, хотя, кто её знает? Впрочем, в её паспорте, украшенном кучей виз разных государств со всех точек земного глобуса, значилось другое имя. Но суть не в такой формальности – всё равно её многие называли Кларой, и это имя женщину вполне устраивало.

Попробую рассказать о ней в нескольких словах. Прима, королева тусовок, светская львица, яркая женщина и... моя близкая, нет, ближайшая знакомая. Зажигалка, не нуждающаяся в подзарядке, этакий вечный двигатель, обладающий огненно-рыжими волосами, яркими, зелёными глазами и всем тем, при виде чего сильная половина мгновенно становилась слабой.

Птица относился к ней весьма скептически, передёргивая плечами, когда речь заходила о Кларе, а Зак её на дух не переносил, списывая некоторые ссоры на факт моей с Кларой дружбы.

Меня это мало тяготило, Клара была хорошей знакомой, с которой можно было тряхнуть стариной, повеселиться, отвлечься от повседневных дел или даже всплакнуть, но тоже с толикой шарма и веселья.

– Ну, здравствуй, детка, – прожурчал томный голосок Клары.

– Салют!

– Прозябаешь в пристанище вымирающих интеллектуалов?

Так Клара шутливо называла моё кафе, служащее так же небольшой картинной галереей для художников, которые были завсегдатаями нашего с Птицей гнёздышка.

– Клара, Клара, ты неисправима. Да, я в Арт-Т, пытаюсь закончить роман, но пока не удаётся... никак.

– Роман, говоришь... Слушай, тебе лучше завести бурный роман, нежели его сочинять. Твой благоверный не появлялся?

– Легко сказать, заведи, роман – не собачка или кошка. Может, и появлялся, только я сейчас с родителями. Соскучилась, только он об этом не знает.

– Утильсырьё твой Зак... Не обижайся, дорогая. По мне, так лучше уж собачка. Больше толку.

Клара рассмеялась от собственной шутки, а я подумала, что она явно не одна, и весь разговор был направлен на ублажение собственного эго перед очередным поклонником. Впрочем, я не обижалась. Вредно для здоровья, да и вообще, не воспринимала её всерьёз.

Прощаясь, Клара предложила потом встретиться в одном ночном клубе, чуть ли не выудив у меня обещание придти. Пришлось пообещать.

День выдался почти жарким. Поработав на славу, с чувством выполненного долга я передумала идти домой пешком через весь город и взяла такси. Усатый таксист был весьма разговорчив, рассказал о новом отеле, который строит с одним известным иностранцем у себя в селе. Я слушала и молчала, изредка улыбаясь, чтобы он не подумал, что я не верю или ещё хуже, насмехаюсь. Люди такого плана часто обижаются на окружающих, так как злятся на судьбу в целом. Проезжая мимо городского кладбища, я попросила остановиться, а мой усатый водитель предложил подождать.

«Никуда не тороплюсь, – важно сообщил он, – посижу тут, подумаю о жизни».

Я кивнула в ответ и пошла вдоль по узкой дорожке к могиле. Тишина окружала меня плотным кольцом, подчиняя

себе мои мысли, всю меня целиком и полностью. Я была малюсенькой частичкой окружающего мира мёртвых душ. Не будучи одной из них, я, возможно, нарушала их покой своим дыханием, ярким и громким желанием жить, сильной верой в светлое будущее.

– Ассаламу Алейкум, ханум!

Хриплый, мужской голос заставил меня вздрогнуть. Шаин! Смотритель кладбища и мулла по совместительству.

– Алейкума Салам, Шаин. Не ожидала тебя здесь увидеть.

– Па! Я всегда здесь, это мой мир, как я брошу такое количество мёртвых, сестра!

Гордыня Шаина росла, как сорняки на кладбище. Сколько ни выдирай, сколько ни замазывай дыры цементом, всё равно вылезут. Присутствие Шаина нарушило создавшуюся атмосферу покоя, тем самым разогнав во все стороны мои дурные мысли. Поэтому я поспешила уйти, вместо прощания дав строгое указание по очистке сорняков, с лихвой оплатив работу наперёд.

Насир – так звали таксиста – ждал меня у выхода...

... С корабля на бал, как говорится. Часов в одиннадцать я собралась встретиться с Кларой в клубе. Птица вызвался проводить, но я отказалась. Одна, так одна.

Полумрак клуба, под пикантным названием «Night Cat» рассекали длинные железные колонны чугунно-чёрного цвета с диковинными узорами, вырезанными на поверхности. На первый взгляд они напоминали смуглые руки индианок, разрисованные перед свадебной церемонией. Длинный зал разделяли стеклянные перегородки с красными печатями, будто бы вылитыми из воска, дабы запечатать важные послания. Стены цвета тёмного шоколада поблескивали в полутёмном помещении благодаря маленьким огонькам, прикрепленным посредством бронзовых подсвечников.

Не знаю, о чем думал владелец, когда искал подходящее название своему клубу. Судя по всему, кошка, будучи мистическим животным, ассоциировалась у него именно с ночью, и в этом был некий смысл. Моя Мегги больше всего любит ночь, хотя и достаточно ленива, чтобы не спать.

Я поднялась по стеклянным ступенькам, рассматривая собственное отражение. Бледный загар, короткие, непослушные волосы и красное, длинное платье делали мой образ загадочным и незнакомым. Девушка-китаянка посадила меня за столик, зарезервированный Кларой, которая в тот самый момент куда-то пропала.

Я заказала коктейль и устроилась поудобнее. На круглом, низком столике лежал спичечный коробок. От нечего делать я приоткрыла его и увидела абсолютно чёрные, как смоль, спички. В аккуратном коробке они показались мне маленькими сожжёнными посохами, почерневшими от окружающей темноты...

...Громкий смех Клары и её друзей заставил меня улыбнуться и тем самым переключиться на совершенно другую волну.

– Санни, детка, наконец-то!

– Привет, коралловая моя.

– Ах, Санни, мне сегодня нужно развлечься, я опять потерпела полное фиаско с Ильгаром. Думаю, на этот раз окончательно.

Клара демонстративно смахнула в бокал с вином слезу, которая появилась неизвестно откуда.

– Клара, ты и Ильгар – союз на всю жизнь. Даже, если каждый из вас несколько раз женится. У вас какая-то... неестественная связь.

Я не могла сразу подобрать нужное определение, но моя собеседница и не собиралась ждать уточнения:

– Ты права, детка моя. Обожаю твой оптимизм. Ладно, сегодня я пью и танцую до упаду. Ты со мной?

– Сегодня?

Мы весело рассмеялись, и я вдруг почувствовала себя легко и свободно – впервые за целый день.

К двум часам ночи громкая музыка вперемешку с диким смехом окружающих меня незнакомых людей начала давить мне на виски. Клара давно ушла за чужой стол, и я подозревала, что там, вероятно, сидел Ильгар. Ко мне подсел какой-то молодой паренёк и громким шепотом всячески пытался меня очаровать, наклоняясь к моему лицу. От него сильно пахло спиртным и ещё чем-то горьким, наверно, судьбой.

Я попыталась встать, но он меня удерживал. Его руки были влажными от пота, и мне стало нехорошо. Клары не было видно. Не было никого, кто мог бы огородить от незнакомых людей. Меня вдруг обожгла мысль: я никого здесь не знаю. Нет, может, я и узнала бы их в повседневной жизни, при дневном свете, но здесь эти люди приобретали совсем другие обличья. Либо они были самими собой, либо я никак не могла получить истинную картину происходящего и видела себя так же в качестве отражения в затуманенных зеркалах окружающих меня душ.

Стало совсем нечем дышать. Наконец, избавившись от надоедливого соседа, я бросилась искать Клару, направившись вглубь зала и оказавшись на середине танцпола.

Клары и здесь не было видно. Гремела музыка, а я простонапросто поддалась панике. В детстве, когда мы гуляли с мамой по универмагу, я часто крепко хваталась за её руку, что говорило о моем взволнованном состоянии. Шумные и слишком людные места вызывали у меня головокружение, которое с возрастом стало проявляться не так сильно, но полностью не исчезло.

Чьи-то руки подхватили меня со спины и на какое-то мгновение я поддалась.

– Сана?

– М-м-м, – промычала я в ответ, так и не услышав собственного голоса.

Те же руки помогли мне пробраться к выходу и спуститься по стеклянной лестнице. Едва заметное отражение моего силуэта колыхалось на стеклянной поверхности ступеней, будто слабое пламя от угасающей свечи.

Оказавшись на безлюдной ночной улице, я смогла глубоко вздохнуть и обернуться на своего попутчика.

– Вы кто?

– Алекс, к вашим услугам, дорогая ханум.

– Алекс?

– Искендер, но для краткости Алекс.

– Ну, пускай. Мне пора домой, спасибо, что...

Тут я задумалась, спасибо – за что? Своего рода спасение утопающего в детских страхах? Глупо, Сана, очень глупо.

– Не нужно благодарностей.

Он нежно взял мою ладонь и слегка коснулся губами пальцев. Обожгло. Как-то резко и больно сжалось сердце.

– Санни!

Крик из ниоткуда заставил меня обернуться. Навстречу бежал Птица, размахивая руками-крыльями, которыми через секунду меня крепко обнял:

– Детка, тебя Клара разыскивала, написала мне, что ты из клуба пропала. Чёрт бы тебя побрал, а.

– Ну, не злись. Люблю твои крылышки.

Тут я вспомнила про губы, пальцы. Алекс! Но его уже нигде не было.

– Птица, ты не видел тут молодого человека?

– Молодого? Не-а.

Увидев, что я нахмурилась, Птица добавил:

– Молодого не видел. Но тут стоял какой-то седоватый хмырь. Я бы прошелся по его наглой роже, но обнимашки с тобой заставили всё забыть.

– Эх ты, друг мой закадычный. Ладно, поехали, домой хочу.

Я заснула на редкость легко и быстро, а вот сны снились странные, тревожные. В утреннем пробуждении остались лишь призрачные воспоминания прошлой ночи и лёгкий, но манящий аромат. Не найдя ему названия, я решила: это аромат мелькнувшей мимо страсти – пробежавшей кошки, которая едва коснулась моих лодыжек своим тёплым и шелковистым хвостом.

Где-то зазвонил телефон. После нескольких попыток я нашла его в полах простыни.

– Алло.

– Санни, детка, ты жива?

– Ну, вроде бы да... Клара, это ты?

– А кто же ещё о тебе побеспокоится? Санни, прекрати вести себя, как подросток. Когда же ты, наконец, повзрослеешь!

– Никогда, – усмехнулась я.

– Вот и я о том же... Чем думаешь заняться?

– Поеду в Арт-Т, потом нужно поработать над книгой, а ещё я обещала...

– Сана! Идём по магазинам, – перебила меня Клара, – слушай, я люблю Бога за то, что он придумал шоппинг. Ты не помнишь, чьи это слова? Впрочем, неважно, теперь они – мои.

– Не богохульствуй, хотя я тоже люблю шоппинг, но мне для этого нужно много работать.

– Ха-ха, милашка, мне тоже. Ты забыла, что я ещё работаю в этом забытом Богом журнальчике.

– Клара, ты там даже не появляешься.

– Ну, почему же, иногда всё же бываю. Слушай, кажется, мы помирились. Ильгар зовёт меня в новое местечко. В Гусарском районе открыли. Не хочешь с нами? Только своего недоделанного Зака не бери.

– Зак в прошлом. Уже не помню, когда мы виделись в последний раз.

– Не вздыхай, так оно лучше, толку-то от него? Аферист и бабник.

– Ладно тебе, мы притягиваем себе подобных.

– Ну, уж нет, Зак никак тебе не подобен. Ладно, ты идёшь со мной? Или как?

– Или как.

– Эх, ладно, пойду. Попробую раскрутить Ильгара, может, согласится купить маленькую сумочку для своей крошки.

Мы обе рассмеялись.

– Иди крошка, целую.

АЛЕКС

Встреча с Самирой состоялась в воскресенье вечером в Милане. Нет, не в ресторане с таким названием, а в Италии. Я летел по делам, а Самира частенько наведывалась в Милан делать излюбленный shopping. Во всяком случае, там она оставалась одна, вдали от семейных неурядиц и взора мужниных родственников, которые спешили докладывать о каждом её передвижении благочестивому отцу семейства. Я знал

мужа Самиры – довольно приятный человек с большими связями, кучей родственников-грызунов и нерадивыми детьми. Женился он по расчету, но женой был доволен.

Его больше волновала работа, нежели семья, но второе было неотъемлемой частью первого в его положении и окружении. Он, конечно, составлял компанию вышестоящим сотрудникам в периодических походах в сауну в компании длинноногих девиц, но не афишировал такие приключения. В его возрасте у него были другие стремления, например, занять такое высокое положение, при котором ему бы не приходилось уступать другим, разделяя их интересы. Он желал спокойной жизни среди внуков, детей, у тёплого бока жены и, безусловно, жаждал непомерной власти. Но его мечты в реальной жизни были пазлами, которые никогда не сходились в единое целое.

Мы встретились в маленьком кафе в центре города. Самира выглядела довольно ярко, даже на фоне экстравагантных и не менее заметных итальянок. Её почти белые волосы, собранные в затейливую прическу гармонировали с тёмным загаром и голубым платьем, доходившим до высоченных каблуков малинового цвета. Видимо, так сейчас одевались – по Самире можно было узнать, что будут носить в новом сезоне.

Стройная, несмотря на троих детей и очень высокая, она пригляделась и, увидев меня, подошла к столику:

– Ну, привет. Наконец-то свиделись. Я думала, придётся отменить поездку, дочь устроила истерику из-за мужа. Надоели.

– Ты так и не нашла себе компанию в лице дочерей?

– О чём ты говоришь, Алекс! Они – копия своего отца.

– Которого ты никогда не любила?

– Моя единственная любовь... есть и будет мой сын Ильгар.

– Не боишься такой привязанности?

– Боюсь, очень боюсь. Но ничего не могу изменить. Хочется вернуть время, когда он был маленький, и мне приходилось не спать ночью из-за кормёжки, а не потому, что моего сына нет дома. Постоянно думаю, где он, с кем он? Чем занимается?

– Ты ведь понимаешь: ни к чему хорошему это не приведёт.

– Прекрасно понимаю, порой думаю: пусть уж Бог скорей заберёт моих дочерей, чем сына.

– Ты с ума сошла!

– Знаю, причём, давно.

Самира громко рассмеялась, и мы продолжили беседу после аппетитного обеда, который нам принесли.

– Я пробуду в Милане ещё пару дней. Хочу купить подарки детям. Какие у тебя планы?

– Мне нужно встретиться с владельцами нескольких фабрик. Хочу позаимствовать кое-какие идеи, может, и сам предложу им парочку новых концепций. Посмотрим. После этого съезжу в Стамбул – там я нужен на фабрике. А затем вернусь в Баку.

– Давненько мы не собирались за игрой. Я даже не помню, когда это было в последний раз.

– Ты права, хорошо было бы поиграть. Нас осталось мало. Думаю, приобщить к нашему увлечению пару новеньких.

– Алекс, прошу тебя! Ты же знаешь моё положение.

– Знаю, вот поэтому и не тороплюсь. Старых игроков, тех, что играли с Илмасом, мы растеряли, после того, как старик перестал играть. Придётся искать новых. У тебя есть варианты?

– Ну, конечно же, нет. Кстати, а как поживает Илмас? Он уже несколько лет не приезжает?

– Старик Илмас сильно болен. Но мы часто созваниваемся, почти ежедневно. Перелёты для него мучительны. Хорошо бы ему обосноваться в Германии, но уж очень он привязан к родине. Говорит, лучше умру у себя. Так что будем приобщать новых игроков-любителей.

– Как скажешь, я тебе доверяю. Хотя часто задаюсь этим вопросом и не могу понять, зачем? С чего это мне тебе так доверять?

– Ответ прост, я ещё ни разу не давал повода к недоверию.

– Но ведь это не причина, Алекс.

– Самая причина, другой нет.

– Мы ведь даже не любовники, хотя со стороны это выглядит именно так.

Самира рассмеялась, дабы скрыть неловкость и очевидность своего желания, а я просто улыбнулся, чтобы не огорчать красивую женщину своим нежеланием.

Заказав кофе и сладости для Самиры, мы пересели на террасу.

– Тут довольно безлюдно, можешь не беспокоиться.

– Я совершенно спокойна. Но почему-то задумалась о Илмасе – с ним было приятно общаться.

– Он и сейчас не изменился. Не потерял своего оптимизма, желания пошутить, даже азарт в нем всё ещё есть. Когда приезжаю, мы подолгу играем в нарды, в шахматы.

– А карты?

– Карты он больше не трогает. С тех пор, как ему показалось, что он увидел в них свою смерть.

– Мурашки по коже, ведь это так легко себе внушить.

– Легко, согласен. Не знаю, внушил он себе или нет, но факт, что он болен, никто, увы, не отменял.

– Хочется верить, что всё поправимо силой мысли.

– Где-то так и есть, дорогая, но насколько, затрудняюсь сказать.

– Ты очень привязан к Илмасу?

– Он, в какой-то мере, заменил мне отца: приютил, обучил, дал возможность стать тем, кем я являюсь.

– Напомни, что стало с семьёй Илмаса?

– Они погибли в автокатастрофе. С тех пор он один. Кстати, жена его жива. Она нашла в себе силы после такой трагедии – ведь погибли оба ребенка. И даже вышла замуж спустя несколько лет, но детей у неё в этом браке нет. Она с новым мужем воспитывает пасынка.

– А Илмас?

– Он долго горевал. До сих пор в доме комнаты детей не трогают, только поддерживают порядок. Я встретил Илмаса в студенческом возрасте, когда подрабатывал в отеле. Там мы и познакомились. Я относил его вещи в номер каждый раз, когда он приезжал в Анкару.

– Долго ты жил там?

– Моя мать вышла замуж во второй раз, и мы переехали в Турцию. Казалось, всё должно было измениться к лучшему, но мы полагаем, а Бог... Хотя знаешь, дела у меня идут неплохо: жив, богат, просто одинок, но мало кто в наше время может похвастаться обратным.

Самира помешивала ложечкой свой уже остывший cappuchino, и её взгляд куда-то в сторону говорил о том, что она ждёт продолжения рассказа. Я не любил говорить о прошлом, но мне не хотелось разочаровывать красивую женщину, которая видела во мне если не друга, то соратника. Я сделал глоток кофе; улыбнувшись ей, продолжил:

– Дети моего отчима меня невзлюбили. Я оказался в роли Золушки, только мужского рода. Но сильного вреда не

причиняли, тем более, отчим относился весьма терпимо. Не ругал, не бил, даже общался, когда детей не было дома, видимо, чувствовал ревность и не хотел её разжигать. Мама была ласкова, но душой не близка. В любом случае я безумно её любил. Мне, по сути, больше некого было любить.

Мы жили неплохо, но я подрабатывал в отеле. Хотел иметь свои деньги, хоть мама и давала немного. Я жил в семье, но «на чемоданах». Знаешь, как это бывает, когда чувствуешь, что скоро уезжать? Никак не мог отвязаться от этого чувства, пока не случилась эта трагедия с мамой и Эрем, дочерью отчима. Они разбились на машине, которую для Эрем купил отец.

Жить стало невыносимо. Ощущение полного одиночества съедало меня день ото дня. Матери не было, мне ужасно не хватало её ласкового взгляда и тёплого голоса.

«Искендер, сынок», – так она меня звала поесть или будила изредка утром. С братом я не общался, а отчим замкнулся в себе после смерти второй жены и любимой дочери. В общем, таким потерянным мальчишкой меня и нашёл Илмас. Приютил, утешил. Как-то предложил окончательно перебраться к нему, чтобы помогать по дому...

Я непроизвольно прервал повествование и вздохнул...

– О чём задумался?

– Вспоминаю те дни. Тяжело было без матери, но новая жизнь заняла всё мое время, все мои мысли. Илмас пристроил меня на фабрику, затем как-то позвал к себе и говорит: «Ну, что сынок будем делать с тобой? Давай учиться иди, в университет поступай, а то всю жизнь так и проведёшь в подмастерьях».

Поступил я на ту специальность, на какую он хотел, приложив затем к достижению цели все свои силы, будто от этого

зависела моя жизнь. Хотя, в какой- то мере, так оно и было. Кому я был нужен без корочек элитного университета?

– Да ладно тебе, сейчас и не такое покупают.

– Покупают... А зачем? Чтобы потом продолжать расплачиваться за бездарность? Я был никем, я и есть никто, но при всём при этом у меня есть всё. Разве не парадокс? Мне помог Илмас, а я удвоил его бизнес и себе отхватил не хилый кусочек.

– Мне жаль Илмаса. Если буду в Стамбуле, думаешь, стоит его навестить?

– Если старик будет в состоянии тебя принять, почему бы нет. Разве кто откажется от общества красивой женщины?

– Ты мне льстишь, – лукаво улыбнулась Самира.

– Не умею, говорю, как есть.

Немного помолчав, Самира вскинула бровь и произнесла:

– Знаешь, мне недавно показалось, что я встретила отца Ильгара. Проезжала мимо, а он дорогу переходил. Так перепугалась. Потом вспомнила, что среди родственников прошёл слух о том, что он болеет, и из дома выходит весьма редко.

– Чего перепугалась? Все вопросы уладили ещё в далёком прошлом.

– Да, уладили, а всё равно страшно стало. Вдруг догадается, вдруг Ильгар узнает. Эта тайна должна умереть со мной. Они так похожи, такие одинаковые – даже походка.

– Не тяжело тебе жить с таким грузом?

– Привыкла. Время всё в жизни меняет, и ко всему приспосабливаешься. Только за сына постоянно боюсь. Глупый какой-то страх. Сны плохие вижу; как могу, отгоняю от себя дурные мысли. А на сердце – камень.

– От плохих мыслей есть одно лекарство – найти им замену. Порой, это замена одних дурных размышлений на другие, но всё равно эффективно.

– Алекс! Прекрати!

– Хорошо, дорогая, как пожелаешь.

Мы ещё сидели, пока мне не начали докучать звонки. Тогда мы мило попрощались, хотя ограничились только рукопожатием. Осторожность никогда не бывает лишней.

САНА

– Я люблю тебя, – сказал Зак тихим голосом, появившись у моей двери ранним утром.

Эти слова резко ударили меня по лицу, будто пощечина. Не столько больно, сколько унизительно и обидно.

– Ты слышишь, Санни, я люблю тебя.

Мне захотелось заплакать – громко, навзрыд, только бы заглушить нарастающую боль. Только бы не выкрикнуть в ответ: «Будь ты проклят, со своей любовью, если единственное, что она может, это ломать жизни и разбивать сердца».

Я слилась в одно целое со своим дыханием, которое лёгким резонансом отдавалось на пустынной, безлюдной улице. Я не знала, что ответить, не знала, как себя вести. Создавшаяся сцена напомнила мне фильм «Эффект бабочки», где герой, надеясь изменить настоящее, возвращается в прошлое, поменяв в создавшейся ситуации лишь одну деталь. В последнем эпизоде фильма маленький мальчик подбегает к девочке и говорит, что ненавидит её, тем самым положив конец ещё не начавшимся отношениям.

Именно так мне хотелось поступить с Заком: вернуться назад и попросить его никогда не появляться в моей жизни. Слишком много растраченных чувств, слишком много любви утекло в никчёмных попытках построить замок из песка; слишком много Зака и слишком мало меня самой...

Потоптавшись, Зак приоткрыл дверь машины, предложив:

– Садись, поговорим.

Почему-то не хотелось спорить. Молча откинувшись на кожаное кресло, я ощутила приближение развязки. Пахло кожей, дорогим одеколоном и разлукой. За столько лет я научилась распознавать её запах. Какое-то время мы молчали. Каждый думал о своём, а может, мы думали об одном и том же. Зак хотел было закурить, но потом оставил сигарету и взял мою ладонь в свою:

– Я не привык видеть тебя такой, Сана, понимаешь. Да, я – чёртов эгоист! Не хочется жить, зная, что ты можешь кому-то дарить свои чувства, себя... Люблю тебя, вот и схожу с ума.

– Ты эгоист, милый, а я дура – ждала тебя столько лет... А для чего?

– Не терзай, жизнь меня уже изрядно наказала.

– Не смеши! Как?

– Твои слова хуже пощечины, Сана. Я был идиотом, а теперь вот – живу без тебя. Вымаливаю встречи, а ты вольна делать, что хочешь. Единственное, что меня до сих пор держит на волоске от отчаяния, это твои чувства. Ты ведь намного сильнее меня, намного...

Помолчав, Зак внезапно добавил:

– А ты уверена, что хотела бы связать жизнь с моей? Почему ты думаешь, что я тот, кто тебе нужен? У тебя своя

жизнь. Она заполнена событиями. И я всего лишь частичка в ней. Частичка, слегка задержавшаяся на волнах твоей щедрой души.

Я задумалась. С одной стороны, мне было ясно: за последнее время это были единственные слова Зака, к которым стоило прислушаться. А с другой стороны? Воспоминания давили, сильно сжимая мне горло, отчего слёзы непроизвольно закапали на белый рукав моей рубашки. Почему наши отношения стали именно такими сложными и запутанными? И не проще ли разрубить запутанный узел, чем мучиться?

«Потому, что так лучше», – сказала бы мама....

Вытерев щеку белым рукавом, я оставила на нём темноватый след, оставшийся от наших отношений. Сжала в руках сумочку и уже выходя из машины, развернулась и обняла Зака. Напоследок.

Нужно уметь расставаться с людьми. Тем более, со своими воспоминаниями. Хлопнув дверью, я почему-то вспомнила прошлую ночь и обжигающий взгляд серых глаз незнакомца. Мама права...

Если судьба сама решила положить этому конец, мне не нужно с ней спорить, во всяком случае, сейчас. Я побежала к Птице, который жил по соседству и был по совместительству моим ангелом-хранителем.

Кажется, Моэм сказал: нельзя возвращаться туда, где был счастлив. По мне, так не стоит возвращаться и туда, где ты был не слишком счастлив. И вообще не стоит никуда возвращаться. То, что сломано, утеряно, растрачено не имеет смысла возвращать. Пусть уходит в прошлое, пусть ложится на пыльную полку – без права на возврат.

Как-то в минуту откровения Клара рассказала мне сон:

– Ты понимаешь, Санни, он повторяется, и мне делается страшно. Я вижу... Даже страшно произнести... вижу дьявола. Он заглядывает ко мне в окно. Я панически боюсь, что он зайдёт внутрь... А недавно приснился опять, только теперь предстал пожилым. Да, да, это был пожилой дьявол. Он пытался овладеть мной, моей душой. Я бросилась бежать и наткнулась на Ильгара. Обняла его, пытаясь спастись, а он обернулся ко мне, и я увидела... Сана ты не представляешь: вместо лица Ильгара было лицо дьявола. Я бросилась на колени и начала произносить шёпотом молитву, какую не знаю, но я плакала и шептала. Плакала и шептала. Я так боюсь, что когда нибудь дьявол овладеет мной окончательно.

В тот момент я просто обняла свою непутевую подругу и уверила её: такой дурной сон – всего лишь плод её фантазий. Хотя в глубине души понимала: каждый из нас знает о себе больше, чем в этом себе же признаётся. Мы держим свои души за семью замками, лишь изредка выводя их на прогулку.

Клару пугала собственная жизнь, как пугала она меня и многих других. И если я делилась своими страхами с мамой, с Нани, с Птицей, то Клара предпочитала не делиться даже с самой собой. Откровения, подобные прозвучавшему признанию, были крайне редко. Но я была благодарна ей за доверие, поэтому хранила её маленькие тайны как сокровища, лелея и сдувая пылинки.

За воспоминаниями о Кларе меня застал Птица. Я сидела на пороге его дома и ждала чуда. Чудом оказался свежий хлеб, цветочный мед и необыкновенный сыр. Впрочем, подобные завтраки всегда поднимали мне настроение. И жизнь со всеми её страшилками казалась тогда довольно неплохой попутчицей.

АЛЕКС

Вернувшись в Баку, я вспомнил о Сане. В памяти возникли её короткие, непослушные волосы, испуганный взгляд и прохладная кожа. Нужно было организовать встречу, подбросив судьбе парочку вариантов.

Первым, кого я встретил, был Шаин:

– С возвращением, начальник.

– Салам, Шаин! Как дела в Баку?

– Всё под контролем.

– Ну, если под твоим, тогда полный порядок, – улыбнулся я недоумевающему Шаину. – Слушай, давай-ка проедем мимо одного места. Кое-кого хочу повидать.

Шаин сел за руль моего автомобиля, и мы покатили по направлению к Арт-Т, обители Саны. Её там не оказалось, что впрочем, было мне отчасти на руку. Осмотревшись, я заказал кофе и сел за столик у окна. Шаин предпочёл чай с пирожным. Кафе было милым, уютным и, учитывая раннее время, почти безлюдным, не считая угрюмого паренька с телефоном за соседним столом.

Его беглый взгляд, суетливые движения выдавали в нем человека с ворохом амбиций, которые он тщательно прятал в складках выглаженной одежды. Странный тип. Либо бывший наркоман, хотя они весьма редко встречаются, либо бывший гаишник. Я не особенно уважаю местных дорожных инспекторов. Однако среди них знал одного довольно образованного и приятного человека. Он писал стихи, даже будучи на посту, за что его, видимо, вскоре и перевели в отдел разбирать бумажки. Весьма симпатичный человек был. О таких приятно вспомнить. Этот же молодой незнакомец был совсем другого типа. Мои размышления прервал вопрос Шаина:

– На того гагаша* смотришь, брат?

– Знаешь его?

– Тима это, Салика брат.

– Какого Салика?

– Ну, Салим, известный был человек. Они на Советской улице жили. За наркотики большой срок отмотал. Вышел, а потом кого-то порешил. Снова посадили, и опять надолго. Говорят, от передоза в тюрьме скончался. Наверно, врут, отомстили так.

– Где ты эти истории берешь, Шаин?

– Как где? Из жизни, брат, из жизни. Так и бывает. На улице случаи, подобно деревьям в лесу – сами растут! Не веришь? Случается и не такое.

– А этот что? Тоже по стопам брата?

– Этот? Нет вроде. Может, и было что в молодости, а сейчас он тихий. Весь день тут сидит.

– Интересное занятие, а чем живёт?

– Друзья его это кафе держат. Девушка одна, Сана зовут и еще один рус.

– Русский?

– Да, типа того, блондин.

– В логике ты силён, – усмехнулся я доводам всезнайки Шаина, – считаешь цвет волос верным и единственным признаком национальности.

– Я про всех точно знаю, – нисколько не обиделся Шаин. – Сана книжки пишет, а блондинистый паренёк картинки рисует. Видишь, сколько тут их развесил! Только никто, видно, его картинки не покупает.

– Почему же никто? Сюжеты неплохие, а вывесил, наверно, ради рекламы.

– Чтобы люди видели? Так сюда в основном такие, как он, приходят, не сильно богатые. Не купят, точно говорю.

Этот Тима сидит здесь днём и ночью. Дел нет, денег нет, даже жены нет!

Наличие жены и детей считалось неотъемлемой частью бытия любого уважающего себя мужчины, по мнению Шаина. Обо мне он речь не заводил, боялся.

– Должен же он хоть чем-то заниматься? – предположил я.

– Сводник он! – воскликнул Шаин, будто вспомнив удачное слово.

– Какой такой сводник?

– Ну, людей сводит с нужными людьми. Вот, например, тебе нужен я, а ты меня не знаешь, а он знает и сведёт. А ты ему завтра чем-то другим поможешь.

– Ясно всё с твоим сводником, – улыбнулся я любопытному толкованию слова по версии Шаина.

А потом откинулся на подушки обтянутые сукном малахитового оттенка и подумал о Сане. Захотелось увидеть её, но ещё больше – побыть в её маленьком мирке, почувствовать присутствие Саны в этих круглых стенах, ощутить себя частью её бытия. Я закурил и внезапно обернулся на стоящего рядом человека.

– Братишка, лишней сигареты не найдётся? Свои закончились, – улыбаясь, произнес он, для наглядности демонстрируя пустую пачку «Кента». – Тима, – представился он, без приглашения усаживаясь за наш стол.

Прошло пару часов, может, меньше, когда дверь отворилась и влетела маленькая птичка: светленькая, несущая за собой аромат пряностей Востока.

– Салам, Сана ханым, – крикнула пухленькая девушка за барной стойкой.

– Привет, Фатя, как дела, дорогая?

Фатя что-то пролепетала, видимо, означающее, что у неё всё хорошо. Сидящий рядом Тима зашевелился, уставившись в сторону. Почему-то он мне не нравился.

– Привет, Тима, давно тут? – широко улыбаясь, спросила хозяйка заведения.

Светло-зелёное платье хорошо гармонировало со светлыми волосами. Она несколько раз встряхнула головой, будто отгоняла ненужные мысли.

– Привет, детка, с утра сижу, гостей развлекаю, – с довольно важным видом ответил рядом сидящий Тима.

Столкнувшись со мной взглядом, Сана нахмурилась, прищурилась, а затем широко улыбнулась:

– Так я же вас знаю! Вы – мой спаситель! Как вы меня нашли? Ну, здравствуйте, – звонко произнесла она, протягивая мне руку для пожатия.

Безумно хотелось прижаться к этой коже губами, но я ограничился крепким рукопожатием.

– Здравствуйте, Сана. Вот, как видите, нашёл. Ищущий да найдет, – добавил я по латыни. И хотел было перевести, но Сана опередила меня:

– Да, действительно. Остаётся спросить, зачем вы меня искали? Я перестаю верить в вашу принадлежность к спасателям, во всяком случае – случайным.

– Не велите казнить, – улыбнулся я, пытаясь обезоружить ее улыбкой.

– Не велю. Что-нибудь хотите?

– Благодарю, пью третий кофе за ваше здоровье.

– Спасибо, но вот четвёртый не советую, вредно, – сузив глаза, произнесла она с лёгкой усмешкой.

Мы обменивались короткими фразами под недоумёнными взглядами Тимы и Шаина. Хотя второй больше был занят очередным куском торта, мало заботясь об известной заповеди.

Мне хотелось продлить наше общение, но вместе с тем я хорошо понимал: нужно оставить её более заинтересованной в следующей встрече. Мы поднялись и попрощались с Саной и её непутёвым другом, который всё это время пытался выяснить, насколько и при каких обстоятельствах я могу быть ему полезен. А потом вышли на шумную улицу. Вдохнув аромат родного города, я вдруг ощутил себя менее одиноким, чем раньше.

САНА

Жизнь без Зака казалась намного красочнее, потому что она позаимствовала немного красок из акварелей Птицы. Моё маленькое кафе процветало, друзья были рядом, и появление таинственного незнакомца было схоже с последними мазками, которые необходимы, чтобы завершить картину.

Сегодня в планах был девичник. Я еле уговорила Нани встретиться с Кларой. Они не слишком друг друга жаловали. Нани была послушной дочерью своих родителей, хорошей подругой и верной девушкой своему непутевому парню. Она старалась всё сделать, как надо, хотя даже я порой задавалась вопросом, насколько она точно знала, каким было это «надо».

Клара была её противоположностью, что привлекало мою, так сказать, тёмную сторону. Яркая, дикая, необузданная сущность Клары привлекала и манила как мужчин, так и женщин. Правда, кроме меня и Ильгара, долго возле неё никто не задерживался. Дружба Клары была похожа на

песочный замок, норовивший разрушиться как от сильного ветра, так и прибрежной волны. По-видимому, ни то, ни другое пока не препятствовало нашим с ней отношениям.

Уже вечером я ещё раз поняла: планировать – не мой удел. Девичник у меня дома плавно перешел в вечеринку с присутствием Птицы – он зашёл на наш шум. Ильгара позвала Клара, а Кямилю позвонила Нани, после того, как увидела Ильгара в проёме моей двери. Ребята веселились от души, и я, наблюдая за ними, радовалась их приподнятому настроению. После разрыва с Заком мне хотелось другой жизни, я жаждала новых приключений и впервые чувствовала себя не покинутой, а освобождённой.

В доме, несмотря на все мои просьбы, было накурено. Чтобы не портить друзьям вечер своим нытьём, я решила проветриться. Выйдя за порог дома, я вдохнула свежего воздуха и обернулась на запах чьих-то сладковатых сигарет, удивившись, что этот запах всё ещё преследует меня.

– Не хотел пугать.

– Я не из пугливых... Давно вы здесь?

– Время – не мой союзник, но если соизмерить его с желанием вас увидеть, мне кажется, я стою здесь целую вечность.

– Вы заранее продумали ответ, – улыбнулась я.

– Нет, это экспромт. Как проходит вечеринка, Сана?

– Весело.

– Да, я успел заметить, вернее, услышать. Как насчет небольшой прогулки?

– Сейчас? А как же мои гости?

– Думаю, им настолько весело, что они могут не заметить вашего отсутствия.

– Это называется похищение.

– Разве? – улыбнулся Алекс, отчего я решила броситься в омут, не задумываясь о том, какие черти там могут водиться.

Ночной город сверкал миллионами огоньков и призывал странников. Мне ещё никогда так сильно не хотелось слиться с этим городом, ощутить себя его частью, растворившись в его огнях. Я откинулась на кожаное сидение и даже не задумалась спросить Алекса, куда мы едем. Он смотрел на дорогу, и у меня была возможность рассмотреть его поближе. Он не мог не привлечь: серые глаза, прищуренный взгляд, чувственный рот, седые волосы. Он мне нравился, и я понимала, что он об этом знает.

Неожиданно я поймала себя на мысли, что хочу отдаться своим чувствам целиком и полностью. Потянулась к Алексу, чтобы провести рукой по его щеке и коснуться его волос, как вдруг зазвенел мой телефон, настойчиво требуя взять себя в руки:

– Санни, ты где?

– Нани, прости, я ненадолго ушла.

– Куда ушла? Ты ненормальная?

– Нормальных нет, милая, – рассмеялась я в ответ.

– Это я уже поняла... Слушай, Клара умотала с Ильгаром, а Кямиль вызвался проводить меня домой. Отдать ключи Птице?

– Хорошо. И не забудьте оставить свет в прихожей. Да не убейте мою кошку.

– Ты ведь в порядке, да?

– В полном порядке, милая моя.

– Ладно. Тогда я слегка приберусь, и мы пойдём. Ты опять с Заком, – осторожно поинтересовалась подруга.

– Нет, – ответила я. И отключилась.

Мы остановились возле берега моря, и Алекс предложил пройтись:

– Не хотите подышать морским воздухом?

– А что ещё тут можно делать? – с усмешкой спросила я, выходя из машины.

– Что угодно, – ответил он, подойдя вплотную ко мне. – Что тебе угодно, Сана, – произнёс он, делая акцент на слове «тебе» и взяв моё лицо в свои ладони, нежно коснулся моих губ. – Всё, что тебе угодно, – прошептал он, сливаясь со мной в поцелуе.

Именно в тот момент моё сердце вспорхнуло и бросилось куда-то в глубь тёмных, ночных волн.

Алекс привез меня домой под утро. Я так и не поняла, как мы провели столько часов на берегу моря. Ко мне опять вернулось любимое ощущение «окрыленности», и я в молчании наслаждалась им всю обратную дорогу. Очень хотелось пригласить его домой, но в голове всё ещё крутилась последняя sms-ка от Нани с весьма грозным содержимым: «Ложусь спать, надеюсь, ты тоже – одна...»

Я проскользнула в дверь, погладила спящую кошку и, поднявшись к себе в спальню, залезла под одеяло. Мои губы и ладони всё ещё хранили аромат одеколона Алекса, и мне не хотелось что-либо менять. Я засыпала, будучи внутренне спокойной, искренне надеясь, что с этого момента моя жизнь изменится, и всё в ней будет иначе.

Сон едва успел коснуться моих век, как я услышала звон разбитого стекла. Вскочив с кровати, я подбежала к окну. Сквозь первые лучи солнца я увидела тысячи кусочков разбитого стекла на улице. Разбитым было окно заброшенного дома напротив. Мне захотелось списать это на ветер, который уже не дул, или на мальчишек, которые в это позднее

время не баловались на улице. Но точно не на камень, который ударил в стекло.

В этом, казалось бы, обычном хулиганском явлении было в то же время что-то странное и предостерегающее, что-то настораживающее, что-то нарушающее приятное ощущение от прекрасного вечера. Был ли то знак или нет, оставалось лишь догадываться и ждать. Слегка приземлённая, я, скинув одежду вернулась в кровать и закрыла глаза.

АЛЕКС

Просматривая пропущенные звонки после временного отключения от внешнего мира, я наткнулся на номер Дэвида. Зная, что он звонит крайне редко и сугубо по делу, я, не мешкая, ему перезвонил.

– Салам, дружище, – услышал я его громкий голос.

– Приветствую, Дэвид! Как поживаешь?

– Неплохо, неплохо... Послушай, мне тут позвонил один старый знакомый. Он сказал, бывшая жена меня разыскивает. Не думаю, что это сулит мне нечто хорошее. Что скажешь по этому поводу?

Значит, Дэвида всё-таки начали искать, учитывая, что в Англии он так и не появился, да и жену не донимал, а ведь она пользовалась его квартирой, которую Дэвид планировал в конечном итоге поделить. Естественно, с последними жизненными переменами деньги от продажи квартиры не слишком его занимали. Будучи местным кумиром, он купался в лучах славы, наслаждаясь обществом миленьких девушек Гусарского района.

Они, в свою очередь, восхищались разительным отличием Дэвида от большинства окружающих их мужчин, ведь англичанин был галантен, нежен, а в вопросах любви ставил желания девушек выше своих, полностью сбивая их с толку. Я понимал: он хватается за меня, как за соломинку, будучи уверенным, что именно я смогу помочь. Осознавая, что когда-нибудь это выплывет наружу, я решил отдалить это событие на как можно более отдалённый срок.

– Не переживай, я урегулирую этот вопрос. Когда это всё произошло? Я поговорю с местной полицией, нужно удостовериться, что они не будут заострять на тебе внимание. Нужно, чтобы твоё имя не упоминалось в связи с отелем.

– Алекс, ты просто мой спаситель!

– Стараюсь, как могу. Не забывай об этом, если вдруг понадобишься.

– Спасибо, друг мой, отныне я твой раб, – шутливо закончил разговор Дэвид. А я задумался, в каких случаях он использует это выражение.

Мы поболтали ещё немного. Он поведал, что отель процветает, и бронирование мест происходит задолго до въезда, что говорило о популярности гостиницы среди городских жителей. В маленький отель и несколько коттеджей, что были построены позже, было вложено немало денег и усилий. Я лично помог с интерьером, переправив из Турции кое-что из мебели. Мой завод в Стамбуле приносил немалый доход. Заботясь о репутации фирмы, мы не допускали в продажу товар хотя бы и с малейшим браком, откладывая на складе. Но совсем незначительная шлифовка и ремонт способны вернуть отложенной до поры мебели наилучший вид, исключив дефекты. Именно подобный товар и было решено привезти в Гусары.

Я по-быстрому решил проблемы Дэвида, переговорив с местной полицией. Оставалось замести его следы, пока его бывшая жена совсем не успокоится. Отель процветал не на шутку. Такого поворота событий даже я не предполагал. Любителей отдохнуть в тени могучих деревьев в уютном пристанище было достаточно много. Дэвид прекрасно смотрелся в роли главного менеджера, подтверждая высокий уровень сервиса своим представительным английским видом.

Насир из рядового таксиста, коим он в принципе и оставался, превратился в стильного паренька в костюме, рекламирующего отель небрежным видом обывателя. Керим, будучи вплотную связанным с местной полицией, служил прекрасной «крышей». Они с Дэвидом великолепно смотрелись вместе и, по сути, неплохо ладили. Если при обычных обстоятельствах Керим выучил бы язык Дэвида, то здесь, в зеленом районе под названием Гусары, господствовали свои правила. Проведя в деревне около года, теперь уже Дэвид довольно свободно объяснялся на азербайджанском. Признаюсь, мне это тоже льстило.

Каждый раз, находясь в этом маленьком раю, как называл его Дэвид, я искренне наслаждался спокойствием и домашней обстановкой, царящей в стенах этого поистине комфортабельного уголка. Сане могло бы здесь понравиться. Мне также хотелось познакомить её с Дэвидом – этим на редкость удивительным человеком, который, кстати, менялся на глазах. Хотя в душе я понимал: единственное, что держит Дэвида в этих зелёных стенах, это возможность вновь ощутить себя королём. И уже не важно, носит ли он форму, испачканную нефтью, или стильные брюки со спортивной майкой.

Я не видел Сану после нашего последнего ночного приключения у моря. Что-то душе не давало покоя. Меня даже

посетила мысль: не разучился ли я строить нормальные отношения с девушками, подобными ей. С другой стороны, мне казалось: промедление только отдалит Сану от меня. Однако постоянные дела всегда отвлекали, и я был не готов к следующей встрече, а может, просто не знал, чем заняться с женщиной, кроме как затащить её в постель.

Спасательным кругом в данной ситуации могла послужить Самира. Так как я не привык беспокоить её сам, то послал Шаина – моего верного помощника во всех щепетильных делах. Шаин находился, как обычно, на кладбище – среди тех, кто был не в силах высказать что-либо о его развернувшейся деятельности. К тому моменту на городском кладбище у Шаина завелись помощники. Это были три пожилых муллы, исправно ведущие порученное им дело, – молиться за усопших за определённую плату. Такова была традиция: за молитву полагалось отблагодарить почтенного муллу, который таким способом зарабатывал себе на жизнь.

Такой порядок выглядел бы ещё более привлекательно, если бы этим не заправлял Шаин. Он тут являлся королём, своеобразным хранителем сервиса мертвых душ; который и помолится, и приберёт возле могилы, и даже приведёт в порядок ограду. Что угодно – за ваши деньги. Честно? Вполне! Главное, люди были готовы заплатить немалую сумму за подобные услуги, дабы таким образом замолить грехи перед ушедшими в небытие родственниками. Кто-то рассчитывался за прошлое, в котором не было времени на прощение, а кто-то за настоящее, в котором не находилось часа на регулярные визиты. Суть была в одном – платили все, и такая ситуация целиком и полностью устраивала Шаина.

Позвонив ему, я попросил заехать в салон, где ежедневно появлялась Самира, чтобы оставить ей небольшое сообще-

ние. Ждать долго не пришлось, вскоре номер Самиры высветился на экране моего телефона.

– Искал? – прозвучал её томный голос.

– Здравствуй, дорогая. Да, хотел посоветоваться.

– Что там у тебя?

– Ты не в духе?

– Эх, Алекс, семья – штука сложная. Была бы моложе, да умнее, не вышла бы замуж, не нарожала бы кучу нерадивых детей. Нужно уметь жить для себя.

– Мне казалось, ты великолепно с этим справляешься.

– Совсем нет. Только и делаю, что занимаюсь семейными дрязгами. От дочерей толка нет, Ильгар никак не отстанет от гулянок, тусовок, выпивки и этой девицы. При мысли о ней мне дурно. Ладно, не хочу об этом говорить. Достаточно того, что думаю, не переставая. Что у тебя?

– Женщина, которую я... хочу не только затащить в постель.

– Что, так серьёзно?

– Вполне. Настолько, что после последней встречи я никак не решусь ей позвонить. Но пауза слишком затянулась. Не знаю, как лучше нарушить это молчание. Посоветуй.

– Интересно было бы поглядеть на ту особу, которая способна тебя заинтересовать.

– У тебя ещё будет для этого время.

– И чем же она так хороша? Ладно, я поняла, что тебе нужно. Дай-ка мне её адресок. Я сама всё решу.

– Ты уверена?

– Кто лучше меня знает, что любят женщины. Какая она?

Я не на шутку задумался. Как – всего лишь одним словом – охарактеризовать Сану?

– Ммм... светлая...

– Насколько я поняла, ты имел в виду не цвет её волос, – усмехнулась Самира. – Ладно, не мучайся, сделаю всё, как надо. До встречи.

Она отключилась, а я ещё долго представлял Сану, которая купалась в лучах собственного солнца. Светлая...

Самира действительно всё сделала для того, чтобы сгладить мое отсутствие перед Саной. Небольшой букет прекрасно дополнил небольшую, чёрную коробочку с элегантным украшением. Это она послала в Арт-Т на имя Саны, в то время, как я возвращался в Баку из Гусаров.

– Что ты приобрела? – спросил я, когда она позвонила сообщить о проделанной работе.

– Милый букетик альстрометрий и розовых роз к оригинальному кулону-брошке – как раз под стать молодой милой девушке.

– Считаешь, она поверит, что я мог додуматься до таких цветов?

– Она даже не будет спрашивать. Так как заведомо знает: ты не из тех мужчин, которые собственноручно выбирают цветы в магазине, милый. Кулон я взяла весьма необычный.

– Спасибо, дорогая, не сомневался, что ты меня выручишь. Я перечислю сумму на твой счет. И никаких отговорок!

– Давай не будем трогать мой счёт, – вдруг запротестовала Самира. – Ты просто купишь мне подарок на день рождения. Вот и будем квиты.

– Но день рождения у тебя только что был – в прошлом месяце.

– Да, и ты меня уже поздравил. Мне было приятно, так как ты единственный, кто угодил мне с презентом.

– Это было мне в удовольствие. Чего не сделаешь для красивой женщины, особенно, если она в числе друзей.

– Ладно тебе!

– Ты же знаешь, я не умею льстить, тем более, тебе. В таком случае, получишь внеурочный подарок, если денег от меня принять не желаешь.

– Я бы приняла что-нибудь другое, только боюсь промахнуться.

Самира рассмеялась своей собственной шутке, а мне ничего не оставалось, как промолчать.

– Так чем же тебя привлекла эта девушка, Алекс?

– Ты повторяешься, Самира.

– Действительно, повторяюсь. До встречи, Алекс, надеюсь, этот подарок придётся по вкусу твоей светлой подружке.

Не дав мне договорить, Самира отключилась, тем самым продемонстрировав недовольство ситуацией в целом. Я понимал это, но осознавал свою власть над этой женщиной, ощущая её интерес к собственной персоне не первый год. Только вот ничего не мог, да и не хотел с этим сделать. Самира была красивой женщиной, но не той, ради которой мне хотелось бы воевать с сильными мира сего, включая её мужа. Я не боялся его, так как за моей спиной стояли куда более влиятельные люди, но и лишних проблем мне ради неё было не надо. Одной красоты мало, слишком мало. Для меня.

САНА

Солнце ласково обнимало мой дом, мою улицу и весь мой город. День обещал быть хорошим, и мне хотелось, чтобы его обещания были закреплены солнечными лучами. Я всё равно в это верила.

Птица не вылезал из берлоги, что предвещало новый шедевр, который, увы, будет висеть только у нас в ресторане. Его картины покупали, правда, чаще всего иностранцы, так как для популярности нужны были связи, которых у нас не было. Мы с трудом отстояли своё место под солнцем, когда приобрели это маленькое кафе. Обошлось не без хороших друзей, что, впрочем, не слишком огорчало, куда хуже было бы без них.

Я дошла до кафе пешком. Решив удлинить дорогу, я проследовала по бульвару. Может, потому, что я так беспамятно влюблена в этот город, а может, причина другая, но бакинский бульвар – это особая дорожка вдоль моря, которая плавно ведёт от вороха мыслей к одной единственной – главной в тот момент. Я начала с дома, Птицы и его маленьких красочных друзей, украшающих наше маленькое заведение. Вспомнила о нашем уютном кафе – сборище одиноких людей, жаждущих побыть наедине. Правда, долго побыть в полном уединении у них не всегда получалось. Закончила размышления на прогулке я мыслями о себе – словно пошла своей собственной дорожкой, ведущей меня куда-то вперёд.

Я подумала вот о чём. Куда бы мы ни шли, какую бы дорогу ни выбирали, кто бы ни шел рядом с нами, мы всегда возвращаемся к себе, в исходную точку своего Я. Сколько ни крутись – всё одно. Я вернулась к своей жизни и задумалась, каким бы я хотела видеть своё будущее? Таким, которое красуется на коллажах успешных и знаменитых, или мне необходимо что-то своё, непохожее и особенное?

Окончив школу, я так и не смогла ответить на главный вопрос: «Кем хочет быть Сана, когда вырастет?» Я стала взрослой, но ответа на этот вопрос до сих пор нет. Многого добилась, в чём-то больше, а в чём-то меньше своих сверстни-

ков, но магическое слово «будущее» всё ещё стоит и показывает мне язык.

В тот момент я неожиданно подумала о Заке и тотчас отогнала ненужные мысли. Объекта моей многолетней любви больше нет в моей жизни, и место возле рёбер, где он когда-то был, больше не болит. Оказалось, ничего не стоит забыть человека, если фундаментом для отношений служили эфемерные воспоминания.

Телефонный звонок, пробудивший меня от тяжёлых мыслей, не предвещал никого, кроме любопытства Клары:

– Санни, детка, пашешь?

– Нет, коралловая моя, гуляю по бульвару, вдыхаю солёный запах моря и веду борьбу с собой.

– Ну, я так и знала! Хватит крутиться возле престарелых чиновников! Давай ко мне в офис. Шеф смотал к чёрту, а я соскучилась по своей сумасшедшей подруге.

– Ты понимаешь, я не знаю, что делать дальше. Думала о Заке...

Клара перебила меня громким вздохом:

– Санни, милая, двум смертям не бывать. В любых отношениях можно умереть лишь однажды. А ты – будто актриса с заученной ролью – пытаешься повторить это снова и снова. Забудь этого неудачника! Пусть наслаждается своей семьей, втайне мечтая о такой женщине, как ты. О женщине, которая ему не по зубам, да, видимо, и не по карману. Пускай ложится в постель с женой, которая больше похожа на его мать! Пускай живёт своей никчёмной жизнью. В этом его наказание – сроком на всю жизнь. Я люблю тебя и не хочу видеть его рядом с тобой никогда. Обещай мне, Санни.

– Зака больше нет. Пообещав, я брошу монетку в пустой колодец. Там, где пусто, нечему звенеть. Нет чувств, нет Зака. Всё просто.

– Ну, надеюсь. Кстати, от моих зорких глаз не ускользнуло твоё исчезновение с симпатичным незнакомцем.

– Не сомневалась, что мой уход не пройдёт незамеченным тобой, но удивлена: как ты разглядела черты лица моего ночного странника? – рассмеялась я.

– Через окошко разглядела, – нисколько не смутилась моя собеседница, – ты ведь не сразу бросилась к нему в машину, хотя долго себя упрашивать не заставила.

– Клара!

– Колись, хочу всё знать про него. Давай, тащи свою худую задницу ко мне в офис. Я заварю кофе, а заодно и погадаю тебе на твоё безоблачное будущее.

Я отключилась и ещё минут десять гуляла с улыбкой на лице. Клара, Клара, кто ещё на свете может рассмешить и подзадорить, если не она! Я поймала такси и отправилась в маленькое агентство, где работала Клара...

Совесть была чиста: Нани уехала с тётей Тамарой в Грузию, и мне не нужно было лицезреть рассерженное личико Нани и слышать упреки вроде «Вот, опять эта Клара, ничему хорошему не научит, а ты к ней льнёшь. Меня совсем забыла!» Брать с собой Нани на встречу с Кларой было не слишком хорошей идеей, так как девочки говорили на разных языках, хотя каждую из них я понимала прекрасно.

«Это потому, что в тебе есть двойственность, – говорил Птица, – это свойственно людям, рождённым под созвездием Близнецов».

Мы сидели за столом шефа Клары и пили турецкий кофе, который она заварила.

– Представляешь, этому дураку месяц назад привезли настоящий турецкий кофе, а он хранит его в ящике стола.

– Мы пьём кофе, который привезли твоему шефу?

– Да! Если он сам не может воспользоваться маленькими дарами, то нужно ему в этом помочь, не переводить же продукты. Он даже не заметит пропажи, – рассмеялась Клара, обнажив белые, красивые зубы.

Мы пили кофе, грызли орешки из закромов шефа Клары и наслаждались созданным уютом, как глупые подростки.

– Давай я тебе погадаю, – низким голосом произнесла Клара.

– Ну, опять какую-то гадость скажешь, а я потом нервничать буду.

– Ты же не веришь в мои магические способности, – усмехнулась она.

– Не верю, твоя магия действует только на Ильгара. Да и то только в те моменты, когда он не находится во власти магии своей мамочки.

– Ты права, достала меня его мать, не даёт спокойно жить.

– Она, видимо, желает ему лучшей доли. Сама знаешь, как это бывает.

– Пускай, посмотрим, до чего доведут её желания.

Клара как будто расстроилась и уставилась в чашку с остатками моего кофе:

– Вижу женщину! Руки подняла, будто молится. Ещё мужика вижу – с бородой.

– Ты скажи ещё: с косой. Клара, перестань нести чушь! Брось сейчас же!

– Да ладно тебе! Что ты нервничаешь! Я даже не смогла понять, что к чему. Странно. Ну, хорошо, расскажи тогда про того незнакомца, с которым, я надеюсь, ты познакомишь очень скоро. Кто этот красавец? Ты время даром не теряешь, подруга.

Пока я раздумывала с чего начать, я услышала заливистый смех Клары. Она смеялась до слёз, смахивая слезинки кончиками пальцев. Встретив мой недоуменный взгляд, сквозь смех она еле проговорила:

– Слушай, вот она, твоя чашка, нетронутая, я-то свою держала. И вот что думаю: какое отношение эти люди имеют к тебе? Старею, теряю сноровку.

Осознав случившееся, я также посмеялась над её оплошностью.

– Хорошо, а теперь скажи, какое отношение эти люди могут иметь к тебе? Это твой шеф, уличивший тебя в краже турецкого кофе или я, молящаяся за твою пропащую душу?

– Дура ты, это Ильгара мать, умоляющая меня выйти замуж за её сыночка.

– Ну, конечно, мечтай! А мужик кто? Его отец, который подарит тебе кольцо в три карата?

Мы смеялись до боли в животе, когда в комнату зашёл шеф Клары...

Спустя какое-то время мы с Кларой оказались возле моего кафе.

– Слушай, ну и козёл же мой шеф, кофе пожалел.

– Прекрати, а то я опять начну смеяться, и так уже живот болит.

– Ещё бы, тебе смешно, а мне этого идиота ещё завтра выслушивать. Не пойду в офис, прикинусь больной.

– Удивляюсь, как он до сих пор тебя терпит.

– Пусть попробует только уволить! Я знаю, к кому обратиться. Что за взгляд?

– Не знаю, Клара, неужели всё покупается и продаётся? Разве нет никаких иных ценностей? Совсем никаких?

Мы зашли в кафе, с округлых стен которого мне улыбались картины Птицы. Красивые, яркие, искренние. Неужели искренность становится умирающим видом чувств, частичку которого я бережно храню в своем кафе? Не хочется в это верить.

– Сана ханым, вам посылку принесли. Курьер приходил час назад.

– Какую, Фатя?

Пока я успела сообразить, Клара и Тима, который уже с утра восседал на своем привычном месте, зажав в зубах сигарету, а в руках телефон, подбежали к барной стойке. Клара судорожно разворачивала маленький сверток, а Тима вертел в руках букетик розовых цветов:

– Приятно пахнут, это что, твой Закир что ли?

– Да какой Зак, – ответила за меня Клара, – этот идиот даже цветы не умеет дарить.

– Клара!

– Что, Санни, разве я не права?

Визг Клары заставил вздрогнуть всех присутствующих.

– Санни, Боже, это же известный бренд, жутко дорогая штучка! Я не могу, вот это подарок! Неужели ты, наконец, нашла нормального мужика!

Я не слушала Клару – я смотрела на маленькую, открытую коробочку, где лежал нежный кулон в виде маленького человечка, делающего «колесо». Ах, да, символ удачи Радшлегер, мальчик, делающий «колесо». Что хотел сказать Алекс, мне было неизвестно. Единственное, что я знала: эта посылка должна была загладить его внезапное отсутствие.

– Странный кулон.

Тима повертел человечка в руках, за что получил от Клары нагоняй:

– Не лапай! Ты хоть представляешь, сколько это стоит? Сана, одень! Он скоро позвонит, чует моё сердце.

– Что ещё оно чует? – рассмеялся Тима, затягиваясь очередной сигаретой.

– Что ты – дурак!

Они ещё долго пререкались, а затем Клара присоединилась к Тиме, и они на пару затуманивали сигаретным дымом круглые стены, нечеткие силуэты на картинах Птицы и мой разум, уставший от приключений, которые так и норовили ворваться в мою жизнь.

Как предсказывала Клара, Алекс позвонил тем же вечером и пригласил на ужин. Мне почему-то захотелось в этот раз отклонить его приглашение. Но от одной мысли, что придется объяснять подруге, зачем я отказалась от ужина с классным парнем, подарившим мне украшение от известного бренда, мне становилось не по себе. Да, мне льстило отношение Алекса. Где-то в глубине души мне давно хотелось разорвать оставшиеся оковы после Зака, но внутренний голос не позволял расслабиться.

Перемерив кучу платьев, но в итоге остановившись на бежевом комбинезоне, подчеркивающим мой загар; я надела туфли-лодочки и, чмокнув Мегги в носик, вышла на улицу. Вечер выдался довольно прохладный, и я пожалела, что не захватила хотя бы шаль. Впрочем, всегда галантный Алекс уже стоял возле дверей и, взяв меня за ладонь, помог сесть в машину.

Кожаные сиденья автомобиля будто дополняли цвет моего одеяния. В салоне стоял приятный аромат дорогого одеколона, и у меня почему-то сжалось сердце. Воспоминания на самой дальней полке моей души качнулись, норовя выпасть из общей стопки. Встряхнув головой, я одним махом

приоткрыла солнцезащитную шторку и взглянула в зеркальце. На меня глядела смугловатая блондинка с растерянным взглядом. Дабы приободрить себя, я улыбнулась и подмигнула ей в ответ.

– Ты давно не видела себя, Сана? Позволь мне тоже насладиться твоим обаятельным лицом, – послышался мягкий, слегка хриплый голос Алекса, севшего за руль. Он притянул моё лицо и, прищурив глаза, коснулся моих губ. Мне казалось, минула целая вечность, пока мы целовались возле моего дома, но часы говорили: прошло всего лишь пару минут. Я разом растеряла все навыки общения в таких ситуациях и решила не предпринимать ничего, что могло бы всё испортить – просто откинулась на сидение и прикрыла глаза.

Видимо, я задремала, так как, очнувшись, почувствовала, что мы довольно много проехали, а по непривычной обстановке за окном догадалась: наш автомобиль находится за пределами города.

– Где мы?

– На дороге в Гусары.

– Ты с ума сошел, какие Гусары? Это же далеко! Ты ведь пригласил меня на ужин!

– Так и есть, нас ждет великолепный ужин в прекрасном новом отеле. Ты не любишь приключения?

– Нет, уж слишком много их выпадает на мою долю.

Алекс взял мою ладонь в свою и легонько сжал. Я решила отпустить ситуацию, пустив её на самотёк. Пускай. Я слишком долго сопротивлялась переменам, пора бы принять их такими, какими они ко мне являются, даже если такие события предстают в виде нежданных гостей.

К новому отелю в Гусарах мы подъехали под занавес, как любила говорить тетя Тамара. Было около одиннадцати ночи,

когда я, спотыкаясь о булыжники, вошла в небольшой, но довольно красивый отель. Это было трёхэтажное здание, с нижним помещением, используемым под ресторан, где также были комнаты администрации и зал для отдыха с бильярдом и домашним кинотеатром.

Нас, очевидно, ждали: при виде Алекса все всполошились и провели нас в ресторан, где был накрыт стол. При виде предложенных блюд у меня разыгрался зверский аппетит:

– Выглядит вкусно.

– Я рад, что тебе понравилось, Сана. Позже к нам присоединится один мой знакомый, он – директор этого отеля.

– Интересно. Должна заметить, довольно неплохое место открыли в этой глуши. Интересный интерьер, мебель со вкусом подобрана. Видно, кто-то над этим специально работал.

– Да, мой работник приезжал из Турции. Мебель частично была перевезена оттуда.

– Ничего себе! Я сейчас припоминаю: мне Клара про это место рассказывала. Это моя подруга. Её привозил сюда Ильгар, её boyfriend. И прекрати есть меня взглядом, для этого вокруг слишком много съестного.

–А я изголодался по тебе, Сана.

Алекс взял меня за пальцы и слегка сжал, отчего моя кожа покрылась мурашками. Пытаясь отвлечься, я отломила кусочек хлеба и, обмакнув его в красного цвета подливу, нервно зажевала.

– Эй, дружище!

Чей-то бас прогремел в создавшейся тишине ресторана, и кусок хлеба с подливой из самой кислой алчи, который я, наконец, решила проглотить, застрял поперёк горла.

В то время, когда Алекс представлял меня Дэвиду, я не могла выговорить ни слова, кашляла и смахивала с глаз слезинки. Это очень развеселило директора отеля. Он уверял, что я самая обаятельная и смешная. В вероятность последнего я уже была и сама готова поверить.

Дэвид присоединился к нам, и официанты тихонько забегали, расставляя различные яства, которые я не представляла себе возможным съесть, тем более, после полуночи.

Вечер в компании Алекса и его необычного знакомого проходил весьма интересно. Громкий смех Дэвида то и дело раздавался в стенах ресторана. Он смеялся над любой шуткой, хотя мне казалось, что некоторые он даже не понимает, ведь смысл зачастую терялся в переводе. Я заметила: официантов не раздражало слишком шумное поведение чужеземца. Впоследствии я поняла, что они давно считают его своим.

Мне было любопытно, чем так привлёк Дэвида этот удалённый уголок чужой земли? Почему он проводит всё своё время среди местных жителей, чей язык он уже неплохо знал? И почему он ни разу не упомянул о том месте, откуда родом? Мы говорили о многом, тем не менее не касаясь тех вопросов, которые я так хотела задать.

После ужина мы пересели за другой стол, накрытый к чаю. На серебряном подносе красовались мини-версии национальных сладостей: пахлавы и шекербуры. Дэвид уминал эти маленькие сладости с проворностью акробата, закидывая одну вслед за другой, запивая нежное рассыпчатое тесто глотком дымящегося чая. Я пила чай с вишневым вареньем без косточек. Алекс курил сигарету и прожигал меня взглядом, который я старалась не замечать, беседуя с Дэвидом. Спустя ещё час Дэвид предложил сыграть в карты.

– Я не слишком хороший игрок, чтобы играть в карты, тем более, в такое время, – поделилась я своим мнением.

На мою реплику Дэвид лишь рассмеялся, сотрясая ночную тишину. Вынув из кармана колоду, он передал её Алексу. К моему удивлению, Алекс, не изменившись в лице, взял колоду и начал медленно её тасовать.

– Ты ведь не планируешь играть в карты в три часа ночи?

– Ты можешь предложить что-то другое, Сана?

Осознав, что у меня нет альтернативы, я решила всё же сыграть одну партию в этой странной компании.

Алекс протянул мне колоду и предложил вынуть карту:

– Тяни! То, что ты вытянешь, и будет твоей картой.

Поглядев на яркую колоду больших по размеру карт, я осторожно вытянула одну. Перевернув её, удивилась увиденному зрелищу. Яркое солнце искрилось золотом, а маленькие, тёмные картинки, создающие фон, делали солнце ещё ярче.

– Что это за карты такие?

– Таро, – затянувшись, ответил Алекс.

– Они же для гадания используются, ими частенько балуется Клара. А я их просто боюсь.

– Не бойся, мы далеки от оккультизма, а используем их в качестве игры.

– Тарок, – громким шёпотом молвил Дэвид.

– Это название игры, – улыбнулся Алекс, – я тебе вкратце объясню правила.

От Алекса я узнала: карты Таро ещё в древности использовались для обычной игры. Наиболее популярной она была в Италии, где из-за принадлежности карт к магии в них играли против часовой стрелки, что в принципе не столь важно сейчас. Карты раздаются между тремя, четырьмя или пятью игроками и каждая карта имеет свои очки, которые и будут

подсчитывать в течение всей игры. Пока Алекс объяснял, а я пыталась хоть что-то понять из услышанного, мы обернулись на какой-то шум, который оказался всего лишь громким храпом Дэвида.

– Пока ты мне объяснял, он уснул.

– Ещё бы, ведь прошло минут тридцать, а ты так ничего и не поняла, – улыбнулся Алекс.

– Все эти цифры... это слишком сложно для меня.

– Есть ещё один вид этой игры, с точки зрения техники он прост.

– Какой же?

– Принцип похожий, карты раздаются между игроками по очереди, вынимаемая карта должна быть сильнее предыдущей, только это нужно объяснить: почему именно твоя сильнее.

– Ну, это легко!

– Не совсем. Чтобы доказать силу своей карты, тебе придётся потрудиться. Порой это подразумевает повествование о себе самой и о тех сокровенных уголках сознания, куда посторонним вход воспрещён.

– В любом случае, мы ведь не будем сейчас играть?

– Нет, уже не будем. Нас слишком мало для подобных игр.

– Мы вернёмся в город?

– Боюсь, что нет. Мы останемся здесь. Если хочешь, вернёмся завтра.

– Мне, в любом случае, надо домой. Я ведь никого не предупредила об отъезде. Всё было так спонтанно.

– Порой это неизбежно.

Алекс протянул мне руку и увлёк из ресторана, оставив удивительного англичанина в его маленьком королевстве.

Мы вышли на улицу, и я сразу ощутила прохладу раннего утра. Алекс снял пиджак и накинул мне на плечи, пока мы спускались к спальным коттеджам. Я то и дело спотыкалась и в итоге, очутившись на руках у Алекса, ощутила сильную усталость. В уютном коттедже Алекс положил меня на большую кровать. Сквозь раскрытый занавес была видна луна, Алекс прикрыл открытую часть окна и лёг рядом, нежно обняв меня со спины.

– Холодно, – сонно попросила я и Алекс прикрыл меня одеялом поверх одежды.

– Спи, Сана...

... Я сосредоточенно перебирала карты – одну за другой, пытаясь найти ту единственную, которая принадлежала мне. Я разложила их на столе, но ни в одной не могла найти свою. Карты словно смеялись надо мной. А ведь они, действительно, смеялись. Я приблизилась... И к своему ужасу разглядела живые лица там, где ещё недавно были нарисованы карточные фигуры. Это были те, кого я хорошо знала. Мне стало страшно.

– Сана, Сана.

Кто-то ласково трогал меня за плечо. Я проснулась и вдохнула прохладный воздух.

– Ты видела сон?

– Да, – выдохнула я, – страшный.

– Не бойся, хочешь воды?

Пока Алекс наливал воду в откуда-то появившийся армуду, я пыталась освободиться от стянувшего меня комбинезона.

– Давай помогу! Попей и приходи в себя.

Я пила холодную воду маленькими глотками, позволяя Алексу освободить меня от мятой ткани. Свет первых лучей солнца пробивался сквозь занавес, оставляя лёгкий отпечаток на деревянном полу. Мой взгляд застыл на этом солнечном

отрезке, ощутив тепло исходящее от касающихся меня ладоней. Я прикрыла глаза, отдавшись своим ощущениям.

Шум за окном говорил о пробуждающемся уголке родной земли, он также обострял появившееся желание. Нежность прикосновений затрагивала каждый миллиметр горящего разума и истосковавшегося тела, заставляя полностью отключиться от реальности, отдавшись сводящим с ума ощущениям. Дыхания смешивались, а тела переплетались в бесшумном танце мотыльков, парящих над пламенем любви. Сладковатый аромат пьянил мысли, витая в воздухе нотками ванили и мятных сигарет. Это был тот самый аромат, от которого хотелось окунуться в мягкий омут неизведанного, находящийся в тех уголках подсознания, где самые тайные желания с нетерпением ждали своей очереди...

... День в Гусарах мы встретили вместе с Дэвидом, к громкому голосу которого я уже успела привыкнуть. Мы совместили завтрак и обед, лакомясь самыми изысканными национальными блюдами и натуральными продуктами. Я объедалась, ощущая сначала сильный голод, изредка встречая улыбающийся взгляд Алекса. Я перестала его сторониться, хотя он всё ещё вызывал во мне противоречивые чувства.

Дэвид уговаривал нас ещё немного задержаться, но я решительно собралась ехать обратно, хотя бы учитывая тот факт, что единственной одеждой у меня был комбинезон, уже достаточно измятый и требующий немедленной стирки.

В поисках блеска для губ я наткнулась на телефон, дисплей которого свидетельствовал о множестве пропущенных вызовов. Единственный абонент, которому я позвонила, была мама – остальные не догадывались о моём местонахождении. Сообщение от Клары было довольно милым – она явно была в хорошем расположении духа. Птица звонил раз пятнадцать

и послал несколько сухих sms-ок. Я сразу поняла: он обижен, и мне придётся долго выпрашивать его прощение. Нани звонила пару раз, оставив грозное сообщение: «Ты где? Перезвоню ещё раз, будь добра, ответь».

Телефон вновь зазвенел, и я услышала её голос:

– Сана, где ты?

– В Гусарах.

– Ты окончательно спятила? С кем? Только не говори, что с этой мымрой.

– Нет, Клары тут нет, я с Алексом.

– Ах, тот самый... Как ты? Мы с мамой летим в Тбилиси, а оттуда – в Европу. Хотим навестить мамину сестру. Нам, наконец, дали визу. Ура!

– С ума сойти, это же далеко, подруга. Ну, передавай привет тёте Тамаре и всем, всем, всем.

– Хорошо, Санни, обязательно передам, жаль, тебя нет рядом.

– Мне тоже жаль.

– Ничего тебе не жаль! Забыла меня – променяла на Алекса и Клару.

– Не выдумывай, я люблю тебя и уже скучаю.

– Да, ещё бы. Мы скоро вернёмся. Не успеешь оглянуться, а мы рядом. Я уже скучаю по Баку, по папе и по тебе.

– Кямиль звонил?

Нани на секунду замолчала, а после паузы добавила.

– Сана, люблю тебя очень. У меня деньги заканчиваются на балансе мобильника. До встречи.

– До скорого.

Нани была не в духе – это чувствовалось по её голосу и тону разговора, хотя она и пыталась это скрыть. Я понимала, почему она решилась на время уехать, так как сама не раз прибегала к подобному в определённые моменты своей жизни.

АЛЕКС

Было очевидно, что Сана успокоилась и вела себя не так отчуждённо, как поначалу, хотя мне предстоял более долгий путь к её полному расположению. Правда, я не был уверен, что с Саной это возможно – она представляла собой тот тип людей, которые никогда не раскрываются до конца, даже перед самими собой.

Обратно мы ехали в молчании, но на этот раз Сана доверчиво уснула на моём плече.

Возвращение в город не предвещало ничего, кроме бесконечных телефонных переговоров и дел, которые более не терпели отлагательств. Первым, кого я встретил, был Шаин – он жестом остановил машину возле моего дома. Это был знак, означающий финансовый кризис у местного муллы. Кивком головы я позвал его за собой в дом:

– Как поживаешь, Шаин?

– Ассаламу алейкум, брат. Вот, живу, служу Аллаху, тебя дожидаюсь. Два дня тебя не было. Поволновался, думаю, где Искендер, брат мой? Потом Гасым сказал: ты в Гусарах, с блондинкой.

На слове «блондинка» Шаин осекся, и, встретив мой строгий взгляд, поменял тему:

– В общем, я подумал, слава Аллаху – ты в порядке. Как там этот немец?

– Англичанин.

– Да, всё одно – иноверец.

– Ладно, твоя осведомлённость о моей жизни впечатляет. Но – ближе к делу. Мне кое-что нужно сделать. Во-первых, надо тебе с Гасымом заехать кое-куда и передать конверт,

Гасым знает, где это, но передашь именно ты. Во-вторых, нужно как-то замести следы Дэвида. Я пока плачу, договорился с местными властями, они его не трогают, но если начнутся поиски, то проблем не оберёшься.

– А что, если мы его... как бы похороним?

– Как это: похороним, Шаин? У нас попросят тело, где мы его возьмём?

– Я найду такое тело – временно.

– Даже я на такое не способен. И не думай! Ладно, решим этот вопрос позже. Я, наверное, уеду на несколько дней в Стамбул, по делам, заодно проведаю старика Илмаса. Если что, держи меня в курсе всех дел.

– Слушаюсь, начальник!

Я давно не говорил с Самирой, потому что не решался беспокоить. К тому же я до сих пор не отблагодарил её за подарок, купленный для Саны. Самира, как и любая женщина, любила внимание, но подарками её особо не удивишь. Я набросал пару строк на бумаге и попросил все ещё мнущегося на пороге Шаина отнести записку в салон. Я хотел пригласить её на игру, о которой она давно говорила.

Отослав приглашение, я вдруг ощутил знакомое желание играть, как раньше. Карты были всего лишь орудием нашей словесной борьбы, от которой получал удовольствие любой игрок. Суть была в том, что тароков нужно было периодически менять – иначе игра теряла свою жгучую остроту.

К моему удивлению, Самира не сообщила о себе даже после того, как Шаин передал записку. Я был уверен в том, что она её получила, так как в салоне работали люди Самиры. Видимо, что-то или кто-то всецело завладели вниманием знатной матроны, судя по её долгому молчанию.

День, проведённый с Саной, был единственным, о чём мне хотелось вспоминать. Я вдруг осознал, что разучился строить отношения, обычные отношения двоих. Желание обладать этой женщиной, казалось, было выше всего остального. Но даже сейчас я не мог сказать, что полностью ею обладал. Будучи рядом, она не была полностью моей.

Проявив неосторожность, я предложил ей приехать ко мне вечером, на что Сана лишь улыбнулась, вежливо отклонив предложение. Настаивать было не в моих правилах. Женщина вольна выбирать сама, я мог лишь предложить, подтолкнуть, подвести, а остальное было делом времени. Как правило, короткого отрезка времени.

Видимо, Сане нужен был именно этот отрезок, чтобы полностью осознать нашу укрепившуюся связь. В своей помятой одежде, с растрепанными волосами она была всё так же соблазнительна, как в тот момент, когда я забирал её из дома вчера вечером.

«Ты понимаешь, я никогда не была полностью свободна, как никогда не была полностью занята», – будто самой себе сказала Сана, выходя из машины. Я понимал суть этих слов, так как чувствовал то же самое.

Самира всё-таки появилась спустя какое-то время. Она была взволнована, но причину своего состояния выдавать не хотела. Впрочем, я её не торопил. Когда-нибудь она это всё равно сделает. Я вкратце рассказал ей, что запланировал игру на следующие выходные, так как до этого должен вылететь по делам. Самира согласилась, и мы договорились о предстоящей встрече.

Я позвонил Сане и сказал, что срочно вылетаю в Стамбул; вернусь через несколько дней, чтобы она ничего не планировала на выходные. Весьма спокойная реакция Саны заставила меня удивиться. Она не спросила меня о цели

поездки, не возразила по поводу моего приглашения, а всего лишь мягко произнесла несколько дежурных фраз и отключилась. Не проведи я с ней достаточно времени в маленьком отельчике в деревне, мне могло показаться, что я абсолютно безразличен этой женщине, хотя в определенные моменты её чувственность проникала сквозь слои моей кожи, достигая до самого сердца.

САНА

Возвратившись домой, я наполнила миску Мегги и пошла к Птице, чтобы забрать кошку. В окнах Птицы было темно. Постучав в окно, я увидела лишь Мегги, которая скреблась навстречу. Видимо, он вышел погулять. Ничего, как просто ждать, не оставалось. Я чувствовала себя опустошённой. После последних событий моя жизнь менялась изо дня в день, не имея привычки заранее информировать о предстоящих событиях.

Всё менялось, кроме меня самой. Получается, я высвободилась из чужих щупалец, но сама угодила в сети. Нани всё ещё была далеко за океаном. Клара пропала. Это означало: либо она в очень хороших, либо в очень плохих отношениях с Ильгаром. И что именно между ними происходит в данный момент, трудно было уяснить – подобные перемены у них случались довольно часто.

Мой добрый друг шёл вдалеке, размахивая крыльями. Увидев меня, он вдруг замахал ими сильнее, а потом резко остановился. И, слегка сгорбившись, медленно побрёл по направлению к дому.

Его сухое «привет» заставило меня поморщиться:

– Что-то случилось?

– Ничего... наверно, сегодня просто не мой день.

– А вчера был твой?

– Нет, и вчера тоже был не мой.

– А какой день был твоим?

– Я уже и не помню, Маруся.

Я обняла его, крепко скрепила за спиной ладони и расплакалась. Птица лишь обнимал и гладил меня своим крылом по взъерошившимся волосам.

– Идём домой, Маруся, чаю попьём.

Мы вошли в дом, и Мегги радостно принялась вылизывать мои солёные щёки. То ли ей было жаль меня, то ли саму себя. Язык кошек, как, впрочем, и некоторых людей, мне был незнаком.

«Стирка скучна, коли нет в ней мужской рубашки», – любил говорить нам, девушкам, Птица. Видимо, он хотел, чтобы мы не забывали о главном своём предназначении, о нашей женской сущности, которую мы растеряли, войдя в эпоху эмансипации.

Чайник устало пыхтел на плите, Мегги свернувшись в клубочек, почивала на моих коленях, а смесь масляных красок и прочих атрибутов живописи ударяла в нос. Здесь было уютно, по-домашнему, по-родному. Я понимала беспокойство друга, сознавала, что, как ни крути, он был одним из тех редких друзей, которым не наплевать на твоё состояние. Ему было не всё равно.

Клара частенько пыталась намекнуть на факт общего бизнеса, мол, взаимозависимость, но никто не знал Птицу так, как я. В этом мне пришлось давно убедиться. Как и в том, что мы не можем слишком долго выступать в роли психоаналитика.

Неизбежно наступит момент, когда нам это надоест. И тогда самый что ни на есть закадычный друг станет обузой в виде депрессивного индивида, пытающегося испортить жизнь. Терпению даже самых терпеливых слушателей приходит конец.

Мы сидели в небольшой кухне, заваленной вещами, и пили горячий чай. Птица смешно держал кружку у самого клюва и сосредоточенно вдыхал аромат напитка.

– Ты знаешь, Сана, люди по большей части не любят друг друга. Они всего лишь юзеры, так называемые пользователи.

– Мне не хочется в это верить.

– Мне тоже, но нам всем что-то друг от друга нужно, пусть это даже ласка, внимание, понимание, пусть даже громкое слово «любовь».

– Ты не веришь в самоотверженное проявление любви?

– Нет, и ты не веришь. Ведь мы хотим обладать объектом любви, не задумываясь, а хочет ли он и что в этом для него. Понимаешь, количество пользователей бесконечное. Просто уровни у них разные. Кому-то нужны лишь чувства, а кто-то не ограничивается неосязаемыми факторами природы. Мы всегда хотим намного больше, чем можем дать взамен. Взять хотя бы нас с тобой, тебе нужен такой друг, правда? А мне нужна ты, я вижу в тебе родного человека и жутко ревную ко всем другим. Разве это не атрибут собственничества? А он, в свою очередь, тесно связан с желанием обладать, пользоваться, ощущая внутреннее удовлетворение. Мы все связаны, причём, довольно крепко. И лишь те выпадают из общего звена, чьи места легко заполнить следующими претендентами на ту же роль.

– Я тебя понимаю, но ведь есть бескорыстное отношение. Или его вовсе не существует?

– Может, и существует, только я ещё его не встретил. Может, тебе повезёт?

– Может, и повезёт. Кто знает. Я хочу у тебя спросить про Алекса, что ты о нём думаешь?

– По правде говоря, я предпочитаю о твоём друге не думать, как старался не думать о Заке. Но тут больше проявляется мой эгоизм и нежелание делиться с ним твоим вниманием. Зак – человек, не представляющий из себя ничего особенного, то есть по сути, никакой. Может, за это ты его и полюбила. За его безликость – чтобы посредством твоей фантазии такому, как Зак, с лёгкостью присвоить те качества характера, которыми он в реальности не наделён.

– То есть я его выдумала?

– Отчасти! Ты создала образ, который не существует, Его нелегко стереть из сознания, так как фундаментом является твоё яркое воображение. Мы часто создаем подобные образы в сознании. Часто они схожи с самим объектом, а порой значительно отличаются. Как в твоём случае. Вспомни тех, кто когда-то сопровождал тебя на твоём пути. Разве ты можешь похвастаться, что помнишь всё, что с ними было связано? На первый взгляд кажется, что так. Но в реальности, тебе сложно припомнить даже основные детали. Тогда как всё, связанное с Заком, помнишь до мельчайших подробностей. Это потому, что лучшие черты его характера придумала ты сама!

– Да, ты в чём-то прав, хотя я спросила об Алексе, а не о Заке. Закир – моё прошлое. Его не отнять, не спрятать под подушку. О таком помнят, но стараются лишний раз не вспоминать. Сущность Закира я распознала слишком поздно, спустя годы. Правду говорят: со временем глаза на некоторых людей открываются. Я стала многое замечать, просто

видеть своими глазами то, что Зак и не пытался скрыть. Вести двойную, а может, и тройную жизнь не было для него чем-то постыдным. Он упивался своим положением, не осознавая, что рано или поздно за неискренность придётся дорого заплатить. Со мной произошло худшее: я не разлюбила, не нашла ему замену – я разочаровалась в нём.

– Все иллюзии рухнули в один миг, как выстроенное в ряд домино, – продолжила я со вздохом. – Один за другим костяшки домино падали, образовывая одно большое «разочарование». И это есть то единственное, что может убить все имеющиеся чувства, раз и навсегда, без особых усилий. Впрочем, ты сам знаешь, как это бывает. Сейчас меня волнует Алекс, его отношение ко мне, всё, что с ним связано. Хотя я ничего о нём не знаю, да и не стараюсь особо узнать.

Мой собеседник молчал и внимательно слушал. Я решила выговориться до конца:

– Знаешь, я будто выпала из упряжки, которая несла меня вскачь по миру. И теперь стою на развилке не двух, а тысячи узеньких дорог – без единого указания на нужное направление. Стою и жду, что хотя бы одна из дорог выберет меня. Оставаясь наедине с такой задачей, сложнее не сделать выбор, а последовать по нему. Принять решение – не значит осуществить задуманное. Я говорю чушь?

– Нет, ты размышляешь вслух, а это всегда неплохо. Такое занятие успокаивает в какой-то степени. По поводу Алекса сложно что-либо точно сказать. Я не знаю его так, как знаю Зака. Но я знаю тебя, а ты заинтересована, и это не то, что было у тебя с Заком. В данном случае нет выдуманного образа, или пока нет. Здесь лишь ты и неизвестный странник, который деликатно стучится в твою дверь, позвякивая ключами в кармане. Хотя есть подозрение, что ключ этот не от той двери.

– Я уже растеряла все ключи, а замки к ним собственноручно утопила в Каспийском море. Мои двери давно не заперты. Просто в них некому стучаться, так как меня нет дома. Ты забыл: я всё ещё на развилке дорог, в ожидании знака извне? Кстати, Алекс звал меня на игру в карты в эти выходные. Не хочешь к нам присоединиться? Как раз и узнаешь его поближе.

– В карты? Он что, картёжник, твой новый знакомый?

– Нет, это особенная игра, без ставок. Можно сказать: интеллектуальная. Они играют картами Таро, доказывая силу своей карты другому участнику.

– А в чём смысл?

– Смысл в общении, в осознании самого себя, своего Я, своей жизни.

– Звучит заманчиво. Но выглядит необычно – ещё более странно, чем твой новый ухажёр. Надо же: тянет тебя на таких людей! А может, они стремятся к тебе?

– Это обоюдно. Как говорит Клара, я – сильнейший магнит для ненормальных и психопатов. Видимо, есть правда в её словах.

– Эгоистка твоя Клара. В любом случае я пойду с тобой. Не оставлять же тебя одну с безумными картёжниками.

– Что бы я без тебя делала, без Нани, без друзей...

– Ты бы продолжала жить, но уже окружая себя новыми людьми. Мы не вечны, и никто не вечен, Сана. Всему когда-то приходит конец, и нужно быть подготовленным.

– Что ты такое говоришь? Я потеряла Зака, стёрла историю своей любви толстым ластиком, да так, чтобы не осталось и следа. Это больно – терять...

– Самая безопасная болезнь на земле – любовь. От неё чахнут, сгорают, впадают в депрессию, но не умирают. От

этой болезни нет лекарств, но она поддаётся лечению. Было бы желание больного. Лучше переболеть любовью. Впрочем, тебе ли не знать.

– Знаю, всё знаю и принимаю. Я отпустила Закира, вручив ему напоследок толстую папку с воспоминаниями. Мне она больше не нужна. Но я не готова потерять тебя, или Нани, или даже Клару. Вы – часть меня, и это не вырезать, словно никчемный орган, как не пересадить новый взамен использованного старого. С людьми так не получается, понимаешь?

– Да, но ты должна быть готова.

– Так говоришь, будто готовишь меня к разлуке с тобой. Не пугай! В моей жизни и так полно страхов, которые частенько наведываются в гости к моему подсознанию с криками о свободе, намереваясь устроить бунт. А я так устала воевать, что порой готова сдаться им на милость. Милый мой человек, я не хочу никого терять, это слишком тяжело, даже учитывая факт скорейшего излечения. Да, с годами, я узнала, что нужно уметь расставаться с людьми, закрывать скучные книги и не смотреть плохое кино, но так этому реально и не научилась. Я прочитываю любую книгу до конца, досматриваю фильм, считая: кто-то потратил на это время, и нужно уважать чужой труд. Что касается людей, да, я расстаюсь и закрываю за ними дверь, но только потому, что они не оставили мне другого выбора. Если ты когда-нибудь меня оставишь, это будет твой выбор, потому что я подобного решения не приму.

– Марусь, вот уже много лет ты для меня – тот самый луч света в тёмном царстве, без которого жизнь моя давно перестала иметь смысл. Я живу в чужом городе, обитаю в чужих стенах, малюю холсты и дружу с солнечной девушкой.

Я – птица, залетевшая в тёплые края перезимовать; птица, которая так и не вернулась в родные края, так как её там никто не ждёт. Я – человек без определенного адреса и места жительства. Снимаю чужой дом, который так и не стал «моим». И единственное, что успокаивает, – то, что во всём мире в определённые часы светит солнце, но только у меня их два.

Остаток вечера мы пили чай, ели халву и играли в карты. Птица сказал: надо потренироваться. Хотя, по сути, мы просто убивали время, не имея особого желания продолжать и без того тяжёлый разговор.

Я вернулась домой только лишь для того, чтобы лечь спать. С завтрашнего дня нужно было занять себя работой, в кафе планировалось небольшое мероприятие. Птица наряду с другими художниками задумали мастер-класс для желающих. Необходимо было подготовиться и продумать сценарий мероприятия. Едва Мегги мирно устроилась на кухонном диване, а я переоделась ко сну, в дверь постучались. Единственный гость, который никогда не сообщал о своем приходе, была моя Нани, но той просто не было в городе, поэтому стук в дверь меня весьма удивил. Удивление не покинуло меня, когда в дверях появилась Клара, улыбаясь и сверкая белоснежной улыбкой.

– Спишь?

– Как видишь, не совсем.

– Прости, без приглашения, просто мне нужно было к тебе заглянуть.

– Нужно? – переспросила я, закрывая за Кларой дверь.

– Да, меня привез Ильгар, я хотела, чтобы он думал, я останусь сегодня с тобой.

– А ты останешься или как?

– Или как, – передразнила Клара и, плюхнувшись на диван, закурила.

– Я о чём-то не знаю, подруга?

– Санни, Санни, мне порой кажется, что мы с тобой живём в разных мирах. Я – в реальном мире, а ты – в придуманном. Мне нужно было кое с кем встретиться, а ты знаешь Ильгара – у него чутьё. Как ищейка, за мной увязался. Пришлось сказать, что останусь у тебя. Сослалась на твою вечную депрессию. Он сразу проглотил наживку – всем известен твой характер.

Клара залилась красивым, громким смехом, окончательно спугнув Мегги с дивана.

– И что теперь?

– Что значит «что теперь»? Ты спишь, Сана? Говорю же: с парнем познакомилась. Довольно известная личность в высших кругах. Познакомились в клубе, вот и пригласил встретиться. Санни, я знаю, ты осуждаешь. Но разве Ильгар мне верен, разве он предлагает мне фамильные драгоценности мамаши и часть наследства? Думаешь, я меркантильна? Да, а почему бы и нет? Скажи что-нибудь, не молчи, меня нервирует твоё молчание.

– Я не знаю, что сказать Клара. Кто я такая, чтобы тебя осуждать? У самой мешок с грязью за спиной, который тяжелеет от дождя и снега, крепнет под лучами солнца, и всё ему нипочём. Даже мои хрупкие плечи его не волнуют, прирос намертво. Ты – моя подруга. Кем бы ни был человек рядом с тобой, я приму и пойму. А если не сразу, то постараюсь – со временем. А иначе – зачем нужны друзья? Просто я сама запуталась в круговороте мирских бед. Мы ежедневно варим зелье, которое рано или поздно употребляем, сами того не осознавая. Даже, если оно предназначено для кого-то другого. Ты знаешь, я сегодня была у Птицы.

– А, этот неудачник!

– Он тоже от тебя не в восторге, но вы оба – мои друзья, следовательно, принимаю вас обоих, как есть. Он душевный, ты весёлая. В каждом из вас я черпаю недостающую деталь, подобно маленьким механизмам, которые привинчиваю к одному целому. Мы долго говорили сегодня о дружбе.

– Дружба непостоянна, Сана. Мы ищем выгоду для себя, даже ты, привинчивая недостающие в тебе детальки. Когда последняя деталь моего веселья будет вдета в твой общий механизм, ты сама от меня отойдёшь.

– Я не верю в это. Не хочу верить.

– А ты не верь, какой смысл забивать себе голову. Я живу сегодня, делая ставки на будущее. У меня по плану новый поклонник, новое украшение, хороший секс и отличное настроение. И даже ты, с кислым видом и мрачными думами не сможешь этого изменить. Кстати, что стало с тем красавчиком?

– Ты об Алексе? Мы провели ночь в отеле в Гусарах.

– Ты шутишь!!! Тихоня тихоней, а туда же! Сана, детка, сбрасывай мировую скорбь к себе в мешок и ложись спать. Я позвоню тебе на днях, и мы вкусно пообщаемся за обедом.

Клара крепко меня обняла и, облизнув губы для естественного блеска, пошла к двери.

– Хочешь дам куртку, прохладно?

– Нет, пусть у человека будет возможность меня согреть. Посмотри на мои ножки, классно?

– Что это?

– Новый крем для ног, создаёт впечатление мерцающих колготок. Ильгар стащил у матери, а та только и делает, что шастает по бутикам Милана и Парижа. До встречи, детка.

Клара ушла, а мой маленький дом долго ещё хранил аромат её духов и секретов.

АЛЕКС

За всё время пребывания в Стамбуле мне всего лишь раз удалось свидеться со стариком Илмасом. Он постарел, осунулся после очередного лечения, но держался неплохо. Мы выпили чаю, выкурили пару сигар и пребывали в полном молчании, откинувшись на мягкие, диванные подушки. Первым нарушил тишину Илмас:

– Ну, как дела?

– Неплохо, выпустили новую партию мебели. Она с сегодняшнего дня в продаже.

– Это хорошо, – Илмас медленно покачал коленом, покряхтел, покашливая и прочищая горло, – очень хорошо. Нужно ещё заняться делами. Надо тебе съездить с Кемал-беком в Измир, там есть незаконченные дела. Я уже не смогу. Я уже мало что смогу.

– Ладно. Но вы всё сможете, эфенди. Просто сейчас у вас слабость после процедур.

– Разве я не знаю? Знаю я всё. Они скрывают, шепчутся, а мне не нужно их слышать, чтобы понять, о чём они думают. Я ведь учил тебя, помнишь? Слушаешь вот отсюда, – произнёс он, превозмогая кашель, и постучал себя по груди. – Отсюда. Каждый раз, когда кто-то в комнату заходит, мне кажется: это она пришла за мной. Чувствую её приближение, но смерть хитра, играет со мной, как кошка с мышкой, испытывает, ждёт... Я её тоже жду, хочу встретиться – лицом к лицу.

– Ну, хватит, это плохие разговоры. Сами меня учили: не произносить вслух негативные мысли.

– Учил, учил, я тебя многому научил. Ты теперь и без меня справляешься. Не забудь с Кемал-беком съездить в Измир.

– Обязательно там побываю.

– Это хорошо. Ступай с Богом, сынок. А я отдохну.

Мне ничего не оставалось, как подчиниться. Я поцеловал ему руку, приложил ко лбу ладонь, и медленно вышел из комнаты.

– Искендер.

– Да, эфенди, – вернулся я, услышав его слабый, но всё ещё грозный голос.

– Подойди сюда.

Я подошёл. Сделав мне знак наклониться, Илмас поцеловал меня в лоб. Видимо, не хотел отпускать без благословения.

Спустя время я всё ещё ощущал на лбу сухость поцелуя старика, отчего хотелось промыть лицо, дабы снять с себя плёнку старости, беспомощности, бездействия. Я хорошо запомнил молодого Илмаса – сильного человека, правящего немалым бизнесом. Мой покровитель был авторитетом для многих, но кто он теперь? Поникший, беспомощный старикашка? Мне не хотелось, чтобы он прочёл это в моих глазах, хотя даже сейчас, потеряв физическую силу, Илмас сохранил былую сноровку и чутьё.

Провести старика было практически невозможно. Он также не желал видеть жалость в моих глазах, потому и закруглил и без того короткий разговор, предпочтя остаться наедине со своими мыслями. Размышления отогнать от себя было невозможно, это не удавалось даже такому старому волку, как Илмас.

У меня возникло желание вернуться в Баку раньше, чтобы увидеться с Саной. А ещё мне очень хотелось втянуть её в свою игру. Я поймал себя на мысли, что вдруг ощутил себя пауком, хитро плетущим свою серебристую сеть вокруг маленького, ночного мотылька. Это было сильнее меня –

желание обладать ею, и не только её телом, но и душой. Единственное, на что я не мог дать ответа, это на вопрос о том, что будет после того, как мотылёк окажется в моих сетях?

Стоило признать: я не научился выстраивать отношения и не способен любить так, чтобы отдавать себя целиком. Илмас, ставший мне отцом и проявивший ко мне внимание, а затем полюбивший меня, как своего сына, так и не смог привить мне определённые качества. Но этот человек дал мне многое. В мои юношеские годы он научил меня стрелять. Я долго и упорно брал уроки стрельбы, которые должны были развить меткость, силу и упорство. На определённой стадии моего воспитания Илмас решил привить мне мужественность, и стрельба стала неплохим средством.

Первый раз, сжимая в руках оружие, я ощутил, насколько сильно взмокла от моей потной ладони его поверхность. Даже не верилось, что смогу выстрелить в выставленную поблизости мишень. Потом в меня вселилась уверенность, что никогда не выстрелю в живое существо. Спустя годы я мог спокойно упредить агрессию со стороны своего противника, наставив дуло пистолета на такого человека. Однако судьба до сих пор была благосклонна, и мне никогда не приходилось пускать оружие в ход. Переменчивость судьбы меня почему-то не пугала. Во всяком случае, сильно не беспокоила.

Моя поездка затягивалась – не отпускали срочные дела в Измире. Но все просьбы Илмаса были для меня своего рода законом с того самого дня, как он начал меня опекать. Я знал, что всегда буду чувствовать себя должным ему. По сути, кроме Илмаса у меня никого не было. Это был единственный человек, к которому я испытывал чувство, схожее с тем, которое испытывают к родителям. Он не был мне отцом, но

сделал для меня гораздо больше, чем мог бы сделать для иных сыновей их родной отец.

Утром мы отправились в Измир, так как нужно было забрать то, что по праву принадлежало нам, вернее, Илмасу. В мире, в котором существовал мой покровитель, правили свои понятия – здесь не прощали ложь и порой жестоко расправлялись с предателями. Я успел насмотреться на разборки разного рода, но не видел ни одной с участием Илмаса. Появление самого Илмас-бека можно было сравнить с появлением старухи или старца с косой, который мог забрать самое драгоценное, что есть у человека, поэтому я так и не стал свидетелем вмешательства Илмаса. Да, видимо, никто и не хотел столкнуться с ним в подобных обстоятельствах.

Время летит незаметно, и моя встреча с тароками приблизилась на расстояние вытянутой руки. В последний момент Сана предупредила, что придёт со своим близким другом – обладателем интересного прозвища. Впрочем, друзья Саны носили не только необычные имена, но, вероятно, служили для неё источником вдохновения – немудрено, что эти люди были весьма занятными личностями.

Встреча обещала быть интересной. Дэвида привез Шаин, Самира доехала до салона красоты с водителем и, выйдя с другой стороны, пересела в такси, Сана приехала с другом Птицей на своем автомобиле. Я же приехал раньше всех, так как хотел встретить каждого в отдельности.

Дэвид был первым, так как Шаин всегда спешил чётко выполнить порученное ему дело, дабы подчеркнуть свою незаменимость. Шумный, большой, он сразу озарил помещение своей яркой личностью. Надо заметить: дом, в котором мы изредка собирались, был недостроен. В прошлом это была чья-то дача, затем всего лишь недвижимость, предложенная в

качестве подношения. Один хороший знакомый как-то предложил мне использовать это место в личных целях. Каких именно – мне на тот момент было неизвестно, но впоследствии предложение пригодилось. Более удобного и странного места для игры в карты не придумаешь. Хотя оно привлекало Самиру – она находила его удобным и достаточно таинственным. Остальные гости тоже отмечали некоторую долю мистики в ауре данного помещения.

Сана с Птицей приехали чуть позже Дэвида. Учитывая общительность Саны, я не беспокоился по поводу знакомства, да и она уже виделась с Дэвидом, с которым быстро познакомила Птицу. Вскоре они весело и живо что-то обсуждали уже втроём. Мне же не терпелось узнать реакцию Самиры, которая, как всегда, заставляла себя ждать.

Долгожданная особа появилась через полчаса, что было почти вовремя, так как я рассчитывал на минимум час. Она возникла из-за угла, видимо, оставив такси в нескольких десятках метров. Самира всегда заботилась, чтобы информация о перемещениях её яркой личности оставалась строго конфиденциальной.

«Только бы никто ничего не узнал и не передал моему мужу, не то всему придет конец», – твердила она каждый раз, когда мы виделись, хотя была не в силах отказаться от маленьких радостей, которые хоть на время отдаляли её от обыденного окружения.

Все были в сборе. Самира демонстративно подставила мне щеку для поцелуя, кивнула Дэвиду, критически оглядела Сану и даже не взглянула на Птицу. Я понимал, что она не чувствует себя достаточно комфортно. Сана ей не нравилась, учитывая женское самолюбие и небольшой укол ревности, а появление ещё одного человека, о котором она не была информирована, тем более разозлило Самиру.

Почему-то вся эта картина забавляла меня. Тем не менее, я улыбнулся Самире и предложил всем подняться на второй этаж, где располагалась большая гостиная. Третий этаж так и не достроили. Мы вошли в помещение без дверей и окон. Отверстия для окон были забиты досками и завешены плотной материей. В середине стоял большой стол с шестью стульями, обтянутыми зелёным сукном с позолотой. Посередине стола, покрытого бархатной скатертью, возвышался бронзовый канделябр, окруженный несколькими бокалами и парой графинов с напитками. Больше в помещении ничего не было. Впрочем, даже этот стол со стульями никак не вязался с тем, что планировало стать комнатой, может быть, даже гостиной, а возможно, и комнатой для гостей на втором этаже.

Сана не знала, что у каждого здесь своё место. Поэтому, дабы помочь ей и её другу, я посадил Самиру слева от себя, предложил Дэвиду место справа и указал Сане на место напротив. Птица, будто догадавшись, сел рядом с Дэвидом. Место рядом с Самирой всегда оставалось свободным. Лишь в прошлом, когда мы играли ещё в Стамбуле, стул рядом с Самирой занимал Илмас.

Пришло время для игры и вступительного слова:

– Дорогие гости! Понимаю, что играть роль хозяина в чужом доме как-то не совсем правильно, но выбирать не приходится. Правила игры не совсем понятны нашим новым участникам, поэтому начнём со старых, а там разберёмся. Нужно запомнить следующее: нельзя смотреть на все свои карты, следует вынимать по одной, какая карта выпала, о той и пойдёт речь. Таким образом, ни у кого не будет возможности выбирать из стопки более сильную карту. Каждый получает те карты, которые ему выпали. Начинаю и заканчиваю игру я. Начнем?

Мы долго играли. Кажется, несколько часов, почти не прерываясь. Несколько раундов – одну за одной – вытягивали карты, поначалу колеблясь, а потом всё живее и живее пытались доказать старшинство и силу своей карты. Все были увлечены, дискуссия оказалась на редкость живой. Дэвид смеялся так громко, что бокалы на столе позвякивали, будто побаивались этого непосредственного великана. Я хотел было поддаться Дэвиду и согласиться, что выпавшая ему карта «Сила» была сильнее моего «Отшельника», а потом передумал и, надавив на Дэвида сильнее, всё же отстоял, что «Отшельник» уже несет в себе необъятную силу, обрекая себя на тяжёлое существование. Тогда как карта, олицетворяющая силу, сама по себе никак не могла вмещать в себя выработанную волю и выдержку отшельника за годы жизни.

Меня поддержали, и подошла очередь Самиры, которая вытянула «Любовников». Нас затянуло в долгую полемику, и в итоге я согласился, что отшельник по своей сути отказывается от многого, в том числе и от неудержимой страсти, охватывающей двух влюбленных.

Птице досталась карта «Смерти». Он долго крутил её в руках, не решаясь начать отстаивать. Карта была «тяжёлой», и поэтому никто не вмешивался, дав ему возможность поразмыслить. Услышанное повергло многих из нас в шок.

– Смерть была редким гостем у нас дома, но от этого не менее метким. Моя мать умерла, унеся за собой всё, что у меня было.

Мне показалось, что Сана слегка пошевелила ладонью, захотев дотронуться до руки друга, но в какой-то момент передумала. Тем временем откровения из сундука молодого паренька продолжали с грохотом сыпаться на дощатый пол недостроенного этажа дачи:

– Мой отец ушёл от матери, когда я ещё был ребенком. Он застукал её с любовником. Ушёл и больше никогда не возвращался. Мать, по сути, даже не переживала. Страсть, захватившая её, была сильнее произошедшего разлада в семье. Правда, спустя непродолжительное время в её жизни появилось нечто сильнее страсти – это была болезнь, унесшая её от всего случившегося в место, где подобных ситуаций не бывает.

Самира молчала. Она отложила карту на середину стола, тем самым подтвердив своё поражение в этой битве. Какое-то время мы в тишине пили напитки. Затем я разрядил обстановку анекдотом, который рассказал, смешивая все три языка, отчего Дэвид пришёл в восторг и долго хохотал над непонятной ему шуткой. Когда Сана объяснила ему, что он не уловил сути, пояснив некоторые моменты, Дэвид принялся хохотать ещё громче, и его хохот заразил окружающих.

Сана замыкала наш круг, и выпавшая ей карта гласила: «Приговор». Какой исход у «Приговора» со «Смертью»? Все ждали: что скажет солнечная девушка?

– Я должна доказать, что приговор сильнее смерти. Ведь сама по себе смерть и есть приговор к ней. Но между ними есть и различия. Мне кажется, я смогу это объяснить. Несколько лет назад мне вынесли приговор – один из тех, которые валят с ног и не позволяют встать с постели. Суровый диагноз поставили квалифицированные врачи, имеющие опыт, но отнюдь не сострадание. Был вынесен вердикт врачей, леденящий кровь. Однако в нём волей судьбы не было обозначено место смерти. А она в какой-то момент решила: одного приговора мне достаточно, чтобы переосмыслить и в корне изменить свою жизнь. Хочу признаться: жить с приговором порой страшнее, чем просто умереть.

Сана замолчала, отпив пару глотков холодного чая. Я подумал: сегодняшняя игра удалась за счёт новичков, проявивших гораздо больше откровенности, чем мы, пригласившие их играть. В Сане и её друге было нечто такое, чего не было в нас: обезоруживающая откровенность и простота, присущая редким людям, ещё не потерявшим черты детства.

После небольшой паузы мы продолжили игру с большим энтузиазмом. Когда пришло время заканчивать, я предложил поужинать всем вместе. Самира отказалась, в чём я не сомневался – её ждала другая жизнь. Там не было группы странных игроков, не было ярких игральных карт, не было откровенного общения. Там господствовали фальшивые обязанности, которые Самира научилась мастерски выполнять.

Сана с её другом, Дэвид и я поехали ужинать. Улучив момент, когда Дэвид громко выражал своё восхищение Птице по отношению к его живописи, я наклонился к Сане и вполголоса спросил:

– Ты никогда не говорила, что с тобой было что-то подобное. Для меня это было ошеломляющей новостью.

– О чём ты? Я всё придумала в тот самый момент, когда нужно было отбить карту у Птицы.

Сана улыбнулась одной из тех улыбок, когда люди хотят заставить кого-то во что-то поверить. Я протянул ладонь и слегка сжал её коленку под столом. Она улыбнулась ещё раз и продолжила непринужденно есть. Я переместил руку выше и сжал её ногу чуть сильнее. Сана подняла на меня глаза и, улыбнувшись едва уловимой улыбкой, прошептала:

– Так или иначе, сейчас эта карта более не имеет силы над моей жизнью. Я везучая.

– Знаю, – улыбнулся я ей в ответ и, склонившись над её лицом, предложил на ушко, – проведи эту ночь со мной...

САНА

Вечер уже прикрыл город легкой вуалью, когда я решила выйти из дома и пройтись. Дома не сиделось, хотелось совершенно других ощущений. Я надела пуховик поверх пижамы, натянула сапоги и побежала к Птице:

– Выходи, давай пройдёмся.

– Марусь, что на тебя нашло? Поздно, да и холодновато.

– Ничего не холодно, вылезай, я хочу показать тебе город.

– А ничего, что я здесь живу уже который год?

– Ты можешь жить здесь хоть всю жизнь, но тебе никогда не увидеть город моими глазами, прочувствовать моим сердцем, ощутить его моей душой.

– Ясно, у тебя творческий прилив. Иду...

... Город уже успел сменить вуаль на паранджу. В окнах зажёгся свет, а мы медленно двигались вдоль узких улиц.

– Ты знаешь, что я сейчас чувствую?

– Нет, но ты обязательно об этом скажешь.

– Не смейся, чувства переполняют меня. Мы гуляем по городу моих предков. Знаешь, вот этот дом перед большими арками когда-то принадлежал моему деду. А чуть дальше жила моя бабка, их дом сгорел от пожара. Странно, что он до сих пор не восстановлен. Столько истории, столько судеб хранят в себе стены старого города. Мне порой хочется проникнуть в дома этих людей, узнать про их прошлое. В такие моменты человеческие оковы мне чужды, я хочу перемещаться в пространстве, чтобы очутиться в прошлом, заглянуть в дом моей бабки и послушать, о чём люди говорят. Мне так этого не хватает. Мне не хватает тех, кого с нами уже нет, наших предков, нашей истории.

– Я тебя в чём-то понимаю, хотя сам практически вырос в детском доме. Мать после развода с отцом долго не прожила, а отца я так и не нашёл. Временно поселился у бабки, а она старая была. В итоге меня привели в приют. Годы спустя меня забрала оттуда тётка, но как я потом понял, не просто так. Бабка-то, помирая, квартиру на меня записала. Вот тётка опекунство и оформила. Не случайно, выходит. Короче, те ещё родственнички. Вспоминать даже о ней не хочу, но порой от грустных мыслей никуда не деться. Лучше, как ты, грезить о прошлом бабушек и дедушек, которые тебя любили.

– Ты прав. Прости, не хотела бередить твои раны.

– Да ладно! Марусь, это не раны, а давно уже рубцы. Рассказывай дальше, интересно.

– Ты когда-нибудь замечал, когда проходил по улицам: нас окружают сравнительно новые двери, отремонтированные стены, но стоит заглянуть внутрь, зрение отметит детали далёкого прошлого. Например, старые винтовые лестницы, деревянные окна с обшарпанной краской. Что поразительно: старость не портит эти места – она их облагораживает. Подобно тому, как ты можешь встретить на улице старичка в шляпе, с тросточкой, или старушку в аккуратном пальто, с седыми волосами, собранными в аккуратную причёску. Они – люди из прошлого и их, увы, почти не осталось. Так же и эти дома – они потихоньку меняются, и я опасаюсь, что милые черты прошлого исчезнут в них навсегда.

– Навсегда не исчезнут, Марусь. Эта земля всё равно сохранит старые тайны.

– Да, земля моих предков хранит миллиарды тайн, включая мои. Потрогай эти камни! Они живые, в них течёт жизнь тех, кто здесь когда-то жил. За этими стенами плакали,

смеялись, любили, умирали. Сколько всего они могли бы сейчас рассказать. Мне кажется, я родилась не в то время. Моё место среди них.

– Среди кого?

– Тех, кто жил во времена моих бабушек и дедушек. Это было другое время.

– Более нравственное?

– Более искреннее, я полагаю.

– Искренность не присуща времени, Марусь. Во все времена были свои аферисты.

– Да, знаю, я не об этом. Люди были проще, а отношения были чище. Да, искренность не определяется временем, но, согласись, никто сейчас не снимает шляпу при приветствии?

– Потому что не носят шляп?

– Потому что не носят головы!

– Я тебя понимаю, не злись. Я ощущаю дух того времени. Баку всегда был необычным городом. Городом ветров и огней. Двух стихий, не совместимых друг с другом, но живущими бок о бок изо дня в день. Может, это и является одной из причин, почему наша страна всегда была своего рода лакомым кусочком для многих, норовивших что-то от неё отломать. И ведь оттяпали, оставив открытую рану. Может, я чересчур воинственна, но для меня боль страны – моя собственная боль. Она во мне проросла с корнями предков, которые боролись за свою родину. Так часто бывает в жизни. Отдавая, мы не всегда получаем взамен. Часто бывает наоборот – именно те, кому мы больше всего отдали, могут отнять у нас самое дорогое. Страшно, правда? Я так люблю этот город, эту страну. И эта любовь, словно любовь матери к ее единственному ребенку, такая безрассудная и всепоглощающая, умножается с каждым днём.

– Ты знаешь, в мире множество прекрасных мест, но именно Баку ассоциируется у меня с сундуком, полным тайн.

– Интересное сравнение.

– Да, особенно старый город, словно маленькая шкатулка, брошенная на дно большого сундука. Она хранит в себе самые главные, самые старые тайны. И если сундук и можно открыть, то ключа от шкатулки ни у кого нет, хотя бы потому, что на ней нет замка.

– А открывается она путем магического слова, которое никто не знает? Мне нравится ход твоих мыслей!

– Люблю тебя, Маруся, со всеми твоими тайнами.

– И я тебя с твоими. И если мои тайны можно узнать, то твои ты никогда не раскроешь! Хочешь почувствовать разницу?

– Хочу.

– Пошли.

Я увлекла Птицу в сторону выхода из старого города, и вскоре мы вышли за его пределы. Сказка оборвалась так же внезапно, как мы перестали говорить.

Птица без слов понял: жизнь за пределами старого города иная, и сколько бы ни было затрачено цемента и камня, прежний дух навсегда сохранится на этом небольшом кусочке земли. За его пределами витал иной дух; тот, что умело менял свой облик, стараясь идти в ногу со временем.

Мы вернулись домой, Птица галантно проводил меня до дверей.

– Марусь.

– А?

– Ты, конечно, извини, шляпу не ношу, но с удовольствием снимаю перед тобой шапку в знак благодарности и

прощания. Я так же, как и ты, люблю этот город. Спасибо, что позволила мне узнать его поближе.

– Это тебе спасибо.

– А мне за что?

– За то, что ты у меня есть!

... Утро встретило меня в Арт–Т, куда я явилась ещё до открытия. Вскоре после этого пришли работники, а вслед за ними Тима. Видимо, его также тяготила домашняя обстановка, хотя нет, его тяготила жизнь, а кафе служило своего рода перевалочным пунктом, вроде вокзала, куда приходили и уходили, не задерживаясь. Тиму подобный расклад устраивал, а меня нисколько не беспокоил. Мой добрый знакомый давно уже стал транзитным пассажиром в моём кафе, привлекая посетителей своим поразительным постоянством.

К одиннадцати утра, когда в кафе уже было немало желающих позавтракать, вбежала запыхавшаяся Нани и с разбега бросилась мне в объятья:

– Санни, мы вернулись!

– Ну, наконец-то, я очень по тебе скучала!

– Небось, с Кларой время проводила?

– Нет! Вот те крест!

Мы обе рассмеялись. Я очень соскучилась по дорогой подруге детства. Мы могли подолгу не видеться, но наша связь ощущалась на расстоянии. Нани ярко описывала свои европейские приключения, я, подперев ладонями лицо, слушала нежный, журчащий, как ручеек голос Нани, и сознание, напоминающее огромную птицу, жаждущую свободы уносило меня куда-то далеко за пределы родных границ. Пока я мысленно перелетала через страны и моря, кафе приняло ещё одного дорогого гостя. Это Клара своей

собственной персоной влетела, распрямила крылышки, огляделась и улыбнулась:

– Девоньки мои! – Клара обняла Нани и чмокнула меня в обе щёки. – Ну, как поживаете? Как съездила, красотка?

– Садись, послушай про Европу и взгляни на неё глазами Нани.

– Ах, я бы с радостью слетала в Европу. Правда, мне на днях предложили небольшую поездку в Штаты. Хочется пройтись по Манхеттену, а девоньки?

– Ильгар? – машинально поинтересовалась Нани.

– Нет, не он, – как-то скомкано ответила Клара, явно не желая продолжать эту тему.

– Но ты же не планируешь ему изменять?

– Нани, милочка, что такое, по-твоему, измена? Вот возьми своего Кямиля. Ты же ему прощаешь любовные похождения? А если бы ты не знала, то, тем более, не устраивала ему сцен. Вроде бы на моём безымянном пальчике не сверкает колечко в три карата, подаренное Ильгаром в честь помолвки.

– А тебя бы это остановило?

– Ладно, девочки, кто тут без греха, так это я, всю жизнь только и делающая ошибки. Всё в жизни относительно, включая измену, хотя я бы предпочла об этом не знать. Так намного легче жить, – попыталась я как-то разрядить накаляющуюся обстановку.

– А мне не легче, ведь едва заподозрив я только и думаю, что он может мне постоянно изменять, даже если утверждает обратное, – добавила Нани. – Я расскажу вам одну историю, которую услышала, будучи в поездке. Полёт был долгим, и женщина, сидящая рядом со мной, рассказала такой случай.

Некая особа однажды впервые изменила мужу. Сначала её долго мучила совесть. Но прошло время, и коль скоро он

ничего не узнал, супруга успокоилась. Спустя время она неожиданно находит себя в новой постели и снова мучается душевно. Шло время, и женщина почувствовала странное: она периодически ощущает своего рода потребность в очередной измене. Так шли месяцы, может годы, а её жизнь уже представляла собой нескончаемую полосу измен. Эти измены настолько стали частью ее жизни, что разрослись и заполонили всё её существование и в какой-то момент стали преобладать над небольшим сегментом её жизни, где ещё существовала её семья.

Потеряв ощущение реальности, в один злосчастный день эта женщина, придя домой, полагает, что пришла к очередному любовнику. Они с мужем проводят прекрасное время вместе, она ведёт себя подобно тигрице, чем приводит мужа в недоумение и восторг. Этот рассказ мог бы хорошо закончиться, если бы однажды после бурно проведённой ночи с собственным мужем эта женщина не ушла, будучи уверенной, что в постели с ней был её очередной любовник.

История, может, и вымышленная, но в ней скрыт глубокий смысл. После измены что-то в человеке ломается. Откалывается краешек тарелочки с голубой каемочкой, и когда-нибудь она обязательно треснет. Либо люди, обречённые есть из её потрескавшегося донышка, будут молча сносить этот дефект в ущерб себе...

... Я молчала, помешивая сахар в чашке с чаем. Клара взглянула на экран телефона, быстро отправила сообщение, и, медленно поднявшись, положила конец нашему мирно начавшемуся разговору:

– Нани, детка, жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на нелюбимого мужа или кучу неудавшихся любовников.

Твоя история вполне годится для романа Саны, но никак не для меня. Я никому не принадлежу, чтобы хранить верность. Моя жизнь – только моя, и я должна сделать все возможное, чтобы прожить её на «ура». Других вариантов я даже не рассматриваю. Не скучайте, девочки. Сана, детка, позвони мне.

Клара ушла, унеся за собой всю нашу утреннюю радость, а я лишний раз убедилась: общение девочек не всегда удается. В чём, как ни прискорбно, мне нужно и самой себе признаться.

Я подумала, что определённо хочу провести и сегодняшнюю ночь с Алексом. Он служил моим своеобразным личным аппаратом по избавлению от стресса, в чём я не хотела себе отказывать, даже если это попахивало эгоизмом Клары. Пусть так.

Нани ушла, а я осталась в круглых стенах своего кафе. Улыбаясь, я помогала официантам обслуживать столы, передавать заказы. Почтительно кивая головой, я приглашала посетителей в кафе, предлагая удобный столик возле окна или в глубине зала, возле диковинных карликовых деревьев.

Остановившись ненадолго возле бара, я задумалась. Появившись вроде бы не так давно в моей жизни, игра тарок, на первый взгляд не имевшая ничего общего с безумными карточными играми на деньги, потихоньку затягивала меня в свои таинственные сети. Мы всё чаще уединялись за игрой, где Дэвид привычно шумел, но сквозь его громкий голос можно было уловить вселенскую усталость человека, отчаявшегося найти свое собственное судно в жизненном странствии по неведомым морям. И этим судном никак не являлось то самое роковое событие, которое в своё время подытожило его карьеру, поставив тем самым жирную, нефтяную точку.

Великан Дэвид пытался в картах скрыть своё сожаление, но у него это плохо получалось. Казалось, его душевный настрой вот-вот должен был поменяться, но, видимо, нескольких месяцев или даже парочки лет для такой перемены было недостаточно.

Я поражалась тому, что каждому из нас выпадали подходящие карты. Словно играя на наших эмоциях, мы вытаскивали именно те карты, о которых было, что рассказать. В один из таких моментов я почувствовала, что в сердце холодной леди Самиры под несколькими замками кроется большая тайна, а может быть, не одна. Карты, выпадающие «по её душу», заставляли проговориться, хоть она и усиленно увиливала от раскрытия сокровенной сердцевины секрета.

После одной такой игры Птица спросил у меня:

– Марусь, как ты считаешь: у Самиры всё в порядке?

– С головой?

– С головой... не знаю. Если даже так, то и у нас не особенно хорошо, ведь мы занимаемся... непонятно чем.

– Шучу, ты прав. Я тоже заметила что-то неладное. Мне кажется, секрет кроется с Ильгаре, либо в отношениях Самиры с мужем.

– Если у них вообще есть отношения, – ответил тогда Птица, тем самым заставив нас обоих задуматься о её словах, сказанных при последней игре.

Правда, о своих догадках мы решили не говорить вслух при других игроках. Ведь, если судить по поговорке, у стен определённо есть уши. Алекс играл в Тарок с лёгкостью. Точно так же он и делился историями из своей жизни. Однако мне показалось: он в значительной степени пользуется своим умением ловко выходить из ситуации, а также

способностью красочно прятать суть меж складок своих чётко сплетённых речей.

Птице в последний раз досталась карта, говорящая о разрыве с ситуацией, своего рода облегчении. Но он проиграл свою карту, не сумев доказать, чем она сильнее предыдущей. Моя участь в игре оказалась ещё сложнее – мне выпала карта с изображением башни, с которой падали люди.

Дэвид решил пошутить, заметив:

– Похоже на любовников, сбегающих от жестокого мужа.

Алекс улыбнулся, а по моей коже пробежал холодок. Тела людей, бросающихся вниз с башни, показались мне весьма странными. Я видела эту картину потом много раз: горящая башня, и двое молодых, ярко одетых людей, которые падали вниз. Попыталась и не смогла увидеть связь со своей жизнью.

Была моя очередь говорить, а я молчала. Дэвид посмеивался, Самира не промолвила ни слова. Алекс пытливо смотрел на меня, а Птица поглаживал рядом лежащую чашку с недопитым чаем. Все ждали меня. Что сказать?

Я тогда вышла из положения, рассказав историю двух близнецов, что учились с нами в школе. Одного застрелили в период девяностых годов на улице, а другой, узнав о случившемся, тронулся умом. Почему-то решил, что он и есть погибший брат. Когда этот несчастный юноша проучился с горем пополам ещё год в нашей школе, родители всё-таки забрали его в школу на дому, так как состояние паранойи усиливалось с каждым днём.

Самое интересное, что я встретила его спустя много лет после окончания школы на нашей улице. Он переходил дорогу с авоськой в руке. Почти не изменился, лишь выражение лица было отрешённое – совсем не такое, каким я его

запомнила. Я тогда на радостях подошла и назвала его именем брата, так как помнила, что так он просил себя называть. К моему удивлению и даже к ужасу, он сдержанно улыбнулся и, извинившись, назвался своим собственным именем, позже добавив, что брата никогда не имел. Впрочем, меня он, кажется, узнал. Возможно, мне просто захотелось в это поверить.

Рассказав эту историю, я с облегчением отложила карту и победоносно посмотрела на окружающих...

– Не устала? – спросил Тима, когда я подошла к его столику.

– Нет вроде. Как ты?

– Да вот, живу пока.

– И правильно делаешь, Тимка, – сказала я, усаживаясь напротив него.

– Ты довольна жизнью, Сана?

– Ты берёшь у меня интервью?

– Нет, просто интересно за тобой наблюдать. Ты потеряла Зака, не просто перевернув страницу, а закрыв часть книги резким взмахом руки. Дружишь с абсолютно непохожими друг на друга людьми, тщетно пытаясь собрать их в одно целое. Управляешь заведением, на которое уходит почти всё твоё время. Тебе не надоело быть собой?

– Интересно ты говоришь. Да, иногда надоедает, но альтернативы-то нет. И второй меня тоже нет.

– Второй тебя нет, потому что ты ничего не пытаешься изменить в жизни. Тебя всё это устраивает, не так ли?

– В какой-то мере – да.

– А мне почему-то хочется что-то изменить. Может, это временное желание, и завтра утром оно исчезнет, будто и не появлялось.

– Это всегда так, Тим. Ты не один в своем желании что-то изменить, но от самих себя никуда не деться.

– Так и умрём?

– Наверняка, но тебе рановато об этом думать.

– Не хочешь поехать ко мне?

Я почему-то на секунду вообразила нас с Тимой вдвоем; представила, как мы потом будем жить дальше, строя песочные замки там, где в помине не было даже песка. Есть отношения заведомо обречённые, только потому, что никто из нас никогда не изменится, надеясь, что достаточно лишь перемены одного из партнёров и робко полагая, что именно так и будет.

– Нет, Тимка, я не готова изменить свою жизнь и без того запутанную. Ты где-то прав. Я, наверное, уже привыкла жить среди размотанных мотков пряжи, распутывая один конец в то время, когда второй запутывается ещё сильнее. В этом вся я.

– Я знал, что ты откажешься.

– А зачем тогда предлагал?

– Чёрт за язык дёрнул, – усмехнулся Тима. – Поеду я, Санни.

Я хотела было подставить щёку для поцелуя, а вместо этого прижалась к диванчику и натянуто улыбнулась. Всего лишь.

Если бы Аннушка не пролила масло, было бы иначе? И каково это – быть Аннушкой? Никогда не думала, что мне предстоит это узнать. Птица позвонил час спустя и попросил приехать.

– Тима в больнице, – тихонько сказал он, а мне захотелось провалиться сквозь землю.

Всего лишь час спустя все мы стояли во дворе больницы, в которую привезли нашего друга. Уже было известно, что иномарка Тимы врезалась в грузовик. Водителю грузовика повезло, а вот Тиме... Полиция оповестила, что водитель иномарки съехал со своей полосы, так как отвлёкся на звонок телефона.

Плакать не хотелось, но почему-то хотелось выть от скопившейся в душе боли. Почему роль Аннушки досталась именно мне, почему я с ней так успешно справилась? Потому что тебя устраивает сложившаяся ситуация; то, как всё есть на самом деле, – так сказал Тимка.

Сказал совсем недавно. Услышу ли я его ещё когда-нибудь? Раньше думала: если не Зак, то, наверное, Тима был моим типом мужчины. Был. Почему был? Хотелось стучать ногами об пол и кричать от бессилия, но я сохраняла спокойствие, то самое мнимое спокойствие, которое было со мной сегодня весь день. Я ведь даже не спросила, почему Тима предложил поехать к нему, по-быстрому сделав однозначный вывод. Даже не попыталась узнать, почему спустя столько лет дружбы Тима завел столь странный для нас обоих разговор? Я была другом, а оказалась всего лишь Аннушкой, выполняющей свою роль по сценарию Воланда.

Прижавшись к Птице, я ждала приговора, на этот раз для друга.

– Я – Аннушка, понимаешь? – прошептала я Птице.

– Ты – Сана, моя близкая подруга. Что бы ни случилось, я запрещаю тебе в чём-либо себя винить, слышишь?

Я не слышала – я видела, как маленький двор больницы сотрясал плач матери. Потом наступила тьма...

... Я не знаю, сколько времени прошло с того самого дня: может, день, может, месяц, а может, и год.

Со временем боль утихает, укладываясь спать на одну из полок в подсознании. Но каждое её пробуждение сравнимо с игрой в дартс, где стрела, пущенная меткой рукой в сердце, попадает в него с первой попытки.

Жизнь протекала своим чередом – только место в нашем кафе, где когда-то сидел Тима, было переоборудовано в уголок для маленького дерева и одинокой клетки с попугаем. Птица купил «говорящего», как ему сказали в зоомагазине, но по иронии судьбы попугай так и не заговорил, твердо храня молчание и наблюдая за окружающими зоркими глазами. Постепенно я привыкла к молчаливому, пёстрому обитателю кафе, признав, что он прав. Чем говорить лишнее, лучше не говорить ничего вообще. Мы переглядывались с ним, и в какие-то мгновения мне казалось: попугай всё знает и понимает.

Алекс был рядом, и я успела свыкнуться с мыслью: я более не одинока. Клара успела помириться с Ильгаром, и мы опять проводили время за обсуждением их личной жизни. Маленькая и улыбчивая Нани была рядом, и мы весело проводили время почти каждый день. Птица, наконец, устроил выставку современных художников.

Картин было множество. За неимением углов в нашем небольшом заведении мы ставили картины на мольберты, что придавало выставке особый колорит. Возле окна мы примостили новую картину Птицы – ангела с раненым крылом. Он был окружён тёмными фигурами неизвестного происхождения – наполовину людьми, наполовину зверями. Даже те, кто был на первый взгляд равнодушен к искусству, не мог пройти мимо огромного полотна и не отметить отчаяния, исходящего от картины.

– Почему ты написал это? – спросила я Птицу после выставки.

– Я это почувствовал, Маруся. Через тебя, через твою любовь к своей земле, через других людей. Я всего лишь передал то, что ощущаю с тех самых пор, как поселился в этом необыкновенном уголке земли... так чувствует каждый, кто... – тут Птица запнулся.

– Тебе удалось. Наверное, каждый из нас хоть раз в жизни почувствовал себя ангелом с полотна, а может, кто-то был и по ту сторону. Кто знает, ведь мы хотя бы изредка не лжём себе.

– А в основном мы, по-твоему, лжем?

– Думаю, да. Мы оправдываем себя, обеляя свои не всегда хорошие поступки, стараясь быть лучше в собственных глазах. Значит, правда ускользает куда-то вниз, под ноги, пока полностью не стирается под стоптанными подошвами.

– Может, ты и права.

– Может быть.

В дни выставки и других мероприятий, которые мы проводили, еле удавалось, как следует, принимать гостей в Арт-Т. Народу было много, и все они хотели внимания, как можно больше внимания. Друзья усердно помогали, а я ушла с головой в дела, в организацию мероприятий и в отношения с Алексом. Я редко оставалась одна, вернее, он практически не оставлял меня одну. Не об этом ли мечтает каждая женщина?

Воистину, фраза «век живи век учись» сполна себя оправдывает. Увидев когда-то необычную акцию в ресторанчике на одной из улиц за пределами родины, я решила воспроизвести подобное у себя в кафе. Расчистив несколько столиков посередине, мы поставили два кресла, которые

соприкасались боками, позволяя увидеть собеседника только при наклоне вперёд. К каждому из кресел примыкала тумбочка с необычной лампой и стопкой книг. Книги можно было брать со стеллажей в самом кафе. Их приносили как мы сами, так и постоянные клиенты. Этакий обмен прочитанной литературой. Цель кресел, установленных посередине нашего заведения, была в том, что те, кому хотелось почитать и отдохнуть, могли пообщаться с совершенно незнакомым человеком. На английском это так и называлось: «conversation chair».

Наш проект имел большой успех – посредством двух темно-зелёных кресел люди, по-видимому, давно желающие познакомиться друг с другом, но не решающиеся это сделать по каким-то причинам, наконец-то, обрели реальный повод. Каждый день я наблюдала за тем, как кресла занимали и освобождали незнакомые мне люди. Знакомые тоже были, но реже. Порой кто-то ворчал в адрес посетителей, которые задерживались в креслах и ограничивали возможности общаться для других.

– Ты устроила брачное агентство у себя в кафе, крошка? – поинтересовалась Клара, в очередной раз наблюдая за происходящим.

– Нет, коралловая моя, целью был обмен мнениями и непринуждённое знакомство людей.

– В этом ты тоже преуспела. Но скоро тебе придётся привести штатного, брачного регистратора, или как их там называют – чтобы под венец, не отходя от кассы.

– Клара, если бы люди так быстро женились!

– Да, ты права. Некоторые никак на это не решатся.

– Ты вернулась к Ильгару?

– Куда я без него? Все дороги ведут в Рим.

– Что ж, я рада, может, он и есть тот самый мужчина, за которым – куда угодно?

– Ну, насчёт «куда угодно»... не знаю, хотя под венец не отказалась бы. Как твой Алекс? Вы вместе?

– Отчасти. Особенно, когда он здесь, а не в отъезде. Часто бывает по делам в Стамбуле. Там болеет старик, который его вырастил.

– Ты с ним знакома?

– Не совсем. По рассказам Алекса, этот старик весьма интересная личность, но что-то в нём есть такое, зловещее что ли.

– Зловещее?

– Я неверно выразилась, что-то отталкивающее. Я так поняла: он слишком много повидал и слишком много знает. Есть такие люди, в памяти которых хранится многое, не только хорошее. Они – хранители тайн, многие из которых уйдут с ними в могилу. В общем, сложный такой тип. Но Алекса любит, как родного. Он заменил ему отца.

– Значит, в завещании не забудет.

– Клара!

– Ну что? Вот бы мамаша Ильгара завещала нам свои сбережения.

– Не говори глупости! Она молодая, рано ей завещание писать.

– Ты-то откуда знаешь?

– Я виделась с ней как то. Прости, не говорила тебе, по сути, ничего особенного, просто она знакома с Алексом. Она, конечно же, не поняла, что ты – моя лучшая подруга.

– И ты мне только сейчас это говоришь? Не ожидала.

– А о чём надо было рассказать? Мы случайно столкнулись. В ресторане.

– Ну-ну, в ресторане.

– Не обижайся, я же люблю тебя. Ты – моя подруга, и я искренне хочу твоего счастья. А мама Ильгара женщина неплохая, слегка избалована, осторожна. Как впрочем, и все матери наших парней. Хорош дуться!

– Ладно, прощаю. Но попробуй ещё раз что-то от меня скрыть. Убью!

Клара ушла, а я ещё долго думала над нашим разговором. Я не могла сказать, что мать Ильгара играет со мной и Алексом в карты. Клара бы использовала это против их семьи, и пошло-поехало. Оставалось надеяться, что про мимолетную встречу она не расскажет Ильгару, и тот не будет копать под собственную мать. То что Самира – мать Ильгара, я поняла сразу, увидев внешнее сходство и сделав выводы по ее немногочисленным фразам, а потом как-то вскользь спросила у Алекса про её семью. Он ответил в двух словах, но мне этого было достаточно.

Кресла продолжали пользоваться популярностью ещё какое-то время. Перед тем, как их убрать и вернуть столики на прежнее место под конец рабочего дня в кафе, я в усталости присела на одно из кресел, прикрыв на какое-то мгновение глаза.

– Мне тоже часто хочется что-то изменить. То, что пошло не тем путем, не той дорожкой.

Чей-то хриплый голос заставил меня вздрогнуть, но я не решилась посмотреть на своего собеседника. Тем временем он продолжил:

– У времени свои правила и свои собственные планы на твою жизнь. Остаётся продолжать, не задумываясь о том, что не сделано.

– Сделанное не изменить, это точно. Хотя, может, это то, что вбивают нам в головы с детства. И мы следуем по жизни, таща за собой установленные принципы. Мы ведь и живём по чьим-то указаниям, по каким-то правилам, по принципам жизни, придуманными не нами.

– Тоже вариант, один из тех, которые по большей части находятся на страницах пыльных дневников. Это в лучшем случае. В худшем варианте – они так и остаются на страницах подсознания.

– Я стараюсь, – произнесла я и подумала, почему это я отчитываюсь перед незнакомцем.

Потянувшись, я, наконец, наклонилась вперёд, дабы разглядеть владельца приятного голоса, но, к своему удивлению, рядом со мной никого не оказалось. Схожу с ума? Услышав шаги, я обернулась и встретилась взглядом с Алексом.

– Поедем?

– Да...

– Ко мне.

– Хорошо.

Я подошла к Алексу вплотную и спрятала лицо у него на груди. Не важно, принадлежал ли тот самый голос ему или кому-то другому. Если я не могу изменить прошлое, то попытаюсь повлиять на настоящее. А оно было рядом с человеком, который вопреки всем окружающим стрессам продолжал меня волновать точно так же, как в самый первый день нашего знакомства...

... Существуют ночи, которые хочется продлить как можно дольше. Нет, не на вечность, так как иначе не взойдёт солнце, и мир не будет казаться радужным и дружелюбным. Но всё-таки есть ночи, которые не должны быть короткими, ведь каждая минута в них так желанна.

Ароматы кажутся острее, ярче. Нотки ванили, муската и чего-то острого попадают в ноздри, проникая глубоко под кожу. Вкусы обостряются. Сладковато-солёный вкус кожи манит. Его хочется почувствовать кончиком языка. Едва коснувшись губами бархатистой поверхности кожи, возникает потребность одновременно почувствовать её вкус и аромат. Руки, переплетаясь, образуют диковинные формы.

В темноте, при лёгком мерцании свечей, кажется: два тела, переплетаясь друг с другом, танцуют только им известный танец. Танец ночной любви. Танец страсти. Дыхание сливается воедино, образовывая поток чувств, переходящих от одного к другому. Тихий шёпот, еле видимые улыбки, сжимающиеся пальцы рук и ног, блеск на изгибах влажных тел. Всё это было во власти ночи, под её покровительством.

Каждая такая ночь была подарком для нас с Алексом. Мы засыпали перед рассветом, мысленно поблагодарив судьбу и в надежде на следующую ночь – вместе.

Жизнь в городе огней шла своим чередом. Игра в карты всё больше увлекала нас в свои эмоциональные сети. Я успела проникнуться симпатией к властолюбивой Самире и шумному Дэвиду. Мы, наконец, научились играть по всем правилам, и Алекс приобщил нас к другому, более закрученному варианту игры. Наши беседы и споры простирались далеко за пределы не достроенного дачного дома, они взымались ввысь и вскоре растворялись в небесах, дабы не быть услышанными ни единой живой душой.

Наша пятёрка хранила молчание обо всем услышанном. Для этого не нужно было клятв или обещаний – достаточно было стать одним из тароков. Мы наслаждались игрой и приоткрывали завесу в собственное хранилище секретов, не

выпуская их наружу, но деликатно делясь ими, тем самым испытывая необыкновенный трепет и своего рода душевное удовлетворение. Это было схоже с тем чувством, когда говорить о чём-то нельзя, но очень хочется, и это становится возможным на какое-то мгновение, пусть даже не представив истинную сущность своей тайны, а тщательно её завуалировав.

Каждая раскрытая карта была лишь символом, лишь проводником в прошлое, в тот самый архив, где полки давно покрылись толстым слоем пыли, а ленточки на дневниках пожелтели от давности. Он был у каждого из нас.

Слушая миловидный голос Самиры, я понимала, что за её горделивой осанкой скрывается уставшая и сгорбившаяся женщина, придавленная отягощающими её проблемами и вечными секретами, которые приходится хранить и тщательно перекладывать с полки на полку, дабы никто не нашёл. Работа весьма муторная и не самая лёгкая.

Шумный великан Дэвид, легко справляющийся с изящной тростью, прятал за ней свою скорбь. Сквозь его широкую улыбку пробивалась напряжённая гримаса грусти и отчаяния. Искренне надеясь, что он нашёл себя в отдалённом уголке земли, в глубине его души он осознавал беспомощность ситуации. Я как-то подумала, что Дэвид и Самира больше подошли бы друг другу, чем своим собственным супругам. Нелюбовь к бывшей жене Дэвид не скрывал, тогда как Самира о муже даже не заговаривала, тем не менее, её отношение к нему, да и вообще создавшаяся ситуация говорила сама за себя. К чему ещё молодой женщине проводить время с непонятными и незнакомыми ей людьми за безумной игрой в карты. Факты были налицо.

Птица ничего не говорил о наших поездках в дачный домик, но и не протестовал против этого. Я как-то решилась

спросить, что он думает. Однако он, как обычно, отмахнулся от меня лёгким ответом: «Марусь, люблю тебя». На чём мы и остановились. И больше к обсуждению этой темы я не возвращалась, решив для себя: он в принципе не против игры.

Как-то я вспомнила: говорят, вся информация о нас где-то и кем-то зафиксирована. И мне вдруг захотелось найти эти записи и как следует перечитать. Нет, не изменить и не стереть. Рукописи, как известно, не горят. Просто перечитать, чтобы между строк понять, в чём, собственно, смысл, и где спрятан тот ключ, с помощью которого можно разгадать сложнейший ребус моей судьбы и общей истории...

... Мы сидели на веранде нового ресторана с Кларой както и наслаждались коктейлями.

– Жизнь хороша, Санни, детка.

– Да, что есть – то есть. Как хорошо вот так сидеть и наслаждаться ничегонеделанием. Кстати, мы с Алексом планируем поехать в Стамбул. У него бизнес, а я просто прогуляюсь, да и дела кое-какие тоже сделаю.

– Кое-какие. Секреты, секреты. Хватит секретничать, Саннита, детка. А мой дурак никуда меня не везёт. Мамаша, видно, деньги далеко прячет, а может, заодно и его паспорт, боится – вдруг он на мне женится.

– А что, он подаёт к этому признаки?

– Жизни? Ха-ха-ха. Ну, как сказать, вроде бы вполне здоров и упитан.

– Зачем он тебе, Клара?

– Не знаю. Люблю, наверное. Много лет уже вместе. Я ни с кем так долго не встречалась, как с ним. Что-то есть в нём такое, детское, наивное. Изменяю ему, лгу, а он принимает. Может, верит, не знаю. Но я всегда убеждена, что могу к нему

вернуться, понимаешь? Это манит и в то же время раздражает. Порой хочется разорвать эту нить, но жаль потраченного времени и чувств. А, чёрт с ним. Давай не заморачиваться сегодня, хочу лёгкости. Ты слышала, что его мамаша собирается открыть салон на крыше высотки. Салон красоты – на крыше! Как тебе это нравится?

– Ты же решила о них не говорить?

– Ах, да! Видишь, вечно они у меня на языке, эта семейка.

– Вижу. А салон на крыше – это весьма прикольно. Видимо, использовать они его будут только летом?

– Думаю, не только. Там оборудован навес, и есть частично крыша – получается, как терраса. А половина салона – на открытом воздухе. Летом открыто, а зимой, видимо, прикроют эту часть. Не знаю деталей. Ильгар рассказал о её новом проекте. Она эту штуку где-то увидела и решила перенять.

– Похвально. Ничего не скажешь.

– Да, детка. Жаль, ты уедешь. Нани меня не слишком привлекает своими нотациями, а Птица так и норовит упорхнуть от меня, когда видит. Так что от них ждать нечего. Может, уговорю маменькиного сынка поехать в Гусары. Отельчик ничего себе, хоть там развлечёмся. Можно было друзей позвать, оторваться.

– Клара, каких друзей? Недоумков из ночного клуба?

– А хоть их, не всё ли равно. Скучно мне, Санни, хоть на луну вой.

– Поезжай со мной в Стамбул? Я оплачу твою поездку. Погуляем по магазинам, ты же любишь.

– Люблю, но ехать с вами мне неловко. Это как подглядывать за поведением двух любовников со стороны. Нет, уж лучше с недоумками – с ними хотя бы о жизни не думаешь.

– Ну, смотри, у тебя есть ещё время подумать. Ты – моя дорогая подруга, Клара.

– А ты моя. Только у тебя друзей много, а ты у меня одна.

Мы провели с Кларой почти весь день вместе, переходя из одного кафе в другое, перекусывая и попивая коктейли. После мне всегда казалось, что в тот самый день я в последний раз видела Клару такой, какой я всегда её помнила и знала. Веселая, яркая, безумно красивая и по-своему очень дорогая мне личность. Несмотря на всё. Несмотря на то, что она когда-то украла у Карла кораллы, ведь, по сути, и он ей отомстил, украв у нее кларнет...

... Мы с Алексом так и улетели в Стамбул без Клары. Даже моё предложение оплатить ей билет не прельстило её коралловую душу. И я подумала: часто жизнь начинает диктовать нам свои правила, тихо хихикая над нашими тщетными стараниями что-либо изменить. Нет, я, естественно, верю, что в наших человеческих силах сокрыто куда больше, чем мы познаём в течение всей своей жизни, но это не меняет тех ситуаций, в которых мы оказываемся совершенно беспомощными, брошенными на произвол собственных желаний и потребностей. И вот именно с этим сложно что-либо поделать, если вообще возможно.

Неделя в Стамбуле пролетела, как сон. Хороший сон. Я вернулась, оставив Алекса охранять душу старика Илмаса, которая так и норовила вырваться и упорхнуть, подобно маленькому, но весьма крепкому камешку, брошенному с размаху в воды Босфора. Наше знакомство с покровителем Алекса так и не состоялось, видимо, он не пожелал принимать гостей в подобном состоянии. Клара с Ильгаром вроде бы вернулись с бурной поездки в деревню Гусары и даже успели разругаться.

Нани переживала за Кямиля – он устроился на новую работу и даже вроде пожелал остепениться. Птица ушёл в себя, вернее, к себе в каморку писать новые картины, что не являлось чем-то необычным. Я получала сообщения от Алекса, который уведомлял о стабильном состоянии Илмаса. Всё было по-прежнему, а ведь отсутствие плохих новостей – это уже хорошее событие, не так ли? Видимо, не всегда в жизни бывает именно так.

В городе по календарю должна была наступить весна, но погода стояла холодная и морозная. Ураганный ветер сшибал с ног, требуя немедленного поклонения его величеству Холоду. Изредка проливные ливни составляли ветру неплохую компанию, и они вместе глумились над только что пришедшей весной, видимо, сводили с ней старые счёты.

Птица, временно покинувший подполье, развешивал в кафе свои новые полотна. Будучи без рамок, они смотрелись как-то незащищенно, но я не рискнула ему об этом сказать. Может, это и было его нынешнее состояние.

Зазвонил мой телефон. Это был Ильгар. Подобный звонок не удивил меня. Парни моих подруг часто искали их именно у меня, видимо, втайне желая, чтобы они оказались здесь, а не где-то в другом месте.

– Сана, Клару не видела?

– Нет, сегодня нет. Кстати, привет.

– Да, привет. Ладно, извини. Увидишь, скажи: пусть срочно нам перезвонит.

– Кому вам?

Ильгар отсоединился, а я ещё какое-то время в оцепенении смотрела на телефон.

– Кто звонил? – крикнул Птица, стоявший в нескольких метрах от меня.

– Ильгар. Клару ищет. Ты чего кричишь?

– Ой, сам не знаю, вырвалось. А ты что такая отключенная сидишь?

– Да голос Ильгара был такой странный. Взволнованный.

– Побазарили.

– Да, наверное, просто какое-то чувство странное у меня зародилось.

– Да, брось, не бери в голову ненужные мысли! И не давай волю своим страшилкам.

Я с удовольствием последовала бы дружескому совету, если бы не решила позвонить Кларе, чей аппарат был простонапросто отключен. Казалось бы, а что в этом такого? Ничего, просто Клара никогда, ни при каких условиях, не отключала телефон. Она могла не поднимать, не отвечать, но ни в коем случае не отключала мобильник. Ей не хотелось ощущать себя оторванной от мира. Кто угодно мог выключить свой телефон, только не Клара.

На душе было тихо, словно мысли и чувства устроили перекур и сели передохнуть. Только у погоды, видимо, были свои собственные причины злиться. Ветер бушевал, обрывая ветки деревьев, поднимая мусор с улиц, толкая и сбивая с ног. А все вокруг уже ждали весну, а многие люди даже сбросили с себя зимнюю одежду. Этакий молчаливый протест холодной погоде. И всё-таки она не блефовала, эта Погода. Знала, с чем нам придётся скоро столкнуться и всячески пыталась предупредить нас о предстоящем. Впрочем, мы были не настолько близки к природе, поэтому не услышали её предупреждений...

Что можно ожидать от полуночного звонка? Что угодно! Безусловно, это так. Звонил Алекс, чему я удивилась не меньше. Он в такой час никогда не звонил, наверно, полагая, что я сплю.

– Привет, Санни. Знаю, спишь. Извини, но мне нужно срочно поговорить.

– Что-то с Илмасом?

– Нет, на этот раз я звоню по поводу Ильгара.

– Какого Ильгара?

– Ухажёра твоей Клары. Сына Самиры. Ты не в курсе последних событий?

– Не совсем. Он звонил пару дней назад, искал Клару, видимо, была у них очередная стычка.

– Я так и подумал, что ты не в курсе.

– Я ничего никому не говорила про его мать. Честно.

– Знаю, милая. Дело совсем не в этом. Мне сегодня звонила Самира, чуть ли не билась в истерике, сказала, что Ильгара пытаются оклеветать и засадить за решётку.

– За решётку? За что?

– Ты что-нибудь об этом знаешь? Судя по твоему удивленному голосу, нет.

– Понятия не имею. А в чём дело? Что он натворил?

– Деталей не знаю, а по телефону обсуждать не хочу. Самира в ужасе, просит меня о помощи. Клара была с ним в Гусарах недавно, как раз в период твоего пребывания в Стамбуле. Они оставались в отеле у Дэвида. Как я понимаю, в одну из ночей там кого-то убили.

– Убили?

– Дэвид мне пока ничего не сообщал. Но жду, что вскоре последует звонок и от него. Я не могу приехать в Баку, Сана. Здесь есть дела, которые требуют моего личного присутствия. Я считаю, что ничего не произойдёт, если ты сама поговоришь с Самирой. Она поймёт. Найди эту чертовку Клару, она может что-то знать. Да и Ильгару понадобится её

поддержка, учитывая, что только она сможет засвидетельствовать его непричастность к убийству. Самира что-то сказала по этому поводу, кажется, она собирается просить об этом Клару. Если бы я был в Баку, то всё бы уладил. Отсюда намного сложнее. Ты меня слушаешь?

– Да...

– Найди Клару, Ильгару понадобится алиби. Дэвида я попробую прикрыть. Успокой Самиру, а я постараюсь приехать, как можно скорее.

– Хорошо.

Память перенесла меня в другой день. Мы встретились в одном из центровых ресторанов города. Место выбирала Самира. Встречаться у меня в кафе не было хорошей идеей.

– Ты понимаешь, Сана, я зачастую оглядываюсь назад и не вижу там себя. Не узнаю. Настолько нынешняя я отличаюсь от той, которую я знала давным-давно. Жизнь меняет нас и порой до неузнаваемости. Хотя, нет, не всех. Есть некоторые особы, сохраняющие неизменность характера на всю жизнь. Я же, словно рыба, скрывающаяся от хищников своим необычным окрасом, который чем-то похож на масть охотника за добычей. Это для того, чтобы не выдать себя, не раскрыть. Сколько помню себя, всегда что-то от кого-то скрывала. Может, за это Бог и наказывает. Не знаю.

Самира замолчала и закурила. Я сидела тихо, не зная, что сказать. Видя, что я молчу, она продолжила:

– Жизнь страшная. Она, даже если что-то и даёт, то рано или поздно всё отбирает. Даже саму себя. Иронично, правда? Я знаю, ты устала меня слушать, старую идиотку. Я сама себе надоела. Всё всегда держать в себе невыносимо, это тоже своего рода приговор. Я никогда не любила своего мужа,

вышла замуж, потому что сказали: так было нужно. И с детства искала во всём выгоду. Вот и жила с нелюбимым человеком. Ты знаешь, не так то это и сложно, если на тебе украшения стоимостью в двухкомнатную квартиру и регулярный шоппинг в Милане или Париже. Кто говорит, что деньги не греют, нагло врут или просто их не имеют.

– Все мои колечки и браслеты успешно грели мои пальцы и запястья, – продолжила моя подруга. – Я – женщина, и этим все сказано. Дочери всё-таки в меня не пошли. При всех возможностях у них нет лоска, как и у тёток с отцовской стороны. Нет породы, понимаешь, как в Ильгаре. Он – мой сын, моя копия. И, кстати, чем-то похож на своего отца. На родного отца. Не удивляйся, да, я еле закрываю шкаф, переполняющийся от огромного количества вываливающихся скелетов в нём. А что делать? У всех женщин, заметь, именно женщин с большой буквы, а не каких-то там простушек-бабёнок, есть тайны. А иначе эта женщина не представляет никакого интереса для окружающих. Люди, как мухи, они слетаются на то дерьмо, которое мы в себе прячем. Ты уж прости за такую откровенность. Накопилось. А ты из правильных. И дело не в том, что всё по жизни делаешь, как надо – просто ценности у тебя завышенные к самой себе. Ты не из тех, которые с лёгкостью предают, потому что не сможешь с этим жить. А может, и сможешь, только мне настолько всё надоело, что стало безразлично.

Самира закурила ещё одну сигарету и подозвала официанта, попросив третий бокал вина. Я понимала, что ей сейчас нужны три вещи: сигареты, вино и я, за неимением кого-либо другого, быть может, даже Алекса. Ведь именно с ним Самира могла быть самой собой.

Я не помню, сколько мы просидели с ней в тот день, но время тянулось, видимо, потому что у меня было тяжело на душе. Я не могла найти Клару, не могла утешить Самиру, не могла ни с кем из друзей поделиться и попросить совета. По сути, я ничего не могла. Только слушать.

– Ты знаешь, Сана, я сижу сейчас с тобой и чувствую, что на время отключилась от всего происходящего. От своей повседневной жизни, от проблем, дум, от случившегося с сыном. Алекс был прав, ты умиротворяюще действуешь. Я так устала. Я не хочу возвращаться домой, не хочу выслушивать раздражённого и не менее напуганного мужа, который замучает меня по поводу обвинения, выдвинутого Ильгару. Я боюсь задуматься об этом. Муж, конечно же, за свою шкуру трясётся. Я порой задумываюсь, а любит ли он кого-нибудь, кроме работы. Мы поженились по настоянию родственников и родителей. Детей он никогда не хотел, просто считал, что они должны быть. К Ильгару, как к сыну, никогда не испытывал истинных отцовских чувств. Осознание неродной крови сказывается, видимо, где-то на уровне подсознания. Правды он не знает, но любви не чувствует. Я тоже хороша, никогда особо не любила дочерей. Страшная мать, не правда ли?

Самира как-то горько усмехнулась и, откинувшись на диванчик, медленно опустошала бокал с вином. Она слегка покачивала ногой в элегантной обуви. Я подумала, что она в свои сорок с лишним выглядит весьма привлекательно. Годы обошлись с ней весьма дружелюбно, почти не коснувшись своим крылом её лица. Лишь в глазах мелькали тусклые огни старого города, уставшего скрывать свои тайны под покровом земли. При других обстоятельствах я, быть может, нашла бы в ней друга, собеседника, а сейчас я внушала ей двоякие

чувства, будучи с одной стороны подругой Алекса, а с другой – подругой Клары. Поэтому я и предпочитала больше слушать, нежели побудить её на ненужные для меня вопросы своим активным участием в разговоре.

– Хочешь ещё бокал вина? Я, пожалуй, попрошу, надо расслабиться. Вот уже неделю живу в диком напряжении. Ильгар из дома не выходит, эти сволочи держат его под домашним арестом. Мы использовали все возможные средства, чтобы его не арестовали. Скорей бы это кончилось. Я тебе скажу так: будь мне сейчас лет двадцать, я не вышла бы замуж. Имея деньги моей семьи, я бы уехала из страны и строила жизнь подальше от родины, от предрассудков, от родителей, которые ведь ничего, по сути, мне не дали. Я ведь росла в богатой семье, они могли горы свернуть, мир мне показать. Да, переспала я с братцем, не с родным же, в конце концов. Замуж выдавали, боясь, что откажусь, либо что-нибудь выкину. А мне смешно было со стороны на всё это смотреть. Жалкие. Все жалкие. Мать пришла ко мне в комнату перед свадьбой. Не смотря мне в глаза, пыталась что-то объяснить.

– Я тогда ей сказала, чтоб расслабилась, мол, разберусь сама. И разобралась. Не знаю, понял он, что не девственницей ему досталась или нет, но ни словом не обмолвился. Спали мы редко, он на работе пропадал тогда. Всё хотел власти, лишней звёздочки на погонах, а я наслаждалась жизнью. Родители мне не были более помехой, муж не контролировал, я была предоставлена сама себе. Вот от излишней свободы и скуки я почти в первые дни замужества завела себе любовника. А меня с ним застукал мой троюродный братец, тот самый, представляешь. Насильно затолкал к себе в машину, задал взбучку и, как ты понимаешь, вспомнил

былые чувства. Я и сама не прочь была поддаться волне прошлого, тем более, он всегда мне очень нравился. Спустя несколько месяцев я поняла, что забеременела, только не от мужа. Тот со мной просто не спал. Кстати, причины я не знаю до сих пор. Терялась в догадках, что мне делать, а тут ещё мать засекла меня. Токсикоз был сильный, по утрам тошнило, а она частенько к нам захаживала. Пришлось признаться...

– Я не ожидала от матери такого поведения. Если честно, она меня в ту пору удивила, подробно объяснив, что и как нужно сделать. В тот вечер я сама отдалась мужу, что он воспринял хорошо, учитывая мои ухищрения. И спустя несколько месяцев, будто бы семимесячным родила Ильгара. Никто ничего не узнал, а я хранила свою тайну столько лет. И сейчас моему сыночку грозит опасность. Я чувствую себя такой беспомощной, такой слабой, Сана. Мы так ничтожны перед реальными проблемами. Загрузила я тебя, да и наговорила лишнего. Вызову водителя, поедем по домам. Это ведь скоро закончится, правда?

Самира коснулась моей ладони и, крепко сжав её, сразу отпустила. Я же не смогла ответить на её жест – не успела. Лишь посмотрела ей в глаза, надеясь, что она воспримет это как подтверждение того, что я её услышала и поняла.

И почти в тот же момент почувствовала: мне, как никогда раньше, вдруг захотелось, чтобы рядом был Алекс.

Приехав домой и зайдя в квартиру, я выглянула в окно. Мне почему-то показалось: на противоположной стороне улицы, возле лавки с сувенирами стоит человек. В темноте было сложно разобрать его лицо, но он напоминал Зака. Я поспешила укрыться за шторой. Обязанность батюшки, который принимает исповедующихся, я на сегодня исчерпала

и пополнять их количество мне вовсе не хотелось. За неимением Алекса мне хотелось одного – спать...

... Жизнь – интересная штука. Пролетает так, что еле за ней поспеваешь, а, догоняя, не одну пару обуви истопчешь. Мы зачастую подгоняем её искусственно, желая узнать, что там дальше, а каждую ночь пытаемся продлить. И мечтаем, чтобы утро не так скоро накрыло город белым крылом, дабы жизнь не становилась короче ещё на один день.

Сегодня утром стало известно, что Ильгара заключили под стражу и, несмотря на связи родных, отвезли в следственный изолятор за несколько дней до суда. Кто-то сверху явно хотел насолить его папаше, если ставил подобные препоны, не дав возможности выплатить залог. По городу поползли слухи. Мол, недалеко от новомодного отеля, недавно построенного в Гусарах, нашли мёртвое тело девушки-официантки. Она была наспех закопана рядом с одним из коттеджей.

Все улики свидетельствовали о вине Ильгара, и я никак не могла понять, почему. Я подумала о Дэвиде: где же он сейчас, если полиция оцепила всю территорию. Вся эта ситуация могла плохо сказаться и на нём. Причастен ли он ко всей этой истории, я не знала. Я без толку пыталась дозвониться до Алекса, а затем до Клары и, бросив это неблагодарное дело с двадцатой попытки, села на полу возле Мегги, которая вертелась и мурлыкала, по-кошачьи выводя меня из стресса.

Птица, проходя мимо, заглянул в окошко моей кухни и застал меня в той же позе с тем же отрешённым взглядом. Пришлось открыть ему дверь.

– Марусь, что с тобой?

– Ты слышал про Гусары?

– Да, в новостях было. Хотел с тобой об этом поговорить. Ты ведь что-то знаешь?

– Да...

– Я так и думал... Я, как и ты, не верю, что Ильгар мог кого-то убить, тем более, девушку, тем более, на отдыхе. Да и зачем ему это? Ты говорила с Алексом?

– Не отвечает. Видно, занят. Он обещал приехать поскорее.

– Ясно.

– А вот мне ничего не ясно. Я хочу поехать туда и всё выяснить.

– С ума сошла, там полиция, и тебя загребут под шумок.

– Не тронут. Не могу я так. Как сидеть дома, когда людям, которых я знаю, плохо.

– Я поеду с тобой, Марусь, только толку не будет. Клару надо найти.

– Как? Нет её нигде, даже дома, я заглядывала... Слушай, тот парень, на кладбище, он может помочь!

– Какой парень? С какого кладбища?

– Шаин! Вечно там ошивается, что-то вроде местного муллы, короче Алекс часто его услугами пользовался. Поехали!

– В Гусары?

– Да нет же, на кладбище.

Птице ничего не оставалось, как последовать за мной, даже учитывая всю нелепость моих планов. Шаина на кладбище мы не обнаружили, но нам сказали, что он был утром и обещал появиться позже. Мы решили подождать на могиле моей бабушки. Тишина завораживала и успокаивала. Шелест листьев напоминал чей-то ласковый шёпот. Может, это мёртвые пришли понаблюдать за нами, живыми, мечущимися в погоне за неизвестным. Насколько глупыми мы казались им,

насколько смешными в своих проявлениях, в своих попытках что-то изменить. Лепестки бледно-розовых роз рассыпались по поверхности могильной плиты, укрывая холодный мрамор своим нежным одеялом. Мёртвые обитали в гармонии с окружающей природой. Немыслимо!

– Ассаламу алейкум, сестра!

Мы с Птицей вздрогнули от громкого голоса Шаина. Стоило бы обрадоваться, что он нашёлся, но я уже не была рада выйти от создавшейся атмосферы спокойствия, царившего в невидимых стенах вечного блаженства.

– Шаин, мы тебя искали.

– Сам Всевышний направил меня к вам, – улыбаясь, выдал торжественную фразу Шаин, отчего мы с Птицей лишь переглянулись, не в силах что-либо на это ответить.

Уходя с кладбища, я обернулась, и мне показалось, что кто-то выглянул из-за могильного камня, подняв ладонь в знак прощания. Я не верила в призраков, но если они и существовали, то явно пытались нам что-то сказать.

Дорога в Гусары тянулась жевательной резинкой, одной из тех, что уже надоело жевать, а выбросить некуда. Вот и играешься, надувая шарики и растягивая легко поддающуюся субстанцию во все стороны.

Птица сидел впереди рядом с Шаином, который недавно приобрел «Мерседес» не самой последней марки. Хотя для священника местного пошиба совсем не хило. На одни отпевания и молитвы усопшим такую машину не приобретёшь, тут явно подсобили алексоподобные.

Я расположилась на заднем сидении, прислонившись к запыленному окну. Шелковой парчой мелькала зелёная листва старых деревьев. Я вспомнила Нани, наши с ней

путешествия по миру после окончания университета. Европа манила нас древней историей, таинственными уголками, о которых много пишут, но никто до конца не уверен в подлинности приведённых фактов.

Будучи ещё совсем незрелыми девчонками, мы как то забрели в отдаленный уголок Чехии под названием Кутна Хора. Экскурсия предполагала поход в костницу и подземелье шахтеров, добывающих в старину серебро. Туда мы первым делом и направились. Объект экскурсии располагался на глубине тридцать пять метров под землей, и путь туда можно было сравнить со спуском в преисподнюю, где, может быть, блуждали души тех, кто не смог найти дорогу на небо, застряв в узких лабиринтах шахты.

Мы спустились, но не дошли до конца, хотя, быть может, там и не было конца страданиям. Нани настояла, чтобы мы ушли и поднялись наверх, к свету. Я подумала: порой наверху нас тоже окружает темнота, просто воспринимаем мы её иначе, а здесь, внизу, среди погребённых заживо шахтеров мы находились в эпицентре жестокой реальности, которая существует и в наши дни, всего лишь облачённая в иные одежды.

Костница, или замок из человеческих костей, был ещё одним шоком для Нани, которую бросало в дрожь при виде иссохших лакированных черепов, некогда принадлежавших таким, как мы. Во мне не было страха и не было отвращения. Это странное место, будто насильно, заставляло меня окунуться в прошлое, чтобы увидеть в черепах реальные лица из тех далёких лет. Впадины глаз заполнялись глазами разных оттенков, носы приобретали разные формы: маленькие, длинные, с горбинками. Чуть потрескавшиеся губы приобре-

тали розоватый оттенок. Все эти головы грустно глядели на меня, как будто бы каждая хотела рассказать свою историю. Казалось, проведи я здесь чуть больше времени, и мне понадобится ручка с листом бумаги, где я буду записывать услышанное из пустых уст окружающих меня костей. Нани не разделяла моего повышенного интереса и желала поскорее уйти.

– Ты только подумай, мы могли бы провести это время в Праге, погулять по магазинам.

– Могли бы, но тогда мы не увидели бы всё это.

– Да и Бог с ним, не много бы потеряли.

– Не знаю, посмотри на вон того, какой тебе кажется, у него был нос?

– Сана, какой нос, я не хочу это себе представлять. Давай уйдем?

– Давай.

– Нос. Да какой бы ни был, сейчас у него уже ничего нет.

– Когда-то и у нас не будет. Думаешь, они, будучи здесь, предпочли бы лежать в земле или хотели быть увиденными спустя столетия?

– Мне кажется, им уже всё равно.

– Мы никогда об этом не узнаем, не так ли?

– Может, когда-нибудь. Однако боюсь, что поделиться впечатлениями уже не получится.

Мы вышли на площадку, залитую ярким солнцем. Мне очень захотелось обнять любимую подругу, что я и сделала. Не знаю, почему я вспомнила этот эпизод из прошлой жизни, видимо, случившееся напомнило мне узкий лабиринт подземелья и погребенные кости. Мы находились в безвыходном положении, а бездыханное тело мертвой девушки уже вряд ли

когда-либо расскажет нам подлинную историю случившегося в темную ночь.

Резкая остановка вернула меня обратно в родные края. Шаин съехал на обочину, поравнявшись с иномаркой. Я пыталась разглядеть людей, сидящих в соседней машине, высунувшись из окна. Шаин вернулся к нам и как-то робко предложил пересесть к Насиру, который, оказывается, был за рулем другой иномарки.

– Зачем, Шаин?

– Сана ханым, обстановка нехорошая, в отель ехать нельзя.

– Как нельзя?

– Вот так, нельзя ехать. Полиция там.

– А Дэвид?

– Он в соседней машине, у Насира, сейчас ко мне пересядет. Будем думать, что делать. Его тоже ищут. Всё очень серьезно, сестра.

– Хорошо, я только две минуты поговорю с ним, а потом езжайте.

Я пересела в новую машину Насира, оказавшись бок о бок с Дэвидом. Я уловила, что он был взволнован, но старался держать себя в руках и не показывать вида. Я также отметила для себя, что Дэвид выглядел постаревшим, и его тихий голос никак не вязался с обликом того англичанина, с которым меня познакомил Алекс.

– Как дела?

– Да так, Санни, как видишь. Столько всего произошло за последнее время. Немыслимо, и я даже начал верить в судьбу.

– Как это?

– Жизнь частенько протягивает нам свои бесценные дары на раскрытой ладони. Но она в любой момент может

сжать свой кулак и уйти прочь. Вот так – легко и просто. И нет никакой возможности догнать её и спросить: «Зачем?»

– Понимаю... Дэвид, я не знаю, куда вы с Шаином можете поехать? И Алекса нет, чтобы помочь.

– Я говорил с ним. Что-нибудь придумаем. Не в первый раз я оказываюсь в машине со странным водителем, в этом мне везёт, – усмехнулся он, едва обнажив белые зубы.

– Кто убил ту девушку?

Дэвид внимательно посмотрел на меня и взял за руку. В тот же момент дверь открылась, и в проёме появилась голова Шаина:

– Сана ханым, нам пора, мало ли что... полиция может объявиться, потом много проблем будет.

– Да, да, езжайте.

Я сжала ладонь Дэвида в ответ, и он вышел, чтобы пересесть к Шаину. В горле застрял неприятный комок с привкусом горечи, которая не уходит бесследно.

Мы вернулись в город ни с чем. Да, я увидела Дэвида, но так и не узнала, что же всё-таки произошло. На небе сгустились тучи, предвещая грозу, либо что-то зловещее и неприятное. Тёмный контур облаков напоминал мне фигуры из карт. Те самые, которые мы, улыбаясь от нервного напряжения, вынимали из общей колоды. И сколько бы мы ни играли, казалось: нет предела тайнам, скрытым между картой и державшей её ладонью. Словно пальцы одной руки, мы дополняли друг друга, а может, и были в какой-то мере связаны.

Я как-то поделилась с Птицей, что Клара бы не справилась и, вероятно, покинула бы игру, едва к ней приступив. Она не любила говорить о себе. Казалось, я знаю о ней всё, хотя на самом деле мне было известно лишь то, о чём сама

Клара решила поделиться. Обычно это была общая информация ни о чём.

С неба полил дождь, сначала слегка касаясь волос и одежды, он впитывался в сухой асфальт. Усиливаясь, дождь бил в лицо, проникал в обувь, создавая ощущение холода и грусти. Словно песочные часы, пересыпающие песчинки в один конец, капельки-горемыки дождя попадали на землю, не надеясь на возвращение.

Часть дороги домой мы с Птицей прошли пешком и под дождём, причём, в полном молчании. Слишком много было мыслей, чтобы определиться, какими из них поделиться в первую очередь. Я думала заговорить первой, но почему-то рот не слушался меня. Когда мы достигли дома, единственное, на что меня хватило, это подставить щеку для поцелуя. Нет, я не была обижена, но нечто отягощающее нависло над нами. Я знала, что Птица не разделяет моей паники и, может быть, ему даже безразлична судьба Ильгара и его матери, нашей общей подруги Клары и потерянного англичанина. Не потому, что он был хладнокровен, и его не волновала жизнь других – просто он был слишком разборчив в своих отношениях. Даже общаясь с моими друзьями, Птица мог спокойно обходиться без них. Я видела это, но предпочитала не замечать.

«Он в этот город приехал ради тебя», – как-то сказала Нани. «Слушай, он – перелётная птица: сегодня здесь, завтра там. Такой странник нигде не бросит якорь. В один прекрасный день упорхнёт, не хватишься», – подхватила Клара, и эта фраза заставила меня нахмуриться.

На следующий день я поехала в новый салон красоты, открытый на крыше одного из небоскрёбов. Как я и предполагала, Самира была там.

– Здравствуй, Сана, проходи сразу ко мне в кабинет. Потом покажу весь салон.

Надо сказать, кабинет Самиры, как и весь салон, по-видимому, был олицетворением моды и новейших технологий. Мебель в светло-лиловых оттенках, нежные коврики лимонного цвета, новейшая аппаратура, – это все, что я успела разглядеть, пока шла по направлению к кабинету.

– Чаю хочешь? – не услышав ответа, она нажала невидимую кнопку в столе и попросила принести чай.

– Весьма необычно, – высказала я свой неподдельный восторг.

– Нравится? На днях тихонько открыли. Хотела сделать пышную презентацию, да куда там. Сын в таком месте! Твари, не отпускают. Говорят: девяносто шесть часов имеем право держать до суда. Пришлось без музыки, без приглашения vip-публики и журналистов. Как на похоронах. Тьфу, что за глупости я говорю! Совсем с ума схожу.

– Понимаю.

– Нет, не понимаешь. Я – жена влиятельного человека, мать троих детей, вынуждена глупо улыбаться в ответ на вопрос: «А где твой Ильгар?» Что отвечать? Что моего сына держат в следственном изоляторе среди преступников и бандитов, так как обвиняют в убийстве какой-то официантки?

– Что-нибудь конкретно известно?

– Конечно, нет! Надеюсь, сыночка моего освободят. А ещё дело в том, что он никогда не знал себе истинную цену, а крутился с людьми низкого сословия. Типа твоей подружки.

Самира закурила, как раз в тот момент, когда в комнату вошла миленькая девушка в лиловом платье с чайным прибором, который, как ни удивительно, был жёлтого цвета.

– У вас всё тут под цвет, – заметила я, желая сменить тон разговора, так как мне не слишком приятно было слышать гадости в адрес Клары.

– Да, дизайнеров я заказала из Италии. Сказали, это новый стиль. Два вроде бы разных цвета, но они дополняют друг друга, а третий их скрепляет воедино. Обрати внимание: вся аппаратура и некоторые атрибуты мебели белого цвета.

– Ясно. Скажите, а вам не удалось найти Клару?

– Ну, почему же не удалось. Да я особо и не старалась. Это ведь обязанности адвоката, а мы наняли самого сильного.

– И что? Я пыталась дозвониться до неё, но безрезультатно.

Самира не ответила и в задумчивости курила, а мне пришла в голову мысль: лучше бы я вообще молчала. Мне нравилась эта сильная женщина, но в ней было слишком много пафоса, который давно уже не соответствовал облику той девочки, которая обольстила своего троюродного братца и в наказание проводила время в деревне. Годы изменили её, а может, по-другому она и не могла поступать. Ведь жизнь диктует свои правила, и часто это происходит вопреки твоему желанию.

Отпив кофе, Самира посмотрела на меня. Усмехнувшись, произнесла:

– Это я выбирала кулон для тебя.

– Мальчик, делающий «колесо»?

– Да.

– Зачем?

– Алекс попросил. Мужики порой беспомощны. Особенно, когда влюблены.

– Но почему именно этот?

– У меня был такой же. Когда-то давным-давно один человек, влюблённый в меня, приобрел для меня такой кулон – «на счастье». А может, он увидел в нём себя – разглядел мальчика, делающего «колесо» и спасающего страну от бедствия, как в легенде.

– Ты свой сохранила?

– Нет, потеряла в очередной поездке, а может, горничная из номера украла, кто знает. Вот, видишь, и удача от меня отвернулась. Бог наказывает, я ведь так и не сказала ему, что родила от него сына. Всё боялась потерять мужа, лишиться его поддержки.

– А где он сейчас, отец Ильгара? Разве поздно сказать ему об этом? Не думаю, что он захочет помешать вам спустя столько лет.

– Не захочет. По иронии судьбы он превратился в мальчика на колесе. Паралич. Сидит в инвалидном кресле и, как мне кажется, уже мало что понимает.

– Страшно.

– Да, весьма. О чём я хотела тебе рассказать? Да, я ведь столкнулась с твоей Кларой, даже поговорила. Предложила ей весьма не мало – только за её слова в поддержку Ильгара.

– Предложила что?

– Да так, сглупила я, если честно, прямо на улице протянула ей своё кольцо. Сказала, что дам больше, только бы за сына заступилась.

– А Клара что?

– Сказала, мне вашего не надо, а врать я не собираюсь.

– Почему врать?

– Да потому, что замуж она за него хочет, а просто камешками откупиться от неё сложно. Ненасытная! Всё ей подавай, фамилию захотелось поменять.

Я отпила чай и поперхнулась. Сложно было пить чай из жёлтой чашки нежного фарфора, на дне которой малюсенькие чаинки образовывали между собой узел. Мне не терпелось найти Клару и поговорить с ней. Да и общение с Самирой стало весьма напрягать.

– Я, пожалуй, пойду, мне нужно ещё проведать, как дела в кафе.

– Да, иди. Заходи почаще, здесь всё-таки просторнее, чем у тебя в кафетерии.

– Да, вы ведь намного выше находитесь, чем мы. До встречи.

Равнодушие, как мне казалось, было уделом людей, живущих очень хорошо, либо очень плохо. В обоих случаях жизнь приписывала статус лёгкого безразличия к определённым вещам. В случае с малоимущими это делалось для того, чтобы не сойти с ума от количества имеющихся проблем, в другом варианте – чтобы не загружать себя проблемами первой категории граждан.

Я выбрала долгую дорогу домой. Бредя по аллеям бульвара, пыталась разглядеть ответы на свои мысли в хаотичном покачивании ветвей деревьев. Порой их безвременные ответы лишь подтверждали мои доводы и опасения. Желая отнести это на явления природы, я продолжала задавать один и тот же вопрос, пока не получала желаемый ответ, даже, если осознавала его нереальность. Как-то в детстве мы с Нани гадали на компактном сборнике стихов Пушкина. Почему именно Пушкина, никто не знал и этим вопросом не задавался.

Мы сидели на плоской крыше школы. Зажав потрепанный томик ножницами портного, задавали свои девичьи вопросы, адресованные, как нам хотелось, духу Пушкина.

Нани сердечно уверяла меня, что не шевелилась, и Пушкин, вернее, его дух с нами действительно общался. Мне хотелось ей верить, хотя я весьма подозрительно относилась как к самому духу, так и к его ответам, которых, увы, никто из нас уже и не помнит. Единственное, что наиболее запомнилось, это наше нежелание мириться с определенными ответами духа из книги, поэтому мы замучивали его до такой степени, чтобы некто устал и просто поддакивал двум безумным девчушкам в белых фартуках и лакированных босоножках.

До дома я так и не дошла, автоматически завернув в Арт-Т, где, к моему великому удивлению, меня встретила Клара. Она сидела за одним из столиков с каким-то мужчиной в сером костюме. Не желая им мешать, я бросила на неё удивленный взгляд и примостилась возле клетки с попугаем.

Спустя полчаса Клара попрощалась с человеком в сером и, подойдя ко мне, присела на соседнее кресло.

– Ну, привет, Саннита.

– Привет, коралловая моя.

– Как поживаешь?

– Как видишь.

– Вижу.

Разговор со старой подругой не клеился. Я не знала, что ей сказать, а она, видимо, корила меня за что-то ей одной ведомое. Фатя принесла нам мятный чай с мёдом. Это был один из любимых напитков Клары. Я частенько делала его нам перед сном, в тот период, когда Клара оставалась у меня ночевать. Мы брали большие чашки в постель и, отпивая по глотку, обсуждали очередные победы и поражения на любовном фронте. Вот и сейчас Клара отхлебнула глоток душистого чаю и заговорила.

– А она мне откупные предлагала, чтобы сыночка я её спасла! Я послала эту женщину ко всем чертям, а потом пошла в парк, села на скамейку и заревела. В полиции долго допрашивали в последнее время, вот я и не выходила на связь. Невмоготу было.

– Но ты ведь знала, что я тебя ищу. Не только я.

– Знала, но не тот момент был.

– Тебе ведь не всё равно?

– Ты хочешь, чтобы я призналась в том, что люблю себя больше всех? Это так, я ставлю свои интересы выше интересов других. А кто из нас этого не делает? Просто все почему-то выставляют себя на поприще святых, одна я падшая. Но я не особо обижаюсь, привыкла. Каждый свою ношу несёт. Я – свою, Ильгар – свою... Я знаю, о чём ты хочешь меня спросить, Санни. Этот вопрос вертится у тебя в голове с того момента, как ты меня увидела. А может, задолго до этого, не знаю. Вполне допускаю – нет ответа на твой вопрос. Я уже несколько раз рассказывала следователям, что произошло, и особого желания пересказывать нет. Но я также знаю, что это интересует тебя даже больше, чем судьба, уготовленная Ильгару. В конце концов, даже если и дадут ему несколько годков, вскоре отец его откупит у нищей семьи официантки. И вполне вероятно, что у них не будет никаких претензий, так как им поднимать ртов этак пять. Всё на самом деле так просто, Санни, а мы мельтешим, что-то выясняем и что-то пытаемся изменить. Глупые мы люди.

– Ты права, мне интересно знать, кто убил бедную девушку, но мне также важно то, что станет с Ильгаром. Ведь мы всегда дружно общались в общей компании, и он один из нас.

– Он не один из нас. Он – сын своей матери, той, что пыталась всучить мне дорогущее кольцо, лишь бы я солгала. Ей всё равно, что сделал её сын. Главное, насколько пострадает репутация семьи.

– Ты её не знаешь, Клара. Да, она страдает по поводу репутации и потому то, «что скажет княгиня Марья Алексеевна» имеет для неё огромную роль, но это объяснимо. Вдобавок ко всему пойми – это её единственный сын!

– У неё ещё две дочери, которые мало её заботят. Ты думаешь, Ильгар мало мне о ней рассказывал?

– Я считала, Ильгар любит мать. Не знаю, Клара, я боюсь кого-либо судить и лишь выражаю собственное мнение. Я волновалась за тебя не меньше.

– Это не так, Санни. Ты, скорее, была под влиянием Алекса, его подруги Самиры и всячески пыталась помочь Ильгару. А так как все дороги ведут в Рим, то есть в данном случае ко мне, ты направила все свои усилия на мои поиски.

– Которые не увенчались успехом.

– Я же здесь.

– Нет, тебя здесь нет. Здесь та, которую я никогда не знала.

– Знала, но, как всегда, предпочитала некоторые детали не замечать. Таков твой характер, Саннита. Ты видишь людей такими, какими их себе рисуешь, причём, краски заимствуешь у своего пернатого дружка. Санни, да ты сидишь тут рядом со мной и не посылаешь на все четыре стороны только потому, что тебя снедает любопытство. Во всей этой истории тебя интересует только одно – кто убийца.

Я позвала Фатю и попросила забрать пустые чашки с подлокотников кресел.

– Ты права, я не знаю, кто убийца, и мне, как и любому другому человеку, хотелось бы знать это. Но это не являлось

и не является моей целью тебя найти и разговорить. Мне жаль, что тебе так показалось.

– Мне тоже жаль, что всё именно так, как есть. Жаль, что нельзя закрыть глаза и вернуться в прошлое, либо просто повернуть стрелки назад одним ловким движением руки. Я бы тогда приняла твое предложение поехать с вами в Стамбул, и не было бы того отеля и той злополучной ночи.

– Но она была.

– Да, была. Я не знаю, кто это сделал, Санни. Я также не уверена, что это сделал не он.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что и говорю. Нас было много, а номеров не хватало. Весёлый дядька, по виду иностранец, но говорящий на местном языке, пытался нас разместить, хотя мы и забронировали номера заранее. Ну, как обычно, много ели, пили, шумели и по установленной процедуре мы с Ильгаром переругались. Что-то ему не понравилось, я выдвинула свои доводы, дело коснулось и его мамаши, короче, он на меня замахнулся. И я сказала, что ночь он может провести, с кем угодно, а я с ним оставаться не намерена. Недолго думая, в гневе я набрала номер одного знакомого и попросила за мной приехать. До этого немного погуляла, затем присоединилась к общей компании, они завалились пить на веранде одного из номеров. Ильгар мне названивал, посылал сообщения, а я их игнорировала. В общем, к трём часам ночи за мной приехали. Я, не попрощавшись ни с кем, уехала обратно в город. Везение – штука хорошая и очень важная в наше время. На обратном пути мой знакомый превысил скорость, и нас остановили полицейские, так что даже они смогли позднее подтвердить, что видели меня по дороге в город.

– Да, я часто задумываюсь над фактом везения. Откуда оно появляется и куда исчезает, непонятно. Не проследишь.

– Это точно. О том, что произошло, я узнала намного позже, так как через день почти вся честная компания вернулась в город, включая Ильгара, а тело нашли только два дня спустя. Ильгара замели из-за наличия определенных улик, найденных на месте преступления.

– А что он говорит?

– Я его не видела. Меня несколько раз вызывали и допрашивали, так же, как и других ребят. Но все были в таком состоянии, что вряд ли помнят о случившемся.

– А что, если он не виноват?

– А что ты предлагаешь? Сказать, что я была с ним, учитывая, что уехала оттуда в районе четырех утра?

– Нет, конечно же, нет.

– Это и предлагала его мамаша – в обмен на колечко.

– Я не верю, что Ильгар мог кого-то убить.

– Я тоже не хочу в это верить. А вот и твой крылатый ангел-хранитель явился.

Птица появился в дверях и, увидев Клару, чуть приподнял бровь. Я знала, что он удивлён не меньше моего – просто не подаёт виду.

Клара, не желая долго пребывать в присутствии Птицы, решила попрощаться:

– Я пойду, задержалась.

– Ладно, не пропадай.

– Я... вот ещё... зачем заходила, – начала она и замялась, – попрощаться хотела, Санни. Уезжаю.

– Куда?

– В Америку.

– Гулять? Надолго?

– Не знаю, вроде у следствия ко мне претензий нет. Поступило предложение – отвлечься от мрачных мыслей.

– А ничего, что Ильгар за решёткой?

– А ничего, что я ему ничего не должна?

Мне не хотелось продолжать этот бессмысленный разговор. Поднявшись с кресла, я подошла и порывисто обняла Клару. Она замешкалась, а затем так же крепко обняла меня в ответ:

– Я тебя люблю, Санни, детка.

– Мне будет тебя не хватать.

Клара ушла, а я ещё долго смотрела ей вслед не в силах поверить, что скоро её не будет в городе. Я понимала: подобное прощание означает весьма долгосрочную поездку.

Птица сидел возле окна, не решаясь нарушить молчание.

– Ты думаешь, она вернётся? – спросила я Птицу.

– Все когда-то возвращаются. Только не всегда их ждут назад.

– Почему-то у меня тревожное состояние. На душе кошки скребут.

– Это может быть обманчиво, ведь у тебя не было никаких предчувствий, когда с Тимой произошла трагедия.

– Не было. Ты знаешь, это был первый раз, когда мы коснулись этой темы. Раньше я старалась её не трогать, как фигурку, вылепленную из песка, которая при одном дуновении норовит рассыпаться.

– Не стоит страшиться своих мыслей или слов, Маруся.

– Знаю, но порой боюсь. Мои слова зачастую действуют, как острое и колющее оружие.

– Слова имеют особенность ранить, ты права. Но тебе не нужно их бояться, ведь ты всегда можешь направить их в другое русло. Пошли домой, Марусь, поздно уже для кафе, да и для мыслей тоже.

АЛЕКС

Дела не заканчивались, сказывалось моё долгое отсутствие. Илмас был совсем в плохом состоянии, и я никак не мог уехать, хотя все мысли сейчас находились в Баку.

Находясь далеко от происходящих событий, я не мог на них толком повлиять. Единственное, что мне удалось, это договориться с Шаином, чтобы он спрятал Дэвида от полиции на какое-то время – до тех пор, пока мы не придумаем, что с ним делать дальше. О возвращении в Гусарский отель не было и речи. Спустя пару дней, когда я позвонил Шаину, дабы удостовериться в исполнении моих указаний, они уже были вместе.

– Шаин.

– Да, начальник.

– Ну, как там дела?

– Всё в порядке, я забрал иностранца и привёз его к своей тётке.

– А где она живёт?

– В районе, далеко от Гусаров, но полиции здесь нет.

– Отлично, передай Дэвиду телефон.

Я услышал громкий голос Дэвида, а затем он сам взял трубку:

– Слушаю.

– Это я тебя слушаю. Почему ситуация вышла из-под контроля?

– Не знаю, дружище. Я ведь тебе уже говорил, понятия не имею, как такое могло произойти. Я уснул, а рядом она. Проснулся – её уже не было. Но она всегда уходила ночью домой.

– Ты говорил. Ладно, сейчас уже нечего гадать. Какие планы? Ты же не можешь пожизненно жить у тётки Шаина. Я пока не могу организовать тебе паспорт, во всяком случае, не сейчас, когда тебя ищут все вокруг.

– Да, дружище, понимаю.

– Нужно найти временное убежище, так как процесс может затянуться до того времени, пока я смогу перевезти тебя к себе.

Дэвид замолчал, и я услышал чей-то шёпот:

– Дэвид, кто там?

– Это Шаин. Он предлагает мне ехать в Иран вместе с ним. Говорит, это самый оптимальный вариант в данной ситуации.

Я услышал возбуждённый голос Шаина, который пытался перекричать шумного Дэвида.

– Искендер, я долго думал, но это единственное место, куда мы можем податься. Знакомые ребята обещали помочь. Я надеюсь, у нас получится. Я и сам хочу соскочить, тут становится сложно. Мало ли что может произойти, ведь меня не раз видели в отеле. Я слышал, они допрашивают Насира и других. В общем, это наш единственный выход, да и тётка надолго нас не сможет приютить. Сам понимаешь, она – женщина. Конечно, боится. А там, в Иране, я буду, как рыба в воде. Мне уже обещали место при мечети. Иностранца с собой возьму, пусть работает. Он способный, и деньги у него есть.

– В Иран?

Я никак не мог представить Дэвида, работающего при мечети. План Шаина не укладывался у меня в голове.

– Да. До одной деревни поедем на машине, потом через лес, горы, я точно не знаю. Он говорит, что сможет меня

перевезти, надёжные знакомые есть, – выдохнул Дэвид по ту сторону линии.

– Да уж, Шаин явно сможет, если так воодушевлённо настроен. Только не соглашайся ехать в качестве покойника, если это и есть блестящий план Шаина. Деньги есть? Могу переслать любую нужную сумму.

– Всё есть. Нет только одного.

– Чего?

– Доказательств невиновности. Это я упустил, хотя обещал никогда не покидать эту женщину, впрочем, как и не оставлять и свои проблемы в нерешённом состоянии. Прощай, Алекс. Надеюсь, ещё свидимся, дружище.

– Не прощаюсь. Как ни странно, но думаю, ты в ловких руках, хоть и не слишком надёжных. Хотя, кто знает, что на самом деле лучше в данной ситуации.

Последнее, что я заметил, это то, что говорю с самим собой. Дэвид давно отсоединился, вручив свою судьбу, словно невидимый телефонный провод тому, кто легче справлялся с мраморными плитами, нежели со средствами связи.

Самире я не рискнул позвонить, хотя от неё и было несколько пропущенных звонков. Не хотелось ставить её в неловкое положение.

Я знал, что её сына всё ещё держат под заключением, и по моим данным положение дел было не слишком радужным. Я говорил с адвокатом, и он объяснил: к сожалению, все улики против Ильгара. Обсудив все «за» и «против», мы пришли к выводу: единственным вариантом будет отсидеть определённый срок, заплатить внушительную сумму родственникам погибшей, а затем уже вытащить Ильгара на свободу.

Оставалось преподнести это решение Самире. Адвокат не решался, уговаривая меня поговорить с родителями Ильгара, что было весьма сложно сделать, хотя я мог представиться коллегой адвоката, так как имел юридический диплом.

В самые сложные моменты жизни время тянулось. В самые радостные дни оно мчалось со скоростью света, а в самые неподходящие вело себя каким угодно способом, только не тем, который был нужен. Илмас уже не вставал с постели и, по прогнозам врача его жизнь могла оборваться в любой момент. Я часто думал о Сане. Расстояние разделяло нас и в определенной степени отдаляло друг от друга.

Я осознавал: если хочу сохранить наши с ней отношения, то долгим мой отъезд быть не должен. Сана принадлежала к тому типу женщин, которых не следует надолго отпускать. И дело было не в измене, как таковой, вполне возможно, она бы и хранила верность – риск состоял в том, что она остывала душой, и чувства, которые только что появились, могли с лёгкостью покинуть её без малейшей надежды на возврат.

Я был осведомлён о Заке, знал о её, можно сказать, единственной любви. Был в курсе, что существовал мужчина, которому эта девушка посвятила многие годы, к несчастью, бесцельно. Мне даже довелось столкнуться с ним как-то при перевозке груза – он как раз работал на компанию по транспортировке. Весьма неглупый человек, но, по моему мнению, слишком зацикленный на добыче денег. Такие люди, как правило, презирают установленные общественные нормы, да и моральных ценностей у них особых нет за душой.

Мама часто рассказывала мне о людях «непорядочных». В детские годы я точно не понимал значение этого слова, но потом столкнулся с подобными представителями человечест-

ва. Зак был одним из типичных представителей этого невымирающего типа людей, но его истинную сущность Сана, к моему великому сожалению, не смогла распознать. Этот человек рассматривал окружающих людей в качестве инструмента для реализации своих честолюбивых планов. Им были подчинены друзья, знакомые, коллеги, родственники и даже собственная жена, на которой он женился ради её высокопоставленного папочки.

Тем не менее, он научился мастерски изображать идеальную картину размеренной жизни благополучного, семейного человека, маскируя неблаговидные моменты своего бытия. Ведя двойную и даже тройную жизнь, Зак сконцентрировал часть сугубо личной информации в запасном мобильнике, который служил ему верой и правдой – во всяком случае, до поры, до времени.

Любовь Саны была основана на юношеской привязанности, на девичьих мечтах, которые редко воплощаются в реальность. Она смогла пронести это чувство через много лет, разочаровавшись, но не утратив ту толику искренней привязанности, на которой, как на плодородной почве, была взращена её любовь. Я даже позавидовал Заку, хотя следовало отнести моё отношение не к нему самому, а адресовать его некому мифическому образу, придуманному Саной. Честно говоря, мне даже хотелось, чтобы ко мне она испытала такие же тёплые чувства, которые он вызвал у этой девушки. Хотя Зак так и не сумел воспользоваться ими в хорошем смысле слова. Впрочем, судя по обстоятельствам, это было мне на руку.

Сиделка молчаливым кивком дала мне понять, что Илмас, наконец, уснул. Порой я лишь догадывался, что мучило его

больше: боль в теле или боль в душе. Сложно сказать, от какой из них он бы предпочел в первую очередь избавиться, будь у него такой выбор. Болезнь сломила его тело, но не душу, которую надломила жизнь со всеми её нежелательными сюрпризами. Я остро почувствовал его состояние, когда стал находиться столько времени рядом с ним. Так получилось, что вольно или невольно я проводил в доме несколько часов в день, когда не было особых дел и встреч.

Как-то ранним утром, после неоднократных попыток усыпить Илмаса, я, наконец, опустился в кресло его кабинета и закурил. Илмас не любил, когда кто-то кроме него самого курил в этой комнате. Лишь самому себе он позволял эту вольность. Меня с детства учили уважать старших, правда, подобающее к ним отношение не всегда сопутствует учению. С некоторыми навыками мы рождаемся, другие умения и знания приобретаем со временем, а есть и такие основы поведения, которые даже собственные родители не смогут привить, если это не заложено изначально в натуре человека. Так вот, я всегда с особым почтением относился к своему покровителю и строго придерживался порядка, который был установлен в его доме.

Однако бессонная ночь и все последние события невольно заставили меня забыть об установленном правиле, и мне сильно захотелось закурить прямо в кабинете. Мне тогда показалось: этим незначительным жестом я приближаю себя к скорой развязке. После Илмаса я – единственный обладатель всего имеющегося имущества и теперь уже главный заведующий всем бизнесом. Хотел ли я этого, стремился ли? Вряд ли. Я имел больше, чем мог тратить, и деньги никогда не играли большой роли в моей жизни, может быть, потому, что

они у меня после встречи с Илмасом всегда были в наличии. По сути, я и так заправлял всем его бизнесом последние годы, участвуя во всех главных делах своего патрона.

Будет ли мне легче без него? Я не мог однозначно ответить на этот вопрос, так как в тяжёлые моменты жизни мои чувства имели интересное свойство прятаться в складках моей дряхлой души, не подавая никаких признаков жизни.

Задумавшись, я уронил пепел от сигареты на стол и в попытке очистить поверхность, ненароком смахнул пепел в выдвигающийся ящик под столом. Чистка заняла больше времени, вследствие чего я выдвинул этот ящик и вытряхнул листки линованной бумаги на ковер. Мое внимание привлёк один такой лист, по виду немного измятый, где-то даже прожжённый сигаретой. Это было письмо, адресованное явно не мне, что, по канонам хорошего тона является достаточным основанием не читать послание. Но я решил на этот раз отступить от правил приличия. Всё-таки я обязан иметь хотя бы минимум информации о человеке, заменившем мне отца. И тем более, в тот момент, когда час нашей разлуки уже близок. Бегло просмотрев письмо, а также остальные листки бумаги в ящике, я понял, что это письма Илмаса к женщине.

«Моя дорогая, моя очень дорогая. Пишу тебе и думаю, что каждый раз мне всё тяжелее дается такой простой шаг, как отослать очередное письмо. Очень личными они становятся.

Болезнь не отстаёт. Напротив, она цепкими пальцами хватает меня за горло и с улыбкой на лице начинает душить. Я говорил тебе – врач категорически запрещает мне курить. Зря тратит время – я не собираюсь прислушиваться к его советам, и никогда этого не делал. Как можно отказать себе в

единственной радости, которая у меня осталась! Ты спросишь: а как же я? Промолчу, а затем, не прочитав твой ответ, сожгу твоё очередное письмо, а подожгу его той самой сигаретой, которую мне запрещают курить.

Тебе, наверное, странно наблюдать такую ситуацию, и ты вряд ли понимаешь, почему я тебе пишу, а твои письма даже не читаю. Я не раз объяснял: не хочу знать, как ты, что делаешь, как живёшь. Мне достаточно знать, что ты читаешь мои письма и в тот момент думаешь обо мне. А твои думы о других меня не интересуют. Потому что я давно вычеркнул твоё окружение из своей жизни. Но я так и не смог вычеркнуть своей любви к тебе. Это весьма сложно объяснить, я и сам порой такую ситуацию не понимаю. Как-то прислуга не принесла мне твоё очередное письмо, но я нашёл его потом среди газет в холле. На мой вопрос о причине отступления от чётко заведённого порядка доставки корреспонденции девушка ответила: «Вы ведь его всё равно сожжёте, эфенди.

Я уволил её немедленно в тот же день, даже не назвав причины. Хотя, думаю, она поняла правильно: нельзя принимать решения за кого-то, даже если ты уже заранее знаешь, как он поступит. Это был единственный и последний раз, когда я не сразу сжёг твоё письмо. Я всё же распечатал конверт. Пока письмо горело, успел прочесть несколько строк. В них ты, кажется, назвала меня сумасшедшим, просила прощения и писала о посаженных тобою цветах. Письмо горело прямо на кухонном столе, а я смотрел на беспощадное пламя, уничтожающее строчки, выведенные твоим аккуратным почерком.

И вспоминал жизнь, в которой мы когда-то были вместе...

С тех пор я исправно сжигаю твои письма, хоть ты и пишешь их довольно часто. Я уже говорил, мне не важно, что ты

думаешь обо мне, я всего лишь хочу прожить остаток своих дней с женщиной, которую любил, пусть даже, эта любовь протекает чернилами по линованной бумаге. Кстати, стол на кухне я заменил, чтобы он не напоминал о тебе горелым пятном на белом фоне, словно лишнее напоминание о моей несложившейся жизни».

Я читал и не верил своим глазам. Значит, Илмас до сих пор пишет своей жене, матери их погибших детей. Я вспомнил, как бабушка, мать отца, любила повторять фразу, значение которой сводилось к тому, что она отрежет себе ухо, если каждый день не услышит какую-нибудь новость. Видимо, в её жизни было довольно много услышанного. Вот и сейчас, я готов был поступить, как моя бабушка, после того, что я узнал. Никогда бы не предполагал, что Илмас может в письмах выразить такие сильные чувства. Да, он долго не мог придти в себя после гибели детей, тем не менее, после случившегося он так и не сумел наладить отношения с женой, которая вскоре ушла от него к другому мужчине.

Мне сложно сказать, кто из них не проявил терпение. В тот период, когда я уже перебрался к Илмасу после гибели собственной матери, его жены с ним рядом уже не было. За столько лет он ни разу о ней не заговорил. Лишь один раз при оформлении бумаг я заметил документ о переводе солидной суммы денег на счёт женщины, чьё имя мне было незнакомо. Илмас тогда сказал, что это деньги от продажи маленькой квартиры, в которой он жил в период студенчества.

«Квартирой никто не пользуется, вот я её и продал, а половина денег принадлежит этой женщине. Проверь и оформи всё, как нужно», – объяснил он тогда.

Спустя некоторое время я понял: это была та самая квартира, в которой они начинали семейную жизнь – бедные, но свободные и счастливые.

Положив письма туда, где они до этого находились, я аккуратно удалил с конвертов остатки пепла, с досадой отметив, что сероватый след всё-таки остался на бумаге, и закрыл ящик стола. Невольно я стал свидетелем ещё одной драмы в бездонной коллекции всевозможных историй под названием «жизнь».

САНА

Больше всего не люблю просыпаться на ночной, тревожный звонок телефона. Стереотипы, которые запечатлелись в памяти во время далёкого детства, чётко говорили: подобные звонки не к добру.

Крохотный дисплей мобильного телефона высветил турецкий номер Алекса.

– Алекс?

– Сана, прости, что разбудил.

– Что-то случилось?

– Не совсем в этом уверен. Провалился в сон максимум на пару часов. Проснувшись, увидел несколько пропущенных звонков от адвоката Ильгара. Перезвонил, но он уже не поднимал трубку. Ты не в курсе, что у него произошло?

– В курсе чего? Я виделась с Самирой. Она ничего не сказала. Вернее, пожаловалась на ситуацию, но, как я поняла с её слов, у них всё под контролем.

– Не факт. Позвони Самире, узнай, в чём дело, а потом перезвони мне.

– Ладно, хотя... как я позвоню ей в такой час? Не представляю.

– Придумай что-нибудь.

Алекс отключился, а я не могла избавиться от дурного ощущения – тошнота комком застряла поперек горла, не давая мне расслабиться и набрать номер Самиры.

Каково это: позвонить и услышать после нескольких гудков не томное «алло», не сонное «мм», не возмущенное «какого черта», а плач? И не тихое, женское всхлипывание по поводу ссоры с изменником-мужем, а дикое завывание раненого животного, потерявшего детеныша? Я могу сказать – это страшно. Это очень страшно. Но ещё страшнее плач людей, находящихся рядом, дикие вскрикивания. Они оглушали. Я знала, на что это похоже, но отказывалась верить.

Подобный плач членов семьи вместе с искусными плакальщицами, которые проживали по соседству, случались лишь на похоронах. Картина жуткая, и она не укладывалась в моей гудящей голове. Я в ужасе прислушивалась к звукам по ту сторону линии, пока телефон не отключился. Сложно сказать, сколько прошло времени прежде, чем я позвонила Алексу.

– Сана?

– Да, это я.

– Я дозвонился до адвоката. Я понятия не имею, как это произошло.

– Я всё знаю.

– Что знаешь? Ты дозвонилась до Самиры?

– В какой-то степени – да.

Мне не хотелось говорить. В такие моменты нам зачастую хочется обвинить во всех своих проблемах кого-то другого. В данном случае я винила во всем Алекса, предполагая, что с момента его появления стали случаться ужасные вещи с окружающими меня людьми.

– Сана, не молчи. Ты же знаешь, я не мог ни на что повлиять, будучи так далеко.

Еле слышный стон раздался в стенах моей спальни. То был мой собственный:

– Как же я устала, ты представляешь, как мне всё осточертело!

– Я знаю, Солнце, знаю.

– Нет, ты даже не можешь себе представить.

– Могу, ведь я знаю, какая ты на самом деле.

– Какая я? Безжалостная и жестокая, безразличная и равнодушная. Та, вокруг которой происходят все возможные беды? Ты это хотел сказать?

– Не совсем. Ты потерялась, согнулась под грузом всех событий. Это сложно, Сана, я знаю.

– Ничего ты не знаешь, Алекс! А может, знаешь. Если твои чёртовы карты успели тебе рассказать о том, что нас всех ждёт. Ты ведь недаром пригласил меня в игру. Не только меня, но также и Самиру, Дэвида, даже моего близкого друга. А что будет с ним, не предскажешь?

– Я не думал, что всё повернётся именно так, Сана. Тарок – всего лишь игра, которая не может влиять на нашу жизнь. Карты просто инструмент в наших руках. Неужели ты думаешь, что я хотел подобного поворота событий? Самира близка мне, я даже не представляю, что с ней сейчас происходит. Хотя потеря близких людей мне знакома.

– Не знал! Но, тем не менее, усердно выуживал наши пороки и тайны! Словно заклинатель, который играет на деревянной дудочке и выманивает змею из плетёной корзинки. И вот она, змея, собственной персоной – вдруг возникла и отравила всех вокруг своим смертельным ядом. Неважно, являются ли карты тайным инструментом волшебника или обычной отвёрткой опытного взломщика, сумевшего открыть механизм замка потайной дверцы. Самое главное, что за ней кроется. Может, ящик Пандоры, который нельзя было открывать.

– Я не думал об игре так, как думаешь о ней ты. Для меня это способ развлечения и лишь отчасти способ узнать больше о других, осознав, что я не одинок в круговороте душевных падений.

– Смешно! Действительно, смешно видеть тебя таким смятённым. Ты ведь маг, волшебник хренов. Так придумай что-нибудь, срочно исправь положение! Или на мёртвых игра уже не распространяется?

– Сана, я не смогу никого расколдовать. По той простейшей причине, что никто из нас не заколдован. Часть твоей сущности слишком долго просидела в темнице собственных страхов. А сейчас выплёскивается наружу, грозя сжечь всё вокруг своей огненной лавой. Ты должна взять себя в руки. В тебе говорит отчаяние, покрытое тонкой скорлупой злости.

– Я устала, Алекс. Я устала быть серединкой, колеблясь между двумя самыми сильными чувствами. Ненависть к собственному бессилию берет верх. Я больше не могу себя сдерживать. Мне казалось, мы сможем сделать что-то вместе, но наша страсть только взволновала мои страхи и взбудора-

жила всё мое нутро. Я проснулась и остро осознала все происходящее. Нет, мне не страшно – мне больно понимать, что любовь оказалась таким слабым чувством, что она не правит этим миром, и люди вокруг меня молчаливо исчезают, порой даже не успев попрощаться. Мне обидно, что я только и делаю, что теряю друзей. Я злюсь и связываю всё с тобой – ведь потери начались с того дня, как мы встретились.

– Ты говоришь чушь, Сана. Ту самую ахинею, которую я нёс много лет. Оберегал и подкармливал, как котёнка, до тех пор, пока не встретился с тобой.

– И понял, что кто-то находится в большем дерьме, чем ты?

– Нет, я понял, как это выглядит со стороны. Твоя ненависть – всего лишь тарок. Это инструмент, отвёртка, как ты ее называешь. От этого приспособления ты можешь избавиться, осознав, что мы не всегда властны над тем, что происходит извне. Даже, если бы я не появился в твоей жизни, события могли бы произойти тем же образом, за исключением некоторых моментов, в которых фигурировала бы моя персона. Я не мог способствовать чьей-то смерти, тем более, что не был в ней заинтересован. Без потерь в жизни не обойтись. Кто-то останется обожжённым на всю жизнь, а ты тоже можешь долго жить с этим жгучим чувством, наполняя сосуд души едкой печалью.

– Пока она вновь не перерастет в ненависть? Ходим по кругу, док?

– Я не знаю, Сана, просто не хочу тебя терять.

– Однажды появившись в моей жизни, ты должен был предположить, что каким-то образом и когда-нибудь мы расстанемся? Не сейчас, так после. Это я говорю, основываясь на твоей методике.

– Прости, что втянул тебя в эту игру, что познакомил с Самирой, с Дэвидом. Может, ты и права, всё могло быть иначе. Не было бы меня, ты поехала бы в Гусары с Кларой и уж точно уговорила бы подругу остаться с Ильгаром той ночью. Всё было бы иначе. Вот только ты не можешь знать, что ждёт нас с тобой, не досмотрев кино до конца.

– Кстати, часто финал кинофильма можно предугадать, судя по развитию событий. Мне не за что прощать тебя, Алекс. Мне даже стоит поблагодарить тебя за то, что открыл мне глаза на истинное положение вещей: долгие годы мне казалось: я любила Зака, а ты быстро доказал обратное.

– Не я, Сана.

– Ты и твои чёртовы карты. Пропади всё пропадом. Когда-нибудь я разорву на клочки свои самые плохие воспоминания и усну крепким сном, чтобы проснуться другой Саной – с погребёнными страхами и утопленной ненавистью. Чтобы прожить ещё несколько лет, пока кто-то не подсунет мне ключ к разгадке собственной души.

– Неужели ты ненавидишь меня?

– Не знаю, думаю, что нет. Но прощаюсь с тобой, Алекс. Нет, не навсегда. Возможно, я ещё появлюсь в твоей жизни, забытой Богом. Просто прощаюсь на сегодня. Слишком много тебя сейчас и всего остального. Я даже не в силах заплакать, чтобы хоть как-то на деле выразить своё отношение ко всему происходящему.

– Ты думаешь, Бог не касается моей жизни, Сана? Если нет, то почему он послал мне тебя?

– В наказание, – выдохнула я и отключила связь...

... Не знаю как, но я всё-таки уснула, причём, проснувшись от мурлыканья Мегги, долго не могла вспомнить, что

произошло. Ощущения прошлой ночи казались настолько далёкими, что я невольно подумала: вероятно, мы все ошибаемся, и стоит мне удостовериться, так сразу я буду приятно удивлена ночному кошмару, оказавшемуся злой ошибкой.

Мегги либо скучала, либо просто хотела есть, вероятнее было второе, так как её миска оказалась почти пустой. Мне хотелось верить, что домашний питомец питает ко мне гораздо более глубокие чувства, чем просто благодарность.

Небо не баловало своим нежным цветом, тучи сероватой дымкой сгущались, словно отбившиеся от стада барашки. Мы с Мегги примостились на подоконнике и наблюдали накрапывающий дождь. Редкие капли попадали на стекло, и глупая кошка пыталась их поймать, ударяя лапкой по стеклу. Погоде сегодня определенно было о чём поплакать. На соседнюю крышу сел голубь нежно-розового цвета, и эта краска совершенно не вязалась с остальной окружающей серой обстановкой. Птица перелетала с крыши второго этажа на перила балкона, садилась на верёвку для сушки белья на балконе, словно этот голубь был не в силах найти себе место.

Мегги настороженно следила за птицей, захватившей её внимание. Я машинально поглаживала кошку и думала, что ей все-таки повезло оказаться по эту сторону, греясь на подоконнике рядом с хозяйкой. Голубок тем временем заметался пуще прежнего, он слегка дрожал на ветру и пытался спрятаться от настойчивых капель дождя. Спустив Мегги с подоконника, я открыла окно в надежде, что он влетит, и мне удастся хоть на время поделиться с ним теплом. К моему сожалению, голубь очередной раз взметнулся и приземлился на черепичной крыше второго этажа, будучи уже совсем мокрым от дождя. Прикрыв окно, я почему-то не могла

оторвать от него глаз – что-то в нём меня трогало и печалило. Моё внимание привлёк маленький шарик, который возник рядом с голубем и, покатившись по наклонной крыше, плюхнулся на мокрый асфальт. Мегги, вновь оказавшись возле меня, так же пристально наблюдала за печальной птицей.

Какое-то время пребывая в оцепенении, я вдруг осознала, что скатившийся по крыше шарик был маленьким яичком, которое снесла голубка. Но оно соскользнуло по наклонной крыше и разбилось на малюсенькие части, так и не успев дать возможность вылупиться птенцу. Слёзы стали душить меня. Те самые, что застряли во мне со вчерашней ночи.

Я пыталась утешить саму себя. Быть может, голубка ещё не раз снесёт яичко, которое уже не разобьётся, а спустя некоторое время превратится в маленького птенца. Вполне возможно, но это так и останется лежать на мокрой земле, пока кто-то не наступит на него своей безразличной стопой. Мне подумалось: так и в нашей жизни многого больше никогда не будет, как раньше. Вдаль уходят наши друзья, близкие, проносятся годы и мимо нас пролетают последние капли нашей беспечности, присущие лишь детству, которое так же неумолимо отдаляется от всех нас...

... Мы стояли чуть поодаль, так как впереди были родственники. Птица зашёл за мной утром. Он же предупредил Нани. Она успела доехать до нас и стояла возле гаражей вместе с Кямилем. Птица порекомендовал не одеваться слишком тепло, о чём я очень пожалела, так как ощущение холода не покидало меня с момента, как мы вышли за пределы старого города.

Громко плакали какие-то женщины, на вид пожилые. Они причитали изо всех сил, а одна даже намеревалась броситься

на землю, но её вовремя поддержали за руки. И тут я увидела Самиру. Она стояла чуть позади шумных старух, которые, по-видимому, приходились ей родственницами. Высокая, в чёрном платье ниже колен, с собранными в пучок волосами, она казалась совсем девчонкой. На лице были очки, и я никак не могла поймать её взгляд. Нани стояла возле меня и держалась за мой локоть. Я обернулась и увидела у неё в глазах слёзы. Кямиль стоял позади нас и теребил в руках зажигалку, Птицу я не увидела. Мулла запел молитву, а я прикрыла глаза.

Много лет назад, когда мы с Кларой проводили очередное беззаботное лето, она познакомилась с Ильгаром. Это было на пляже. Мы приехали на дискотеку с тогдашними подружками Клары, одна из которых была за рулём. Я немного волновалась: отвезут ли они нас домой? И, как оказалось позже, беспокоилась не зря. Девушки переругались между собой, вполне вероятно, не случайно, и мы в итоге остались без транспорта и были вынуждены искать такси посреди ночи. Вот тогда-то нам и попался Ильгар. Ему явно больше приглянулась роскошная Клара, нежели я – ещё толком не оформившийся гадкий утенок с напуганными глазами.

Машина отвезла меня домой, а Клара осталась с новым знакомым. Как она сказала на следующий день, они гуляли до утра по бульвару. Я почему-то сразу поверила: на этот раз она говорила правду, Ильгар был похож на романтика и никак не на убийцу молодой официантки. А теперь он больше ни на кого не похож – его просто больше нет. Того молодого паренька, одетого по последней моде, со жвачкой во рту и весёлой улыбкой, вечного бойфренда Клары, больше нет.

Я приоткрыла глаза в надежде увидеть Клару, но вместо нее увидела Птицу, который почему-то выбрался вперёд,

поближе к Самире, видимо, в надежде выразить соболезнование. Прожив в Баку несколько лет, мой пернатый друг приобщился ко всем местным обрядам, чем заслужил немалое уважение среди тех, кто особенно уделял внимание проявлению традиций и сохранению древних устоев.

Но в данный момент этого делать не стоило. Мне казалось, Самира была слишком зла на весь мир, в том числе и на нас, друзей Клары. Люди начали расходиться, женщины отодвинули Птицу, и я глазами позвала его к нам. Самира не двигалась с места. Её обнимали, вытирали о щёки этой несчастной женщины свои слёзы, размазывая по мраморной коже чужую косметику, а она так и продолжала стоять и безмолвно смотреть на засыпанную землей могилу.

Две молодые женщины и высокий мужчина в костюме так же неподвижно стояли возле могилы, но с противоположной стороны. Это, по-видимому, был муж Самиры и её дочери. Они либо не решались подойти к матери, либо этого не хотели. Нани тихонько прошептала, что нам тоже пора уйти, а я всё не теряла надежды подойти к ней, хотя и осознавала, чем это может закончиться. Люди потихоньку расходились, на их лицах светилось облегчение, что более не нужно изображать грусть или, что ещё хуже, не нужно выжимать из себя слёзы. Были и такие, кому было действительно жаль. Эти люди в подобные моменты вспоминали все свои беды и плакали над своей судьбой, но и у них было желание уйти, дабы они уже выразили свою скорбь ко всему несправедливому, и стоило развеять скорбные мысли, дабы не нагнетать их без надобности.

Какой-то из самых настойчивых родственниц всё же удалось сдвинуть Самиру с места. Пока расстояние между нами

укорачивалось, я судорожно думала, что я ей скажу. Банальные слова соболезнования не шли с уст, не вязались с ситуацией. Она прошла мимо, тем самым избавив от мучительных мыслей. Я обернулась к Нани и увидела её удивительный взгляд, устремлённый в сторону. Обернувшись назад, я столкнулась с Самирой, вернее, с её взглядом, который был еле различим сквозь тёмные стекла солнцезащитных очков.

– Сана, – прошептала она.

Я крепко её обняла, не в силах вымолвить ни слова. Кажется, со стороны это должно было выглядеть странно: из всех присутствующих на похоронах именно ко мне подошла Самира, хотя, может быть, никому до этого не было дела.

Самиру увела мать, а мы, немного подождав, пошли прочь от места, где мы, к счастью, были пока незваными гостями. Нани угораздило подвернуть ногу. Пока я помогала ей передвигаться меж могил, от моего взора не ускользнула фигура молодого парня, который вёз впереди себя инвалидную коляску со сгорбившимся стариком. Мне показалось, что я откуда-то знаю этого старика, но почему-то никак не получалось вспомнить, откуда именно.

В Арт-Т сегодня было тихо. Весть о смерти Ильгара быстро распространилась, и приходящие знакомые старались вести себя подобающе ситуации.

– Кто-нибудь понял, почему он всё-таки умер?

Первой прервала молчание Сана. Кямиль хотел заговорить, но прервал разговор, дожидаясь, пока Фатя поставит поднос с чаем и отойдёт от стола.

– Как почему? Он – висельник.

– Кто?

– Ну, сам себя порешил в камере. Правда, ума не приложу, как? Он же был в камере не один.

– Вся эта история от начала до конца – сплошная мистика. Как убил, зачем убил, почему вдруг сам покончил жизнь самоубийством? Сана, ты что-то знаешь по этому поводу?

Мне не особо хотелось участвовать в разговоре Нани и Кямиля, но, судя по их лицам, они ждали от меня хоть какой-то дополнительной информации.

– Только то, что рассказывал мне Алекс. Дело Ильгара выглядело весьма плачевно. Адвокат, как я поняла, предложил семье Ильгара вариант признания вины, дабы отсидеть пару лет, а потом попробовать добиться его досрочного освобождения. Скорее всего, Ильгар этого не вынес, осознав, что свобода ему еще долго не будет светить. Таков мой расклад ситуации, хотя правды мы всё равно не знаем. Кто же всё-таки убил ту молоденькую официантку в деревне и за что?

– Сана, почему ты отрицаешь вину Ильгара? Ты ведь не можешь быть уверена в том, что он этого не делал?

– Ну, не укладывается это у меня в голове, кто угодно, только не он.

Птица, доселе молчавший, наконец, оторвался от чая и примкнул к обсуждению, хотя, как обычно, обращался лишь ко мне:

– Маруся, ты несёшь чушь. Ты не могла настолько хорошо знать покойного Ильгара, чтобы судить о его способности кого-то убить, ровно так же, как не могла предположить, что он и на себя наложит руки. Люди непредсказуемы, особенно в критические моменты. Мы не были в Гусарах и не были в той камере. Никто из нас не обладает экстрасенсорными способностями, дабы заглянуть в прошлое. Я знаю, что это прозвучит ужасно, но я не скорблю по нему. Стоя сегодня на кладбище, я отошёл от тебя, так как твоё смятение мешало

мне думать. Оно передавалось мне сквозь невидимые, магнитные волны, исходящие из твоей солнечной души. Ты слишком чувствительна, слишком эмоциональна, ты принимаешь близко к сердцу даже смерть котёнка на улице и долго не можешь придти в себя. Вполне возможно, Ильгар убил ту девушку, будучи в состоянии сильного опьянения и так же не справился с собой в изоляторе, осознавая приближение ужаса, каким ему виделось будущее заключение.

– Ты считаешь, мы должны забыть о покойном друге и говорить на другую тему? – спросила Нани, решив ответить за меня.

– Я уверен, мы слишком много времени уделяем чужим бедам, полностью забыв о собственных проблемах.

В такие моменты я чувствовала себя особенно уставшей и беспомощной, желая лишь одного: забраться в маленький домик улитки и уползти прочь. Разговор не клеился, хотя в этом не было ничего удивительного. Мне захотелось увидеть Клару. Знает ли она, что я думаю? Как чувствует себя, понимая, что её половинки больше нет? Слишком много вопросов и ни одного дельного ответа.

Я извинилась и прошла в дамскую комнату, чтобы умыться. Нани последовала за мной.

– Тебя обидели слова Птицы?

– Нет, Нани, я просто чертовски от всего устала. Слишком много плохих новостей.

– Да, я понимаю. Просто в его словах есть доля реальности, мы только и делаем, что копаемся в проблемах, а нужно притягивать к себе хорошие эмоции.

Я не совсем понимала, о чём говорила моя подруга, она будто бы говорила чужим для меня языком. Либо я разучилась со всеми общаться.

– Сана, я хочу поделиться хорошей новостью. Может, сегодня и не время, но мне кажется, эта новость заставит тебя улыбнуться. Ты не поверишь, Кямиль сделал мне предложение! Сана, я так ждала этот день, и вот он настал! Мне кажется, я сплю и вижу самый лучший сон в моей жизни. Сана, ты ведь будешь подружкой невесты? Я не представляю своей свадьбы без тебя.

Воистину, даже у хороших новостей должен быть свой собственный график, определяющий время и место их оглашения.

– Когда?

– Через месяц. Ты не рада?

Сложно ответить. Конечно, мне было приятно, что у моей подруги детства скоро такое знаменательное событие, но я не могла объяснить ей, что вызвать смех сквозь слёзы удавалось лишь Кларе, да и то не в день похорон её бойфренда. Нужно было что-то сказать, а слова, словно назло моему состоянию не пытались меня выручить и сложиться нужным образом. Я молчала, вытирала лицо салфетками и смотрела на отражение Нани в зеркале. Она вышла первой. К моменту моего выхода в зал её с Кямилем уже не было. К моему удивлению Птицы тоже...

... Дождь обычно смывает следы. Точно так и сегодняшний ливень грозился очистить все прошлые воспоминания. В воздухе пахло листвой и свежестью. Это был запах детства, напоминающий тот период, когда в Баку было мало машин и улицы наслаждались одиночеством. Между крыш соседних домов висела розовая радуга. Она образовала мост в надежде, что найдется смельчак, способный по ней пройтись. Я мысленно попробовала два раза, туда и обратно. В город официально пришло ещё одно лето, изредка балуя тёплым

ливнем, дабы не огорчать жителей своей жаркой натурой раньше времени.

В дверь позвонили. Это был Птица, который залетел попрощаться. Накануне мы всё же отметили его отъезд вопреки желанию Птицы, собравшись в Арт-Т маленькой компанией. Вечеринка по этому поводу прошла на редкость весело. Мы вспоминали самые смешные ситуации, произошедшие с нами за последние несколько лет, и до коликов в животе смеялись. Никто из нас ни разу не вспомнил о тех, кого рядом уже не было, что должно было быть хорошим знаком, так как говорило о нашей мысленной договоренности.

В общем-то всё становилось на свои места, если не касаться того факта, что я теряла ещё одного близкого друга. Он, конечно же, просто переезжал, но я не из тех, кто верит в отношения на расстоянии. Километры зачастую доказывают, что мотки ниток между людьми имеют тенденцию рваться или просто заканчиваться где-то на середине пути. В любом случае, Птица уже не будет моим соседом, близким другом и ангелом-хранителем, так как последний, чтобы охранять, обязательно должен находиться поблизости.

После кафе мы вместе, как обычно, вернулись домой и сели на крыльце его дома.

– Ты расстроена, Марусь.

– Ты спрашиваешь или констатируешь неоспоримый факт?

– Мне тяжело с тобой расставаться.

– Мне тяжелее, ведь я остаюсь горевать о тебе. А ты едешь знакомиться с новыми людьми.

– Зная меня, скажи: как часто я открывал для себя новых людей? Даже те, с кем я общаюсь, по сути, твои друзья. Во всём этом городе у меня только один близкий человек –

это ты. Ответь: у тебя осталась на меня обида после похорон? Я погорячился и решил уйти, чтобы не накалять обстановку. Вдобавок вы с Нани побазарили. Я люблю тебя, Марусь, всем сердцем, всей моей птичьей душой. И не реви, а то море наплачешь, и нам придётся плыть до твоего дома.

– Не буду. Я так к тебе привязалась. Это сложно объяснить, но ты для меня, как синяя сторона кубика рубика, который я с трудом собрала. То самое синее небо, по которому я могу летать, позаимствовав твои крылья.

– Марусь, может, пришло время собрать другую сторону, открыв для себя новый цвет?

– Чтобы собрать другую, мне нужно разобрать имеющуюся, я по-другому не умею. Подобные игрушки – не мой конёк.

– А ты разбери, не бойся, и жизнь откроет для тебя что-то новое, доселе неведомое. Мы обязаны двигаться вперед, даже тогда, когда позади самые лучшие воспоминания и годы. Это, как песок, который всё равно вытечет из твоей ладони, как бы крепко ты его не удерживала. Отпусти нас, отпусти свое прошлое. Все мы, будучи рядом с тобой, лишь временные попутчики, помогающие тебе что-то понять.

– Чтобы когда-нибудь улететь на юг, как стаи перелётных птиц.

– Но птицы возвращаются.

– А ты нет?

– Все дороги когда-нибудь пересекутся. Судьба сведёт наши пути, если это записано у неё в блокноте.

– А какой у нее блокнот?

– Серенький, невзрачный на вид. А внутри – разноцветные страницы, на все случаи жизни. Знаешь в чем фишка этого блокнота?

– Нет.

– Он никогда не заканчивается. Едва ты дойдёшь до конца последней страницы, листочки блокнота волшебным образом прибавляются. Судьба сосредоточенно делает новые заметки своим вечным карандашом с обгрызенным кончиком.

– Почему она его грызёт?

– Ну, карандаш вечный, грифель не иссякает. А кончик карандаша она постоянно грызет, особенно, если нужно записать что-то очень важное, как заметки в жизни Саны, например.

Я улыбнулась, и мы крепко обнялись.

– Я никогда тебя не забуду, – прошептала я так тихо, что Птица не услышал. Впрочем, он это знал и так...

Мегги спустилась до меня и уже терлась у двери. Птица стоял на пороге с огромным букетом красных и желтых тюльпанов.

– Спасибо, но желтый цвет – это цвет разлуки.

– Ну, так я уезжаю, Марусь.

– А я не хочу.

– Знаю, я особо тоже не хочу, но события того требуют. Сама понимаешь, найти отца спустя двадцать пять лет, это достаточно, чтобы бросить всё и вернуться на родину.

– Как ты его нашёл?

– Скорее, не я его, Марусь, а он меня. Я тебе говорил, что тётка у меня была?

– Та, что положила в своё время глаз на квартиру твоей бабки?

– Она самая. Пару лет назад она увидела по телевизору моего отца. Ведь связь с ним прервалась после развода родителей. Я уверен: увидела бы она его, этакого бомжа с

соседней улицы, явно не подошла бы близко. А тут по телевизору показывают: известный политик, к тому же и родственник, хоть и бывший. Сама знаешь, бывших, богатых родственников не бывает, авось пригодятся. Вот она мне и написала.

– А почему тебе, а не ему?

– Ты наивно полагаешь, что я был первым, с кем она связалась по доброте душевной? У неё вместо букв одни цифры. Если бы она написала ему письмо, то в нем были бы одни расчёты – от меньшего к большему, на весь ближайший год.

– Страшный человек твоя тётка.

– Человек, жадный до чужого. Она никогда особо не любила мою мать, а меня – тем более. А тут такое дело: как не помочь племяннику обрести отца и на этом деле поживиться?

– Да уж, если бы в следующей жизни некоторые люди могли занять места зверей, то звери, превратившись в людей, вполне возможно, получили бы возможность ими управлять. Хотя подобная жадность присуща лишь двуногим.

– Всё очень может быть, Маруся.

– А как он тебя нашёл?

– Через ту же тётку. Она на радостях мои контакты дала, всё надеялась на вознаграждение.

– Как я понимаю, мешка с золотыми монетами вслед за услугой не последовало?

– Ты догадлива. К отцу её даже не пустили, разговор был сугубо через секретаря.

– А что он тебе написал?

– Вот, держи, почитай, у меня от тебя никогда не было секретов.

Птица протянул мне телефон, где красовалось письмо его отца, посланное на адрес электронной почты.

– Уверен?

– Абсолютно.

«Здравствуй, сын. Слова плохо складываются, легче было бы с глазу на глаз, да и то после грамм этак 200, но чего уж там, раз взялся писать, то нужно сообразить.

О тебе узнал случайно, через сестру твоей матери. До этого искал, да вот никто особо о тебе не слышал. Говорили, что переехал куда-то на восток, женился и назад не собираешься. Мешать особо и не хотелось. Взрослый уже, своя голова на плечах.

Обо мне. Ну, что таить, детей нет, после твоей матери был женат дважды, с последней женой живу до сих пор. Свыкся, да и она не мешает, понятливая попалась. Ты лучше пока не женись, если ещё не женат. Успеешь, брак – дело не простое, да и не особо приятное, суета сует.

Приезжай, сын. Как ни крути, а родина одна, да и у меня никого нет. Сообразим на пару, жизнь короткая, оглянуться не успеешь – и всё. Хочется, чтобы до разлуки было время пообщаться.

До скорого, А.П.»

– Знаешь, говорят, по письму можно узнать характер человека.

– Я хочу узнать характер отца по нашему общению. Ты знаешь, Марусь, вот он написал о родине, а я подумал: я много скитаюсь, а родиной ни одну страну не считаю. Неужели я человек без гражданства, без дома и без адреса? Вот ты, например, души не чаешь в этом уголке земли, а у меня при мысли о месте моего рождения сердце не сжимается. Может, заново обретя отца, я, наконец, обрету утерянные чувства, кто знает...

– Я тебя понимаю, просто отпускать не хочу, эгоизм заел. Ты прав, у каждого из нас должна быть родина, неважно, где пролегают её границы, она должна быть в душе. Я хочу, чтобы ты был счастлив.

– Я был счастлив здесь, Сана, рядом с тобой, но твоему крылатому другу нужен простор, мне пора лететь дальше.

– Я буду очень скучать.

Мне захотелось плакать, как в детстве, громко и долго, размазывая по лицу следы детских обид. Но в дорогу плакать нельзя, иначе пути не будет. Вот я и сдержалась, просто крепко сжав ладонь друга.

– Я уже скучаю, Марусь. Обещай, что будешь себя беречь, и ещё вот что хочу сказать – больше не касайся карт, не забивай голову ненужными вещами. Живи своей жизнью. Ты порой её недооцениваешь, цепляясь за ветки чужого дерева, тем самым усложняя свой путь к своей вершине.

– Хорошо, не буду.

– И не возвращайся в прошлое, каким бы заманчивым оно порой не казалось. Зная тебя, я могу с уверенностью сказать: ты не сможешь пережить прожитое заново, так как, проживая что- либо в своей жизни, ты каждый раз теряешь частичку себя, приобретая чужой и зачастую ненужный опыт.

– Как ты думаешь, мы ещё встретимся?

– Не знаю, Маруся, может, да, может, нет. Твоё имя записано во всех дневниках моей души. Не думаю, что подобное ускользнёт от старушки судьбы.

– Я не поеду тебя провожать.

– Знаю, я бы и не хотел этого, есть риск передумать.

– Ты готов встретиться с отцом?

– Нет, если честно, то не совсем. Но мне хочется скорее окунуться в поглощение чего-то нового, а оно в данный момент связано с моим отцом.

– Береги крылья! Если что, ты знаешь, куда всегда можно вернуться.

– Спасибо тебе за все, Маруся...

... В нашем прощальном диалоге чувствовалась какая-то скованность, недосказанность, а может, это было самым обычным проявлением разлуки двух близких друзей, которым так много нужно было сказать друг другу, что слова терялись между желанием остаться и необходимостью уйти.

Мое сердце разрывалось, когда за Птицей захлопнулась дверь. Именно эта разлука далась мне сложнее остальных. За короткий период времени я потеряла сразу стольких друзей. Тима, Клара, Ильгар, а теперь мой дорогой человек, мой ангел- хранитель Птица. Тюльпаны так и остались разбросанными по всей прихожей. Красные и желтые, они грустно увядали на деревянном полу, как знак крепкой дружбы и неминуемой разлуки.

Я стала полноправной и единственной хозяйкой кафе, с полукруглых стен которого на меня с укором, а может, с грустью взирали безмолвные портреты, написанные Птицей. Я предпочитала натюрморты, но те, в основном, висели у меня дома. Птица практически ничего с собой не забрал. Я хотела надеяться, что причиной было его возвращение, но, к сожалению, вспомнила одну черту его характера: оставлять кому-то всё нажитое. Такая традиция была его жизненным кредо, чему в действительности можно было только позавидовать.

Нани, последний из могикан, вовсю готовилась к свадьбе. Добрая и незлопамятная, она вскоре со мной помирилась, списав наш инцидент на моё скверное настроение, что по большей части было правдой.

– Почему бы тебе самой не позвонить Алексу?

– Я слишком ленива, чтобы делать какие-то шаги по отношению к мужчине.

– Ты ли это говоришь, со своими сапогами-скороходами бегущая за неблагодарным Заком?

– Ты права, я и забыла, как это было. Но Алекс избаловал меня, заставил взглянуть на жизнь совсем иначе.

– Это ведь хорошо, Сана. В том, что произошло, нет его вины, ты должна перестать его корить. Кстати, ты решила, что оденешь на мою свадьбу? Помнишь, что говорил Птица: «Если на душе горе, то надо скорей украсить свой фасад».

– Помню, – усмехнулась я, вспомнив то, о чём легче было не вспоминать. – Пока нет. Разве это так важно в чем будет Сана?

– Мне порой кажется, что для всех вокруг это намного важнее моего наряда невесты.

– Не придумывай!

Я стиснула насупившуюся Нани в объятиях и подумала, что в первый раз в жизни я не готовилась на мероприятие, тем более, если это свадьба лучшей подруги. Мне, действительно, недоставало Клары и её неиссякаемого оптимизма. А еще мне не хватало того особенного ощущения, когда всё вокруг, даже самое грустное, медленно рассеивается, погружаясь в сладостную истому любви. Я понимала, что Нани права, мне нужен был тот, кто наравне со всеми бедами всё-таки приносил мне толику счастья. Как ни крути, а это эфемерное чувство охватывало душу лишь в редкие мгновения жизни, благодаря которым очень хотелось продолжать жить.

АЛЕКС

Уставший и опустошённый, я просидел возле постели Илмаса почти всю ночь. Сиделка молчаливо глядела на меня, всем своим видом говоря о неминуемом расставании. Впервые в жизни я задумался, что останусь в полном одиночестве. Я прожил с ним больше, чем с собственной матерью, которую, к моему ужасу, стал забывать. Илмас, будучи абсолютно чужим человеком, фактически заменил мне семью. Он стал для меня семьёй, которую я рисковал потерять в скором времени. Людям зачастую кажется: теряя многое, человек приобретает некий иммунитет к жизненным потерям, но это отнюдь не так. Каждая утрата по куску отрывает от истерзанного сердца, оставляя за собой маленький кусочек мяса, не пригодный для жизни.

Илмас пошевельнулся, и я невольно положил ладонь на его руку. К моему удивлению, он приоткрыл глаза и прошептал:

– Искендер, почему ты здесь сидишь? Думаешь, я умираю?

– Нет, эфенди, я просто провожу свободное время рядом с вами.

– Ты не умеешь врать, вернее, делаешь это очень скверно. Что там происходит?

– Где, эфенди?

– За окном. Чем занимаются люди? Что происходит в стране? Как поживаешь ты?

– За пределами нашего дома всё по-прежнему, жизнь пока не остановилась, и земля, как ни странно, вертится.

– А как ты? Как та женщина?

– Какая женщина, эфенди?

– Та самая, которая занимает все твои мысли. Я же говорю, что ты скверно врёшь, тем более, не умеешь скрывать свои чувства. От меня, старика, ты никогда ничего не мог утаить.

– Я никогда и не пытался.

– Знаю, ты всегда был мне хорошим сыном.

Илмас закашлялся, и сиделка подбежала к нему, дабы поправить подушку и проверить датчики, к которым он был подсоединен.

– Ему нельзя говорить, Искендер эфенди, – прошептала она мне.

– Мне все можно, вы только и делаете, что запрещаете мне жить, – прохрипел Илмас. – Пригласи её сюда, пусть приедет, мне есть, что ей сказать.

– Боюсь, она не особо желает встречи со мной.

– Так пригласи её ко мне, она не откажет. Я знаю женщин.

Я решился на личный вопрос.

– А вы бы не хотели повидать другую женщину, эфенди. Вы знаете, о ком я.

Илмас не ответил, даже не попытался. Он прикрыл глаза. Спустя минут десять полного молчания я понял, что не стоит мучать старика и вышел из спальни. Выйдя во двор я сел под тенью деревьев и прикрыл глаза. Больше всего на свете мне хотелось, чтобы рядом оказалась Сана.

Я вспомнил, как мы проводили с ней время, как стали близки, как Сана, отбросив прошлые сожаления и будущие тревоги, стала тянуться ко мне, потихоньку раскрывая сердце. Зачастую, после какого-то мероприятия или совместного

ужина я долго кружил на машине с ней по городу в надежде, что она примет решение остаться со мной. Я нарочно плутал по замысловатым улицам города ветров, а она улыбалась, видимо, прекрасно понимая мои намерения. И в итоге соглашалась не оставлять меня одного. Моё сердце готово было выпрыгнуть и покатиться впереди машины, норовя испачкаться или, ещё хуже, остаться под колёсами только ради неё одной, от одного лишь осознания, что Сане было хорошо именно со мной, именно сейчас.

Порой она засыпала прямо в машине, сморенная усталостью или моим чрезмерным вниманием. Я наблюдал за ней спящей, поглядывая искоса на её голову, покоившуюся на моем плече, и старался меньше двигать правой рукой, не желая нарушить создавшийся момент. Я мог остановить машину на обочине пустынной улицы, чтобы легонько коснуться её щеки, чтобы увидеть, как вздрогнут и распахнутся её тёмные ресницы, чтобы взглянуть в её бездонные глаза, почти черные на фоне полуночного города. И тогда я в очередной раз понимал: не было ни малейшего шанса на спасение моей заблудшей души. Сана смотрела прямо в глаза, не улыбаясь, неся во взгляде тайные знаки, доселе мне неведомые. Не в силах терпеть, я склонялся, нежно поглаживая её по шёлку блестящих волос, и шепотом просил: «Закрой глазки». Она повиновалась, зная и ожидая такого исхода. Мне казалось, что она дрожит. От страсти. Не в силах больше сдерживаться, я обхватывал губами её нежный рот. Целовал, кусал её розовые губы до тех пор, пока не слышал стон. Еле оторвавшись, смотрел ей в глаза, которые сверкали неистовым огнем, способным осветить весь спящий город. Не дожидаясь её согласия, я увозил ее к себе, в царство

одинокого короля, которому посчастливилось найти счастливый билетик или вынуть долгожданный козырь...

... Во двор кто-то зашёл, заставив меня мысленно вернуться из города ветров и оторваться от желанной женщины. То была небольшого роста пожилая женщина, чьи седые волосы выглядывали из-под темного платка, вроде бы повязанного на манер мусульманок. Однако платок открывал часть волос спереди. На ней было серое, длинное платье и обувь на низком каблуке. Она оглядывалась в поисках кого-то, не замечая меня за густой листвой могучих деревьев. Я решил не испытывать её терпения и вышел к ней на тропинку:

– Кого-то ищете?

– Добрый день, эфенди, я проходила мимо, забрела случайно. У вас не будет для меня стаканы воды?

– Конечно, проходите в дом.

– Нет, я, пожалуй, побуду в саду, с вашего позволения.

– Хорошо, присаживайтесь на кресло за деревом, а я принесу вам воды.

Я зашёл в дом в недоумении. Что-то в этой женщине меня настораживало. Выйдя во двор со стаканом воды, я даже думал её уже не застать, но она была там, расположившись на небольшой кушетке с резной спинкой.

– Вот, пожалуйста.

– Спасибо, – вымолвила она, сделав несколько глотков воды. – Очень хотелось пить, сегодня жарко.

– Да, синоптики грозят ещё более жарким днём.

– Пережить бы такое тёплое лето.

– Дай Бог, всё будет хорошо. Что вас привело в наши края? Мы довольно обособленно живем.

– Я прогуливалась.

Я понимал, что она скрывает свои истинные намерения, так как дом Илмаса находился вдали от дороги, и территория была огорожена, находясь на приличном расстоянии от соседей.

– Принести вам ещё воды?

Она провела ладонью по лбу, будто желая смахнуть невидимые капельки пота, которых не было. Тонкие руки выдавали её истинный возраст – вопреки лицу, сохранившему молодость.

– Нет, спасибо, я напилась. У вас красивый дом, наверное, большая семья?

Женщина явно что-то скрывала, и я присел напротив, чтобы узнать, что именно.

– Нет, маленькая. Дом не мой, а моего отца. Я изредка здесь остаюсь.

– Понятно. Ваша мать... простите, она жива?

– Нет. Увы, она покинула этот мир много лет тому назад.

– Мне очень жаль.

– Ничего страшного, время многое меняет.

– Вы правы, время меняет всё. А ваш отец жив?

– Да, слава Богу, правда, последнее время болезнь подкосила его силы.

– Он серьёзно болен?

– Увы. Мы пытаемся сделать всё невозможное, идя наперекор судьбе.

– Да, конечно. Есть вероятность...

Тут она замешкалась, почему-то поправляя и без того аккуратно выглаженное платье, совершенно не подходящее её фигуре.

– Что он не справится? Конечно же, есть. Но я не теряю надежды. Впрочем, как и он сам, так как ещё утром изъявил желание встретиться с моей девушкой.

– Это так на него похоже, – вырвалось у неё.

– Вы знакомы с Илмасом?

Она смутилась, поправила косынку на голове, попытавшись запихнуть выбившуюся прядь под чёрную материю:

– Когда-то была, очень давно.

– Простите, не могу предложить вам к нему зайти, врачи не советуют лишних эмоций.

– Да я и не хотела, просто проходила мимо.

Мы оба вели непринужденную беседу, в душе понимая, что каждый из нас ведёт свою игру. Я пытался казаться сыном, она скрывала, что когда-то была его женой. Поднявшись с дивана, она дала понять, что разговор окончен.

– Я, пожалуй, не буду вас более стеснять. Спасибо за воду и за разговор тоже, спасибо.

– Мне было весьма приятно с вами побеседовать.

– Мне тоже. Вы не сделаете кое-что для меня?

– Что именно? Ещё воды?

– Нет. Не могли бы вы передать своему отцу это письмо?

При этом она вынула из кармана серого невзрачного платья конверт.

– Передам обязательно. Правда, боюсь, он не сможет сейчас ответить, так как не в состоянии это сделать физически.

– Ничего страшного, мне достаточно, что он его получит. Прощайте.

– До свидания.

С конвертом в руке я еле поднялся в спальню к Илмасу, будто нёс непомерный груз. Он не спал, лежал с открытыми

глазами в поисках ответов на нескончаемые вопросы. Я смотрел на него, пытаясь представить того самого щёголя, каким его увидела бывшая жена.

– Подойди, Искендер.

Хриплый голос с новыми интонациями, которых я раньше не замечал, заставил меня вздрогнуть.

– Слушаю, эфенди.

– Чем ты занимался?

Раздумывая, как ответить, я решил подойти к главному, дабы избавиться от давившего на меня груза:

– Я принёс вам письмо, эфенди. Но я настаиваю, чтобы вы его прочли.

– Что за письмо ты принёс, Искендер?

– Одно из тех, что вы обычно сжигаете, но это вы обязаны прочесть, так как его собственноручно принёс отправитель.

Илмас закрыл глаза, и я уже не надеялся на его реакцию, как вдруг он посмотрел на меня и жестом попросил помочь ему приподняться.

– Вам нельзя, эфенди.

– Мне многое чего нельзя, как и читать письма от этой женщины, но, видимо, это моя судьба – нести вечные кресты. Помоги мне.

Слегка подсадив Илмаса, я сел рядом, все ещё не решаясь отдать ему письмо, хотя сжечь ему было его нечем.

– Вы ведь прочтёте?

– Не будь трусом, Искендер, я не таким тебя растил. Раз тебе не терпится ворваться в глубь дремучего леса моего существования, пусть так оно и будет. Я многое повидал в своей жизни, через многое переступал, вот Всевышний и наказал меня, отняв обоих детей, за все злодеяния, что я

причинил другим. Да и это меня особо не остановило. Единственное, перед чем я оказался бессильным, это перед силой любви. Это страшная болезнь, сынок, гораздо сильнее той, что сковала меня сейчас. Ну же, раскрывай письмо этой женщины, читай. Читай вслух, я приказываю тебе. Я, Илмас, человек, одного имени которого боятся многие, человек со сломленной жизнью, в конце концов, я твой отец. Запомни, Искендер: у тебя никогда не было и не будет никого, кто будет любить тебя так, как я.

Не в силах что-либо сказать, так как слёзы заволокли мои глаза, я опустил голову и разорвал конверт, вынув оттуда сложенный надвое листок.

«Здравствуй, Илмас.

Вот уже сколько месяцев я не получаю от тебя писем. Многое произошло. Впрочем, ты, пожалуй, не узнаешь, так как по привычке сожжёшь очередное моё письмо. Мой муж, странно его так называть, но ведь он был мне опорой долгие годы, покинул меня навсегда, отдав свою душу Всевышнему. Люди уходят, Илмас. Уходят в то место, о котором мы говорим, но в глубине души стараемся не думать, так как кожа покрывается мурашками от страха, от осознания того неизведанного места, где мы все когда-то окажемся. Там, где наверняка обитают души наших детей, там, где покоится человек, проживший со мной много долгих лет. Мы тоже туда отправимся, Илмас. Ты знаешь, существует лишь одно воспоминание, которое позволяет моим мыслям хоть на время улететь прочь.

Это было так давно, что картинка моих воспоминаний успела пожелтеть от давности. Лето. Берег моря. Молодой, красивый мужчина в голубых, лёгких брюках и белой рубашке, расстёгнутой до середины груди. И я, влюбленная в него с

первого взгляда, очарованная красотой его лица, покорённая мужественностью его тела. Я, окончательно сражённая наповал им – мужчиной моей мечты. Ты ведь помнишь нашу встречу, Илмас? Твой низкий с хрипотцой голос сводил с ума всех женщин вокруг. Только вот ты выбрал меня – строптивую, гордую и хмурую девушку. Ты ведь не мог не заметить те взгляды, которые я бросала в твою сторону и быстро отворачивалась, едва столкнувшись с твоим. Ты помнишь?

А вот я все помню, все до... Я была так сильно влюблена в тебя – парня, который оказался простым официантом в отеле, где я отдыхала с отцом и бабушкой. Я хочу, чтобы ты знал: я никогда не жалела о нашей встрече, даже если бы был шанс вернуть наших детей и обменять на это наше с тобой первое свидание, наши годы счастливой жизни, то, вполне возможно, я бы на это не пошла... Прости меня за это ужасное признание. Я была вынуждена уйти от тебя, ведь, по сути, ты сам этому способствовал и человек, с которым я прожила немало лет, так ни разу и не упрекнул меня в том, что, будучи с ним, я продолжала любить только тебя.

Ты сожжёшь мое письмо, и те слова, в которых я рассказала о своей любви к тебе, превратятся в пепел цвета моих волос. А когда-то они были цвета яркого, турецкого солнца.

Я не знаю, почему ты не пишешь мне больше. Та единственная связь между нами, сохранившаяся у меня все эти годы, бесследно исчезла. Мысль о том, что скоро и мне пора в путь, не даёт мне покоя. Хочу с тобой попрощаться Илмас. Очень хочу попрощаться с глазу на глаз. Хочу увидеть тебя в последний раз, и тогда мне не будет так страшно, как сейчас. Не смерти боюсь, а того, что там никого не встречу, проведя жизнь после смерти в полном одиночестве. Мы проживаем на этом свете ровно столько, сколько можем вспомнить, стоя у

самого причала жизни. Во всех знаменательных воспоминаниях моей жизни фигурируешь ты, так как все они связаны с моей любовью к тебе. Прости, если сможешь, Илмас. Не прощаюсь...

САНА

Ночь глядела на меня множеством ярких оконных глаз. Было жарко. Казалось, лето, изящно подобрав полы воздушного платья, медленно гуляло по улицам города. А может, это была я, любящая прогуляться перед сном со времен Птицы.

Таким был тихий вечер первого дня после периода бурных событий, приятных и не очень. Я, наконец, смогла остаться наедине со своей книгой, почти дописанной до конца. Почти.

Пару дней назад в моей и без того запутанной жизни появился Зак. Словно летний ветер, ворвался без спросу с предложением, от которого я не должна была отказаться. Нет, он отнюдь не предлагал мне руку и сердце, ведь они и так были мои, по его мнению. Он предлагал уехать, спрятаться от всех и обдумать следующий план действий на пути к нашему объединению. После его ухода я повторила слова, сказанные им, изумленной Нани. Она была всецело поглощена свадебными приготовлениями, но терпеливо меня выслушала.

– Что ты ему сказала, Санни? – спросила Нани, пытаясь найти хоть одно тихое место в доме. Я слышала, как она крепко держит трубку телефона и перебирается из комнаты в комнату.

– Только самое хорошее, только самое хорошее. И знаешь, раньше я бы так не сделала. По сути, я ведь та же самая девочка из детства, ничего не изменилось. Ровным счетом – ничего. Мы те же, хоть и пытаемся часто менять свои облики. У нас такие же страхи, просто со временем они поменяли форму. Мы так же смеёмся или плачем, просто шутки и поводы для слёз стали другими. Мы так же представляем себя принцами или принцессами, только не в вымышленных королевствах. Я хотела, чтобы он понял, я любила его так, как любила придуманного героя своих детских сказок. Но, увы, он родом не из моего детства, а я, загородившись от мира кучей книжек о любви, этого не заметила. Я надеюсь, он постарается стать счастливым.

– Я надеюсь, ты тоже, Сана. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива.

– Ну, я тоже постараюсь. Ведь у всей этой истории должен быть хороший конец, тем более, что в городе лето, – сказала я, припомнив такую деталь: маленькая Нани связывала начало нового с сезона с его скорым концом. Если в городе лето, то для неё скоро осень.

– Ну, скоро осень, – будто прочитав мои мысли, пробурчала Нани.

– А за ней зима, весна и следующее лето. Можно прикрыть глаза и представить, что живёшь в вечном лете. Правда, так и жизнь грозит пролететь, перебегая от сезона к сезону в вечных поисках идеального времени.

– Идеального времени? Для чего?

– Вот этого я пока не знаю, но обязательно скажу, как только стрелки моих внутренних часов укажут это самое время.

– Сана, моя голова занята самыми простейшими делами, но эти проблемы совершенно лишают меня возможности думать. Ты о чем?

– О том, что в городе лето, а у моей близкой подруги – свадьба!

– Ты врёшь, но я все равно тебя люблю. До встречи, Сана.

... Рыжеволосая принцесса моего детства, подобрав полы белоснежного платья, опираясь на крепкую руку своего избранника и подставив счастливое лицо солнцу, шла навстречу новой жизни. Именно такой я представляла свою маленькую Нани в день её свадьбы, пролетая высоко над землей.

В ночь перед свадьбой мы допоздна просидели на маленькой уютной кухне тёти Тамары, слушая её рассказы и попивая горячий кофе. От гаданий мы с Нани отказались. Не хотелось ни на йоту портить настроение, да и в будущее заглядывать не торопились, тем более, оно уже указало нам обеим ближайшую дорогу.

В глубине души я понимала: подруга детства раздосадована моим отъездом; тем, что в один из самых важных для неё дней меня не будет рядом. Я понимала, но ничего не могла поделать с желанием поскорее уехать.

– Ты же знаешь, подобные торжества не для меня. Тем более, после всего, что произошло, – пыталась я по телефону хоть как-то оправдать отсутствие на празднике.

Это отчасти было правдой, но истиной причиной были события, случившиеся в последнее время. Может, моё признание прозвучит эгоистично, но внутренний голос говорил: стоит мне остаться на торжестве, как дороги назад не будет, все последующие события захватят меня снова – только уже без Клары, Птицы и многих других. Даже малень-

кая Нани пойдет своей собственной дорожкой, и на этом пути нет места третьему, то есть мне. Тётя Тамара, будучи дипломатом от природы, весьма искусно справилась с ситуацией, рассказывая кучу историй и веселя нас до поздней ночи.

В тот день я так и осталась у них, а рано утром весёлый таксист Насир повёз меня в аэропорт. Я успела только чмокнуть сонную Нани в щёчку. И выскользнула из квартиры, чтобы больше никого не разбудить.

В дверях меня перехватила тётя Тамара и крепко обняла:

– Сана, доченька, вчера невольно разбросала карты, после того, как вы легли. Много ещё приключений выпадет на твою долю. Жизнь долгая будет, полная событий. Ты найдёшь себя обязательно. Счастья тебе, милая. Бог тебя любит.

– Спасибо, тёть Тамара. Спасибо вам за всё.

Проезжая мимо Арт-Т, я мысленно улыбнулась, вспомнив последние годы и дни, проведённые в круглых стенах нашего кафе, о судьбе которого теперь уже будут думать другие его владельцы.

По дороге Насир успел рассказать последние новости, так сказать, с поля боя. Известное заведение в Гусарах прикрыли, и всё вернулось на прежние места, за исключением нескольких человек, включая самого Насира, которые решили попытать судьбу в городе. Я не совсем поняла, чем всё-таки занялся Насир, но судя по его виду, он был весьма доволен сложившимися обстоятельствами. К моему удивлению, он так же рассказал, что Дэвид и Шаин всё-таки добрались до Ирана, где в данный момент увлеклись реализацией совместного проекта. Тандем этих двух, совершенно не похожих людей, не мог не поражать, хотя жизнь неоднократно приводит в пример совместимость несовместимого. Я была

искренне рада за диковинного англичанина, к которому испытывала довольно тёплые чувства. Шаин особо меня не волновал, может, потому что я знала: такие люди, как он, редко пропадают и, тем более, никогда не сдаются, за что его уже можно было уважать. Тем не менее, Шаин мне никогда особо не нравился – это был человек, готовый гнуть спину перед собственным неверием, если за это ему что-то перепадёт. Впрочем, кто я, чтобы судить? Хотелось верить, что на этот раз у них всё получится.

Единственная, с кем я не решилась попрощаться, была Самира. Долго размышляя над этим, даже повторяя заготовленные фразы вслух, я так и не смогла ей позвонить. Существуют люди, к которым обязательно вернёшься, но только после определенной паузы, способной заглушить звук тех громких клавиш, которые звенят дольше всех, заставляя сердце помнить и сжиматься от болезненных воспоминаний.

Я закуталась в плед и открыла книгу на предпоследней странице, вынув из неё яркую карту, служившую мне закладкой. Блестящее солнце, будто улыбаясь, глядело на меня с картинки. Я знала: моя главная игра впереди, и мне предстоит встреча не с одним тароком.

– Как ты думаешь, Алекс чувствует, что ты скоро приедешь? – сонным голосом спросила меня Нани прошлой ночью.

– Думаю, знает, – ответила я и, протянув ладонь, погладила её по волосам.

– Каким образом? Ты же ему ничего не сказала, – зевнув, пробурчала она.

– Это было необязательно, – улыбнулась я уносившему меня сну.

* * *

Где-то далеко, но вполне отчётливо раздавался стук капель по металлической поверхности. «Тук-тук, тук-тук», – одинаково ровно попадали капли в импровизированную мишень. Звук слышался в голове и мешал сосредоточиться. Я попыталась накрыть голову одеялом, чтобы вернуться в то состояние, из которого меня насильно вытянули. Все мои попытки оказались безуспешными. Единственным выходом в создавшейся ситуации было закрыть кран.

Выбравшись из тёплой постели, я побрела в ванную, где, к своему великому удивлению, не обнаружила никакой протекающей воды. Капало где-то извне.

Вернувшись в спальню, я выглянула в окно. Моросящий утром дождь, видимо, сосредоточился прямо над моим окном и теперь раздражённо капал на железный козырёк. А может, это был вовсе не дождь? Я ощутила в воздухе нотки мокрой травы и грусти. Такая погода всегда навевала на меня печаль, особенно вдали от дома.

Неожиданный скрип у двери заставил меня броситься в кровать и прикинуться спящей, накрывшись с головой одеялом. В этот самый момент мне почему-то не захотелось делиться неожиданно посетившими меня чувствами. Может, срабатывал мой природный эгоизм, а может, я просто не желала признаваться в нахлынувшей на меня грусти, дабы не оживлять те вопросы, ответы на которые я не имела.

Сквозь одеяло я услышала звук воды в кране, шорох одежды, брошенной на пол и приглушенный вздох прогнувшегося матраса:

– Не верю, что ты спишь, Сана. Ты же знаешь, меня сложно обмануть.

Приглушённый голос Алекса слишком громко прозвучал в спальне, окутанной тишиной. Я продолжала упорно молчать, не имея ни малейшего желания подтверждать его правоту. Притаилась, словно маленькая мышка, которой никоим образом нельзя было выдать своего убежища.

Это был мой каприз. Лишь немного приоткрыв одеяло, чтобы можно было легче дышать, я почувствовала знакомый аромат любимого одеколона, смешанный с лёгким запахом сигарет. Слегка задержав дыхание, я мысленно представила изящный сосуд, в котором можно было сохранить этот аромат, как некое воспоминание о чем-то дорогом и близком.

Таких сосудов у меня было немало. Маленькие и большие, хрустальные или глиняные, они лежали на полках моей памяти. У Нани был солнечный аромат моего детства, у Клары, наоборот, томный, глубокий, дурманящий, полный тайных мыслей, Птица пах красками и чем-то до боли родным, а вот от Алекса веяло страстью, желанием и авантюрой.

Алекс придвинулся ближе и обнял меня со спины:

– Сана, не делай вид спящей мышки. Я хочу знать твои планы на вечер. Я был на фабрике с Илмасом, но он мне ничего не сказал.

Я, упрямо продолжая хранить молчание, ощущала его крепкие объятия и влажность губ на своей шее. Слегка поддавшись, я удобнее устроилась и подумала, что всё утро ждала именно этого ощущения.

Мне хотелось сказать Алексу, что на вечер у меня уже были назначены планы. Что сегодня играю с новыми тароками, с которыми обещал познакомить меня Илмас, который, к нашей общей радости, уже самостоятельно выходил из дома. Я не сомневалась, что меня ждёт весьма интересная встреча и не менее заманчивая игра. Я также знала, что Алекс не

слишком одобряет моё увлечение игрой с познанием новых тароков. Но, будучи не в силах совладать с собой, я чувствовала необъяснимый голод перед неизведанным.

Мне не удалось что-либо сказать Алексу в ответ на его вопрос, так как Морфей, внезапно решивший мне подыграть, мягко уносил меня в сон. Алексу кто-то позвонил, и он, поднявшись с кровати, ответил на звонок. Мне показалось, что это был Дэвид, в последнее время часто звонивший Алексу.

Сквозь дрёму я на мгновение вспомнила свой прерванный сон. Я стояла на кладбище, наблюдая за Шаином, прикорнувшем у одной из могил, на изголовье которой сидела большая, серая птица.

Алекс уже успел поговорить по телефону и вернуться в постель. Я прижалась к нему, и странные картинки, увлекающие меня в новые приключения, исчезли сами собой...

К читателю

Роман дописан, а мне немного жаль, что моё общение с его героями подошло к концу. Не знаю, по кому из них я буду больше скучать. По Сане с её сильным желанием всё познать? Мне будет определенно не хватать её энтузиазма. По Кларе, с которой никогда не приходится скучать, по добродушной и миролюбивой Нани, по личному психоаналитику Птице или по таинственному красавчику Алексу?..

Интересная эта штука – писать книги и тем самым обретать друзей и близких, живущих не по соседству, а на страницах придуманной истории.

И да, совсем необязательно искать себя в изображениях карт Таро, ведь рисунка вашей судьбы может не оказаться в колоде. Но я обещаю узнать об этом у Саны. Возможно, у неё и будут ответы на эти вопросы...

А свои вопросы пока можете присылать мне на почту nmamedzadeh@hotmail.com

Нармина Мамедзаде

ТАРОКИ

Литературно-художественное издание

Технический редактор А.В. Кожейкин
Вёрстка и дизайн А.Р. Тарасенко

Подписано в печать 20.10.2014 г.
Гарнитура Arno Pro.
Объём 13,00 усл.печ.л.
Формат 60×84/16
Тираж 500 экз.

117419 г. Москва, ул. Орджоникидзе, 9
E-mail: rif_fregat@mail.ru